

Российские рубежи

реки Угра и Жиздра
в истории военных
противостояний

Министерство природных ресурсов и экологии
Российской Федерации

ФГБУ «Национальный парк «Угра»

Российские рубежи: реки Угра и Жиздра в истории военных противостояний

Материалы научной конференции

Калуга, 2015

УДК 908(470.318)
ББК 63.3(2)
Р76

Редакционная коллегия:

*Гордеева Т. А., Коваленко А. С.,
Новиков В. П.*

Р76   Российские рубежи: реки Угра и Жиздра в истории военных противостояний. — Калуга: Национальный парк «Угра», 2015. — 204 с.

В сборник включены материалы научной конференции «Российские рубежи: реки Угра и Жиздра в истории военных противостояний», посвященной 70-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 535-летию событий «Великого стояния на Угре» 1480 г. (25–26 октября 2015 г., г. Калуга). Тематика материалов сборника — военные конфликты и охрана рубежей Отечества, начиная от дописьменной эпохи и заканчивая периодом Великой Отечественной войны. Издание рассчитано на ученых, краеведов, педагогов, учащихся и на всех, кто интересуется историей.

УДК 908(470.318)
ББК 63.3(2)

Содержание

Предисловие	5
<i>Массалитина Г. А.</i> «Лесная земля» вятичей и засечная оборонительная тактика в Древней Руси	8
<i>Новиков В. П.</i> О генеральном сражении Великого стояния на Угре	14
<i>Сухоруков С. А.</i> Засечные топонимы (Столпицкая засека, Козельск, Козлы, Гордиково) и гидронимы (Вырка)	23
<i>Рябов С. А.</i> Перемышльская засека XVII века в свете документов родового архива Кашкиных (село Нижние Прыски)	36
<i>Бирюкова М. А.</i> С. Я. Храповицкий и Юхновское ополчение в 1812 году	45
<i>Покасов В. П., Рябцев А. С.</i> О некоторых страницах создания авиационного прикрытия Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны	60
<i>Грин Г. Я.</i> Как «неожиданно» был взят Юхнов (боевые действия на подступах к Юхнову 2–5 октября 1941 года)	78
<i>Жажина Н. Н.</i> Наши девочки (разведчицы — комсомолки города Подольска, погибшие в деревне Корчажкино 18 января 1942 года)	104

<i>Жажина Н.Н.</i> Они родом не из детства — из войны (очевидцы гибели жителей деревни Чапаевки 19 января 1942 года)	115
<i>Бирюкова М.А., Коваленко А.С.</i> Братская могила и памятник в селе Палатки Юхновского района	121
<i>Грин Г.Я., Чернов В.А.</i> Документы и публикации о трагедии 33-й армии в первой Ржевско-Вяземской операции. Кто виноват?	141
<i>Мельников В.М.</i> Героический подвиг воинов Западной группировки войск 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова в феврале-апреле 1942 года	160
<i>Решетникова Н.М.</i> Западноевропейские виды растений в Калужской области как следы линии фронта 1941–1943 годов	173
<i>Новиков В.П.</i> Перспективы формирования и развития ландшафтного военно-мемориального музея «Угра-фронт».	178
<i>Коваленко А.С.</i> О достоверности военно-инженерных реконструкций	190

Предисловие

Калужская земля имеет длительную, насыщенную различными военными событиями историю. Здесь издревле проходили границы между различными этно-племенными и политическими образованиями, чему, в немалой степени, способствовало ее природно-географическое положение: обилие рек, в том числе крупных, и обширных лесных массивов. Ока, Угра, Жиздра в годы военных противостояний неизбежно становились линиями обороны. Их берега помнят множество ожесточенных сражений разных исторических эпох.

Самые ранние данные о крупных вооруженных столкновениях в Калужском регионе документируются археологическими фактами. Многотлетние раскопки на Чертовом городище — древнем поселении, где в IX–X вв. обосновались первые в верхнеокском регионе славянские племена, выявили яркую картину его гибели: разрушенные оборонительные сооружения, сожженные деревянные конструкции, около сотни наконечников стрел, найденных на одном из склонов городища — все говорит об имевшем место штурме поселка. Есть все основания предполагать, что перед нами свидетельство завоевательной политики киевских князей, создавших первое славянское государство — Киевскую Русь, по подчинению соседних территорий.

Весьма красочные сведения об упорном военном сопротивлении киевской экспансии славян-вятичей, заселивших в XI–XIII вв. всю нынешнюю территорию Калужской области, содержат письменные источники — тексты и изображения древних летописей. «Окняжение» вятичей было длительным, походы в их землю киево-черниговским правителям пришлось совершать неоднократно. «Заратившиеся» (оказывающие вооруженное сопротивление) вятичи дольше других славянских племен сохраняли свою независимость от Киева.

К середине XIV в. характер территории Калужского края, как зоны военных конфронтаций, выявился еще более отчетливо. Это было связано с формированием по реке Угре московско-литовской границы. И в русских летописях, и в европейских хрониках содержатся данные о нескончаемых вооруженных территориальных конфликтах, свидетельствующих о возрастающей стратегической значимости угорского рубежа. Особенно отчетливо пограничный характер Угры проявился в московско-литовской войне 1406–1408 гг., в ходе которой имело место многодневное «стояние» противников на разных ее берегах.

Но наиболее широкую известность эта пограничная река приобрела благодаря Великому стоянию на Угре 1480 г. Победа, одержанная тогда войсками великого московского князя Ивана III в военном противоборстве с ханом Большой Орды Ахматом, положила конец монголо-татарскому игу на Руси и во многом определила дальнейшую судьбу страны.

И снова именно географический фактор — расположение калужской территории к юго-западу от Москвы, столицы государства — сказался на военной истории края. Преимущественно с этих направлений, с юга и запада, в последующие эпохи двигались к ней завоеватели разных мастей и толков.

Один из опаснейших врагов Москвы в эпоху средневековья — крымские татары; для предотвращения их сокрушительных набегов в начале XVI в. вдоль левого берега Оки создается первый оборонительный рубеж государства — «береговая служба» или просто «Берег»; именно так именовалась тогда эта река. Калужские крепости, в частности Таруса, были важными опорными пунктами в пределах «Берега».

Особого внимания в этом отношении заслуживает история сооружения и функционирования Засечной черты Московского государства — мощнейшей оборонительной системы, созданной при Иване Грозном для защиты южной окраины страны от набегов степняков. Граница московских земель в то время простиралась по правому берегу Оки и нынешняя калужская территория была пограничной («украиной» — по терминологии документов той эпохи). Перемышльская и Козельская линии засек были самыми ранними звеньями Черты, именно с них началось ее строительство. С продвижением границы государства к югу, к середине XVII в., этот оборонительный рубеж утрачивает свою актуальность, но занятия, быт и «культура пограничья» еще очень долго продолжали определять жизнь населения этих районов.

Одна из самых драматичных страниц в истории Калужской земли — Смутное время, конец XVI — первые десятилетия XVII вв., «Русь без государя». Один за другим через ее территорию идут к Москве претенденты на престол. В кровавую круговерть борьбы, словно в гигантскую воронку, были вовлечены многие тысячи людей самых разных нацио-

нальностей и разной веры. Поляки, литовцы, немцы, татары, русские, украинцы и пр. — все они пришли в движение в приграничных областях Московского государства. Стоит подчеркнуть, что для калужской территории период Смуты не закончился с избранием в 1613 г. первого царя из Романовых: еще в начале 1630-х гг. здесь рыскали банды и ватаги приверженцев того или иного государя.

Впоследствии в нынешних пределах Калужской области судьба государства решалась еще дважды: в Отечественную войну 1812 года и Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Боестолкновения на водных рубежах оказались частью охвативших обширные территории кампаний и операций.

В год наполеоновского нашествия уездные ополченческие формирования несли охрану угорского рубежа от мародерских шаек «Великой Армии».

В ходе наступления немецко-фашистских войск на Москву осенью 1941 г. на рубежах Угры и Оки произошли яркие схватки, обеспечившие драгоценное время для сбора сил на защиту столицы. На рубеже Угры в Юхновском районе после двухмесячных кровопролитных атак в апреле 1942 г. части Красной Армии были вынуждены завершить наступательный этап Московской битвы. Следующие одиннадцать месяцев на Угре велись позиционные бои, где воюющие стороны сражались за ежечасное истребление своего противника, пока из-за поражения под Сталинградом немцам не пришлось снять с угорского рубежа все свои войска. На реке Жиздре был остановлен прорыв фашистов в августе 1942 г., и отсюда в июле 1943 г. Красная Армия начала наступление на орловском направлении, поворачивая ход Курской битвы к победе советского оружия.

В настоящем сборнике помещены итоги исследований военных событий, происходивших в различные исторические эпохи в границах нынешней территории национального парка «Угра» или близ нее. Предлагаемые работы отображают чрезвычайно разнообразные подходы и масштабы их освещения: от гибели единственной деревни до театра судьбоносной для народа военной кампании. Большими или малыми могут показаться представленные в книге темы, каждая из них свидетельствует о приобщённости отдельного человека к судьбе своего народа и земли, об ответственности перед предками и потомками.

Г. А. Массалитина, А. С. Коваленко

«Лесная земля» вятичей и засечная оборонительная тактика в Древней Руси

Массалитина Г. А.

Национальный парк «Угра», г. Калуга

Уникальность Засечной черты Московского государства XVI–XVII вв. — мощнейшей оборонительной системы средневековья — отмечалась неоднократно [2, 6]. Черта (ее называют «Заокской засечной чертой», «Большой Засечной чертой»; на языке XVI–XVII вв. — просто «Чертой») представляла собой единую, сплошную линию обороны, ограждавшую южные окраины Московии от Степи. Она имела протяженность почти тысячу километров (от Козельска до Рязани); естественные препятствия — леса, реки, озера, болота, овраги — чередовались в ней с искусственными преградами — лесными завалами, частоколами, надолбами, земляными валами и рвами, земляными и деревянными крепостями.

Никаких аналогов Засечной Черте в мировой фортификационной практике не известно. Иногда ее сравнивают с Великой Китайской стеной как барьером, разделяющим два типа цивилизации: оседлую земледельческую и кочевническую степную. Называют «русской зеленой стеной», так как одним из основных защитных ее элементов выступали обширные лесные массивы и собственно засеки — искусственные завалы леса.

В виде сплошной протяженной преграды Черта сформировалась к середине XVI в. Необходимость ее сооружения была вызвана тем, что к этому времени южная граница страны «перешагнула» Оку и эта серьезная естественная водная преграда перестала защищать степные окраины государства. Тогда-то московское правительство и создает весьма своеобразную фортификационную систему в виде Засечной черты.

Засекание леса тем не менее — это не изобретение XVI в.; устройство лесных завалов, как основной прием строительства оборонительных рубежей, засечная тактика обороны применялись на Руси издавна, о чем убедительно свидетельствуют тексты древних летописей и иллюстрирующие их миниатюры Лицевого летописного свода. Одно из наиболее ранних упоминаний связано с событиями 1137–1139 гг.: речь идет о засеках, сооруженных псковичами в борьбе с новгород-северским Святославом Ольговичем. При этом сразу следует отметить, что заграждения из хаотично поваленных деревьев той далекой эпохи устраивались «на скорую руку», являясь скорее оборонительной импровизацией, рассчитанной на временные нужды. Лесные завалы в составе Засечной черты Московского государства XVI–XVII вв. — долговременной, постоянно поддерживаемой и периодически возобновляемой оборонительной системы — сооружались в соответствии с определенными требованиями и приемами; за их соблюдением строго следили специальные должностные лица.

Для нашей темы наиболее интересными представляются данные о широкомасштабных феодальных войнах XII в. В 1146–1147 гг. на северо-востоке Черниговского княжества вспыхнул конфликт между суздальским князем Юрием Долгоруким и его союзником, упомянутым выше Святославом Ольговичем, с одной стороны, и черниговскими Давыдовичами, а также князем Изяславом Мстиславичем киевским — с другой. Охваченную военными действиями территорию тогда населяли племена вятичей — ныне это большая часть Калужской области, частично Орловской и Брянской. В самом конце XII в. разразилась еще одна ожесточенная междоусобица, на этот раз — черниговских князей с коалицией киевского Рюрика Ростиславича и Всеволода Большое Гнездо. Ход военных действий и в том и в другом случае подробно описан летописцами. К примеру, когда в 1196 г. Всеволод и смоленский Давыд Ростславич *«вятичскыя городы поимал и пожгль»*, черниговский Ярослав Всеволодович с князьями Киевской земли *«ста под лъсы своими, засъкъся от Всеволода и от Давыда и по рѣкам вель мосты подьсъчи»* [4]. В Шумиловском томе Лицевого летописного свода имеется миниатюра, показывающая процесс сооружения лесного завала людьми Ярослава Всеволодовича в 1216 г. Изображение сопровождается текстом: *«Ярослав же Всеволодович собравше тверич и пути от Нова Города засекоша и реку Тверцу»* (рис. 1).

Возникновение засечной оборонительной тактики, несомненно, обусловлено географическим фактором — наличием обширных лесных массивов, которыми славилась, в частности, земля древних вятичей. Уже в эпоху начальной колонизации славянскими племенами междуречья Оки и верхней Волги (IX–X вв.) огромный массив

Рис. 1. Сооружение лесного завала-засеки в начале XIII в. Миниатюра Лицевого летописного свода

Святослава Ольговича советуют ему бежать в «лесную землю», что тот и сделал — *«и тако побъже Святослав из Новагорода Корачеву»*. Затем, узнав о приближении союзных киево-черниговских войск, из Корачева он *«бъжа за лѣс у Вятичъ»*. Следовательно, считал А.К. Зайцев, Корачев был вне «Вятичей», и «Лесная земля» находилась между землями Новгород-Северского и «Вятичами» [1. С. 87].

Лесная земля, лесистая преграда между Киевом и северо-восточными территориями — Суздалем, Муромом, Рязанью — с именем вятичей ассоциировалась неизменно и очень долго. Не случайно именно лес у иллюстраторов летописных сводов является символом земли вятичей. В Радзивилловской летописи, в частности, его можно видеть на миниатюрах со сценами приношения вятичами дани Святославу и Владимиру (рис. 2), похода Владимира на вятичей. Лес на них изображен в виде групп зеленых или красно-зеленых деревьев, занимающих значительную часть площади миниатюры. В сцене первой встречи Святослава с вятичами он показан иначе: фигуры двух вятичских данников помещены на фоне зеленого, обведенного волнистой чертой пространства, — прием, в других местах летописи нигде более не встреченный. Группа деревьев, аналогичная указанной выше, имеется и на рисунке, изображающем возвращение Ярослава

лесов и болот на территории нынешней Брянской и Калужской областей был совершенно непроходим. Спасаясь от набегов степных кочевников, переселенцы-славяне из Поднепровья оставляли нетронутыми леса на границе с лесостепью, служившие и преградой для конницы степняков, и местом укрытия для них самих.

В текстах летописей «лес» является постоянным эпитетом по отношению ко всей вятичской территории. Известный исследователь истории Черниговского княжества А.К. Зайцев выделял в вятичском ареале даже особую волость — «Лесную землю», расположенную южнее волости «Вятичи». В ходе княжеской междоусобицы 1146–1147 гг. союзники

Рис. 2. Вятичи платят дань киевскому князю Владимиру.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Святославича Муромского в свою вотчину из Киева — то есть путь, пролегающий через вятичские дебри.

Показательно, что в сцене похода Владимира в землю вятичей изображение леса композиционно соответствует башне, которая обычно присутствовала в батальных сюжетах и символизировала собой город (рис. 3). Видимо, территория вятичей, как военный объект, даже для летописца XII в. — это еще обитающее в лесах племя, а не совокупность их городков и областей.

Стоит отметить, что в летописных текстах, сопровождающих перечисленные изображения, упоминания о лесе нет. А авторы миниатюр, иллюстрируя текст, обычно следовали ему буквально. В их представлениях связь земли вятичей с лесистой местностью была, таким образом, весьма устойчивой. Расположенные среди лесов и оторванные от культурных центров поселения вятичей воспринимались летописцами и обитателями городов как захолустье тогдашней Руси, вызывали у них пренебрежительное отношение. Это нашло яркое отражение в хорошо известной высокомерной характеристике обычаев вятичей в самом раннем летописном источнике — «Повести временных лет»: по сведениям ее автора, монаха Киево-Печерской лавры Нестора, они «...живут в лесах, яко же и всякий зверь...».

О залесенности земли вятичей, о том, насколько плотно была покрыта лесами эта территория в древности, имеются более поздние свидетельства средневековых путешественников. «Одному всевышнему Богу известно, до чего трудны и узки здешние дороги: мы, проезжая по разным

Рис. 3. Владимир идет в поход на вятичей.
Миниатюра Радзивилловской летописи

дорогам страны до сих мест, не встречали таких затруднений и таких непроходимых путей, как здешние, от которых поседели бы и младенцы... густота деревьев в лесах такова, что земля не видит солнца. Поперек узкой дороги падали деревья, которые были столь велики, что никто не был в силах их разрубить или отнять прочь; ... путь так узок, что не вмещал патриаршей кареты», — писал Павел Алеппский в XVII в., описывая поездку в Москву Антиохийского патриарха Макария [4. С. 119–120, 132].

Обширность и непроходимость лесов, обилие болот, отсутствие дорог на территории, где некогда обитали вятичи, ярко показаны в еще более ранних источниках — сообщениях западных средневековых хроник о московско-литовском пограничном конфликте 1406–1408 гг. Хронисты подробно описывают все тяготы похода великого литовского князя Витовта из Смоленска на Москву. На обратном пути, после заключения мира, характер местности и погодные условия (все время шли дожди) чуть было не уничтожили все войско Витовта: «рыцарству» с невероятными трудностями приходилось пересекать сплошной лес, а чтобы преодолеть болота, помосты создавались поверх своих же измученных коней [5. С. 67].

Любопытно, что проблемы, связанные с проездом через землю вятичей, в том числе в силу природных особенностей территории, нашли отражение и в старинных былинах, представляющих историю Руси

в особой, народной трактовке. В одной из них Илья Муромец говорит князю Владимиру: «*А проехал я дорогой прямоезжею, из стольного города из Мурома, из того села Карачарова*» (по другому варианту записи этой былины «прямоезжая» дорога из Мурома пролегла «*через леса те Брынские, через грязи те смоленские*». Соратники Владимира реагируют на это следующим образом: «*А, ласково солнце, Владимир-князь, в очах детина завирается: где ему проехать дорогой прямоезжею*». «Прямоезжая» дорога из Мурома в село Карачарово пролегла по земле вятичей; неверие Владимира и его дружины, что Илья Муромец может ею проехать, подчеркивает трудности и опасности, связанные с их преодолением.

Итак, в местностях, богатых лесом, засеки были одним из самых обычных защитных сооружений с незапамятных времен и вплоть до современности. Фигурируют они в истории борьбы Ермака с Кучумом, к их устройству то и дело прибегали в Смутное время, засеками укрепляла свои позиции московская армия в Смоленскую войну. Засеканием леса думал преградить движение армии Карла XII в 1709 г. Петр Великий. Чрезвычайно активно использовался этот заградительный прием в годы Великой Отечественной войны. «*Вероятно, — писал А. И. Яковлев, — не было ни одной войны, в которую в лесных местностях не обращались бы к сооружению засек*».

Источники и литература

1. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. — М., 2009.
2. *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI–XVII вв. // *Материалы и исследования по археологии СССР. № 44.* — М., 1955.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стб. 413; Т. 2. Стб. 697–698.
4. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в XVII веке, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским // *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4.* — М., 1897.
5. *Темушев В. Н.* Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // *Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 2.* — Минск, 2009.
6. *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. — М., 1916.

О генеральном сражении Великого стояния на Угре

Новиков В. П.

Национальный парк «Угра», г. Калуга

В отношении места 4-х дневного генерального сражения Великого стояния 8–11 октября 1480 года до сих пор нет единого мнения. Летописи на этот счет не дают прямых указаний, кроме того, что Иван III направил свое войско, вслед за маневром ордынцев, от Серпухова и Тарусы на Оке «к Колузе к Угре на берег» [7]. Калуга находится менее чем в 10 км от места впадения р. Угры в Оку, и от Калуги на Москву идет прямая дорога. В связи с этим большинство исследователей сходятся во мнении, что основные силы хана Ахмата расположились близ устья Угры, где, очевидно, и состоялась главная битва [1, 5, 8]. Имея ввиду значительную длину реки (без малого 400 км), приустьевым можно считать отрезок ее долины протяженностью до 20–30 км. Именно на этом пространстве, вероятно, и следует искать удобные места для переправы татарской конницы (численность ее, по разным оценкам, могла составлять от 40 до 100 тысяч всадников). Такие участки на реке должны были обладать прежде всего протяженными бродами, а также отлогими и открытыми (безлесыми) берегами. К подобным местам стремился не только Ахмат («и знахари ведяху его ко Угре реце на броды»), но и русские воеводы, заранее «пришедшие, стаща на Угре и броды и перевозы отняша» [14].

Разные авторы, анализируя характер местности, называют различные места, пригодные для переправы ордынцев. Каргалов В. В., отвергая наличие бродов в устье Угры, предлагает ориентироваться на «перелазы», т. е. участки с относительно большой глубиной реки [5]. В итоге местом переправы и сражения он считает короткий отрезок долины

Угры от устья до впадения в нее р. Росвянки (около 3 км). Но здесь река наиболее полноводна, обладает быстрым течением, и правый берег ее отличается крутым рельефом. На этом участке, близ старой Брянской дороги, в наиболее узком месте долины издревле существовал только «перевоз» (на лодках или пароме), впервые упомянутый в 1511 году в жалованной грамоте Великого князя Василия Ивановича в связи со Спас-Воротынским монастырем [10].

Скрынников Р.Г. полагает, что места боевых действий «охватывали большое пространство от Калуги вверх по течению Угры. Ожесточенные бои на угорских переправах нельзя рассматривать ни как генеральное сражение, ни как мелкие стычки» [12]. Но летописи говорят лишь о двух, в лучшем случае о трех боестолкновениях, выделяя главное, в котором «по многы дни приступаху бьющееся и не возмогоша» и где Ахмат вынужден был в итоге отступить от берега реки на 2 версты [14]. Трудно к тому же предположить, что на Угре существовало много мест, пригодных для переправы большого войска — скорее они были единичны.

И это убедительно показал в своей работе калужский краевед Зеленов В.С. [3], опираясь на данные географического обзора Калужской губернии середины XIX столетия [11]. Подробно описывая все существующие на это время переправы через Угру, автор обзора подполковник генштаба Попроцкий М.Ф. отмечает, что в ее приустьевой части были лишь три брода, и все они приурочены к 5–6-километровому участку реки от д. Камельгино до д. Дворцы (следующий вверх по течению брод находился лишь у д. Смагино, т.е. более чем в 20 км от этого места). Указанные три брода располагались на расстоянии 2,5–3 км друг от друга и имели глубину в межень от 0,6 до 0,9 метра; протяженность самого верхнего (при впадении р. Сечны) — 53 метра. Средняя глубина реки на данном участке составляла около 2 метров при ширине меженного русла до 170 метров.

Современные параметры Угры значительно уступают зафиксированному полтора столетия назад. Рассматриваемый участок от Камельгино до Дворцов сегодня сильно обмелел, но заметнее всего изменилась ширина реки: если в начале 60-х годов прошлого века она достигала 120–140 метров, то сейчас составляет не более 90–110 метров. С учетом подобной тенденции, есть все основания полагать, что Угра в конце XV века являлась достаточно серьезной водной преградой, и удобные для переправы места на ней действительно были не столь многочисленны. О большей водности реки косвенно свидетельствуют старые топографические карты и схемы межевания земель (рис. 1, 2), на которых в районе Дворцовско-Залидовской поймы отрисованы крупные старичные озера, заметно сократившие теперь свое водное зеркало и нередко пересыхающие

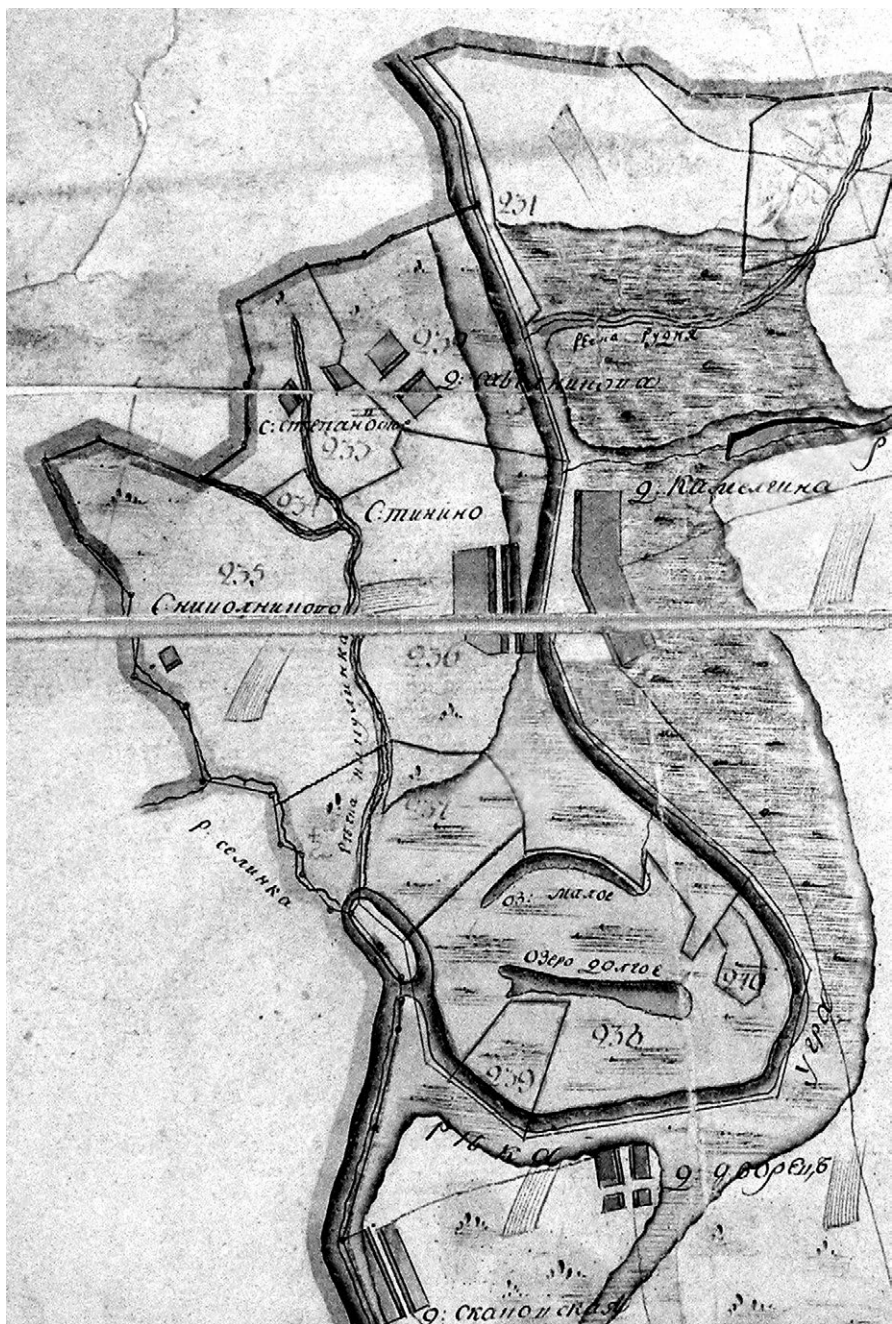

Рис.1. Фрагмент Плана генерального межевания Калужской губернии (1779 г.)

к концу лета (озера Долгое, Залидово, Лаврентьевское и др.). Вместе с тем эти карты показывают, что и русло реки претерпело определенную эволюцию, особенно в местах крутых излучин. В частности, оно заметно продвинулось к юго-востоку, что вызвало отступление построек с Дворцы от берега, который здесь по-прежнему активно размывается и имеет обрывистые склоны. А в узкой излучине реки выше д. Свинухово произошел «перехват» меандры (рис. 1) и от основного русла постепенно отделилось озеро Старица (на сегодня самое молодое среди прочих в данном районе).

Склоняясь вслед за Зеленовым В. С. [3] к мысли о том, что основные события Великого стояния были связаны с Дворцовско-Залидовской поймой, оценим другие преимущества этой части угорской долины.

Рис.2. Фрагмент военно-топографической карты Калужской губернии (1871 г.)

Прежде всего следует сказать, что здесь мы наблюдаем довольно редкий для Угры в целом (и приустьевой ее части, в частности) случай двусторонней поймы, имеющей к тому же большую ширину. Невысокие выровненные берега реки заняты обширными лугами, дававшими необходимый оперативный простор противникам в случае форсирования водной преграды. На правом берегу располагаются т.н. Залидовские луга, получившие свое наименование от древнего города Залидова, являвшегося крупным военно-административным центром на границе польско-литовских земель (сегодняшнее его местоположение отождествляется с городищем у д. Свинухово [10]). С запада луга ограничивает высокий коренной берег, а с северо-востока и юга их петлей огибает река. В итоге возникает некое подобие треугольника площадью более 1000 га и размерами до 4 км по широте и 5 км — по долготе. На таком огромном пространстве могло надолго разместиться все ордынское войско, не испытывая при этом нужды в корме для лошадей, питьевой воде (озерной) и топливе (на коренном берегу есть леса). Косвенным подтверждением пребывания Ахмата в этих местах может служить народная молва, связывающая его имя с церковью в с. Бышковичи (в 10 верстах от Угры) и соседним с ним «курганом» в д. Городец на р. Большой Березуй [6]. Вероятно, не случайными являются и известные вокруг Залидовских лугов топонимы с татарскими корнями в названиях деревень и сел: Ярлыково (Ерлыково), Якшуново, Камельгино.

Левый берег Угры, где расположение ставки Ивана Молодого (сына Ивана III) подтверждается историческим названием населенного пункта Дворцы (прежде Дворец), быть может и не давал тактических преимуществ русским воеводам, но обеспечивал большую свободу для фланговых перемещений и хороший обзор всего поля сражения с высоких точек рельефа. Примыкавший к пойме лес обеспечивал береговую оборону русских древесиной для изготовления укрытий и прочих фортификаций (надолбы, «частики», засеки) и одновременно мог использоваться для скрытой переброски и размещения резервов, устройства засад на случай прорыва обороны берега.

Практически все летописи, посвященные «Угорщине», дают краткие, но по-своему красочные и вполне сопоставимые описания генерального сражения 8–11 октября 1480 года. Интерпретации летописных текстов и миниатюр, касающиеся этого события, имеются как в уже ставших классическими трудах отечественных ученых [1, 4, 12], так и в более поздних публикациях на эту тему [9, 10, 13, 15]. В них проанализированы причины неэффективности основного оружия Орды — луков, подчеркнута преимущество и огромное психологическое воздействие русских огнестрельных «нарядов», отмечен стратегический талант Ве-

ликого князя московского Ивана III и высокое оперативно-тактическое мастерство наших воевод.

Но применительно к рассматриваемому здесь месту генерального сражения хотелось бы обратить внимание еще на одну важную особенность боевых действий на Угре, о которой сообщают почти все известные летописи. Описывая сражение, летописцы делают упор на то, что ордынцы в попытках перейти вброд реку, одновременно атакуют разные полки русских: «...*инии же приидоша противу князя Андрея, а инии противу великого князя мнози, а овии противу воевод вдруг приступиша*». И полки эти, руководимые князем Андреем (братом Ивана III), Великим князем Иваном Молодым и первым воеводой Московского княжества Даниилом Холмским*, защищали, как следует из вышеприведенного текста, разные броды. А с учетом оценки возможных переправ мы приходим к выводу о том, что ордынцы могли форсировать реку сразу тремя «колоннами» там, где были единственные в приустевой части Угры броды, т. е. на участке Дворцовско-Залидовской поймы, между Камельгино и Дворцами (рис. 3). Трехчастную картину боя демонстрирует и миниатюра Лицевого летописного свода, сопровождающая рассказ «О царе Ахмате как приходил на Угру» [15]. На этой миниатюре отчетливо показаны три эпизода боестолкновений в разных местах реки (рис. 4). Можно, конечно, оспаривать синхронность этих боевых действий, но вряд ли можно сомневаться в том, что ордынцы, имеющие огромный боевой опыт, стремились максимально «растянуть» нашу оборону и атаковать на широком фронте. И такую возможность им предоставила сама территория Угры. Но, с другой стороны, русские ратники, зная места с бродами, могли заранее подготовить их к усиленной обороне. И в этом было безусловное преимущество русских позиций, оно, вероятно, стало залогом успеха и позволило в итоге выиграть решающее сражение.

Таким образом, в границах Дворцовско-Залидовской поймы наблюдается наиболее благоприятное сочетание условий, необходимых для форсирования Угры войсками хана Ахмата во время генерального сражения 8–11 октября 1480 года. Свообразными отголосками этой битвы могут быть и многочисленные топонимы, рассеянные в этой округе: 1) название исчезнувшей деревни Сабельниково на северной окраине Залидовских лугов (рис. 1, 2); 2) название р. Сечны (возможно, от «сечи») у д. Камельгино на противоположном берегу Угры; 3) наименования еще двух речек с корнем «руд» («рудить», «руднить» — чер-

---

* В «команде» Д. Холмского, по сведениям Скрынникова Р.Г. [12], могли находиться его соратники князя Александр Оболенский, Семен Ряполовский, Даниил Щеня.

Рис. 3. Великое стояние на Угре: историческая реконструкция генерального сражения 8–11 октября 1480 года

нить, мара́ть, в т. ч. кро́вью — как обозначение места, испоганенного неприятелем [2]: р. Рудни против д. Сабельниково (рис. 1) и р. Рудницы в западной части Залидовских лугов; 4) наконец, утраченное название р. Соболевки (рис. 2) — Буйня (от «буянить» — драка, побоище).

Следует сказать и об устойчивости преданий, касающихся сражения на Угре, которые до сих пор бытуют в д. Камельгино и записаны автором в 2015 году со слов местного жителя А. П. Рубцова (1922 г. р.). На окраине деревни со стороны Угры, на правом берегу р. Сечны, некогда располагался «курган», где по легенде были захоронены погибшие воины и найдена сабля. По другую сторону р. Сечны находится «дворище», где вдоль Угры долгое время сохранялись остатки укреплений в виде земляного вала с деревянным тыном. В окрестностях деревни известны и более определенные микротопонимы: «татарская

лужка» у современного кладбища и «татарские полосы» в ближайшем лесном массиве.

В географических названиях мест, приближенных к Дворцовско-Залидовской пойме, запечатлелись не только отзвуки былого сражения, но и имена некоторых участников Великого стояния. Напомним, что после неудавшихся попыток преодоления Угры «стояние» перешло в фазу переговоров, начатых по инициативе Ивана III с целью прекращения кровопролития и достижения временного перемирия. Такой дипломатический прием увенчался успехом: хан Ахмат простоял в своей ставке на Угре «десять ден», из них шесть он потратил на заведомо бесплодные переговоры, ибо московский князь с самого начала не предполагал идти ни на какие уступки [12]. В числе первых «переговорщиков», достойно справившихся с задачей умиротворения амбициозного хана, был боярин Иван Федорович Товарков (Таварков, Товарок). В благодарность ему был выделен земельный надел близ устья р. Шани (левого притока Угры к северу от Камельгино), где позднее возникла слобода, названная Товарковой — нынешний поселок Товарково (рис. 2).

Дворцовско-Залидовская пойма — один из важнейших и наиболее ярких объектов в ряду памятных мест Великого стояния [10]. Сегодня оно отмечено мемориальным камнем и Поклонным крестом как место генерального сражения, Владимирским скитом монастыря Тихонова пустынь с диорамой, посвященной событиям осени 1480 года. На Залидовских лугах и городище Свинухово (древний Залидов), входящих с 1997 года в состав национального парка «Угра», имеются видовые площадки с информационными щитами. В ближайшей перспективе — придание всей этой территории статуса «достопримечательное место» в соответствии с федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Рис. 4. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века (Л. 339)

Литература

1. Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. — Л., 1989.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Спб.-М., 1882.
3. Зеленов В. С. К вопросу о локализации некоторых событий Великого стояния на Угре в октябре 1480 года // Калужская застава. Вып. 2. Т. 1. — Калуга, 2003. — С. 125–134.
4. Каргалов В. В. Полководцы X–XVI вв. Иван III. — М., 1989. — С. 141–171.
5. Каргалов В. В. На границах Руси стоять крепко. — М., 1998.
6. Леонид (Кавелин Л. А.). Церковно-историческое исследование о древней области Вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частью Суздальской епархий. — М., 1862.
7. Московский летописный свод конца XV века. — М.-Л., 1949.
8. Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. — М., 1983.
9. Назаров В. Стояние на Угре // Вокруг света, № 10, 2007. — С. 174–184.
10. Новиков В. П., Массалитина Г. А. Памятные места Великого стояния. — Калуга, 2013.
11. Попроцкий М. Ф. Материалы для географии и статистики России: Калужская губерния. Ч. 1. — Спб., 1864.
12. Скрынников Р. Г. На страже московских рубежей. — М., 1980.
13. Соболев К. А. Боевое применение артиллерии во время «Великого стояния на Угре» (8–11 октября 1480 г.) // Природа и история Поюгорья. Вып. 5. — Калуга, 2009. — С. 196–202.
14. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. — Пг., 1921 — С. 199–201.
15. Чайкин Е. В. Угорщина. Великое стояние на Угре. — Калуга, 2000.

Засечные топонимы (Столпицкая засека, Козельск, Козлы, Гордиково) и гидронимы (Вырка)

Сухоруков С. А.
Краевед, г. Калуга

Засечные топонимы и гидронимы могут нести в себе смысловую нагрузку, так или иначе связанную с фортификационными традициями своего времени. В настоящем исследовании предпринята попытка расшифровать известные для засек в границах Калужской области топонимы *Столпицкая засека*, *Козельск*, возможный засечный топоним *Козлы*, относительно новый (применительно к современному этапу исследований в области засечного дела) топоним *Гордиково*, и гидроним, который автор также относит к засечному делу, — *Вырка*.

Одна из последних попыток раскрыть содержание топонима *Столпицкая засека* была предпринята исследователем засечного дела С. А. Рябовым [8]. Опираясь на известное по В. Далю [3] толкование слова *столпъ* — «вежа, башня, вышка, каланча», С. А. Рябов сделал вывод о насыщенности засеки смотровыми башнями и вышками, которые, по его мнению, и дали название фортификационной преграде — *Столпицкая засека*. Однако, если в состав засечных сооружений входило множество смотровых башен, то вряд ли *Столпицкая засека* была исключением по части насыщенности смотровыми башнями — таковые могли входить в состав укреплений и на других засеках, но они почему-то были названы иначе.

Если обратиться к фундаментальной работе в области древней фортификации — труду Ф. Ф. Ласковского [7], то можно найти определение термина *столпъ*: «В некоторых местах Ипатьевской летописи башенная постройка названа *столпомъ*, но она везде означала отдельную башню, помещенную внутри города, впереди оборонительной ограды,

а не в непосредственной связи с нею». Если речь идет о засечных смотровых башнях или вышках, то они должны быть выдвинуты далеко за пределы засечных укреплений. В противном случае пройдет слишком мало времени с момента обнаружения противника до извещения об этом факте гарнизона, предназначенного для отражения нападения больших сил противника. Гарнизон же собственно засечных укреплений невелик и распределен вдоль них небольшими группами — дозорами, которые могут оказать сопротивление только подразделениям противника ограниченной численности. Кроме того, отдельная смотровая башня, по Ф. Ф. Ласковскому, применима в крепостных (городских) условиях, когда она имеет хорошую защиту. Для засечных укреплений вынесенная далеко за их пределы смотровая башня уязвима, и наблюдатели на ней легко уничтожаются разведывательными группами противника. Поэтому на засеках велось наблюдение за местностью преимущественно со скрытых наблюдательных постов, например вышек, расположенных на высоких деревьях. Дальняя же разведка велась не с башен, а, говоря современным языком, мобильными группами — «степными разъездами».

Раскрыть содержание топонима нам помогут сведения из работы Ф. Ф. Ласковского: «Тыновые ограды... располагались на местном горизонте, или на небольшом земляном вале... не усиливались башнями, а имели башни только проезжие, обеспечивающие сообщение. В летописях Воскресенского списка и Ипатьевской подобная тыновая ограда названа *стольницею*». Этот термин в наибольшей степени соответствует топониму *Столницкая засека*, так как небольшие земляные валы на её границах сохранились и до нашего времени. Сохранилась и насыпь прямоугольной формы на спуске дороги к р. Песоченке. К насыпи шел вал и ров первоначальных укреплений *Столницкой засеки*, вероятно, на этой насыпи и стояла проезжая башня [10].

Почему для устройства фортификационной преграды был выбран легкий тип ограды? Одной из возможных причин могла быть спешность, с которой возводились укрепления засеки. На валу земля оседает несколько лет, только после этого на нем можно возводить добротную бревенчатую ограду, а до того времени на валу устанавливалась облегченная ограда, например, *столние*, которая должна была перекрывать по высоте всадников засечного дозора, обеспечивая их скрытное передвижение. Причины, по которым могли спешно возводить укрепления *Столницкой засеки*, описаны в [9], где мною была выдвинута версия о новом маршруте следования татарских войск (предположительно в походе 1571 г.), указанном им предателем из Белева — Кудеяром Тишенковым. На рис. 1, заимствованном из [9], показан традиционный путь татар по левому берегу р. Оки, на котором им приходилось преодолевать

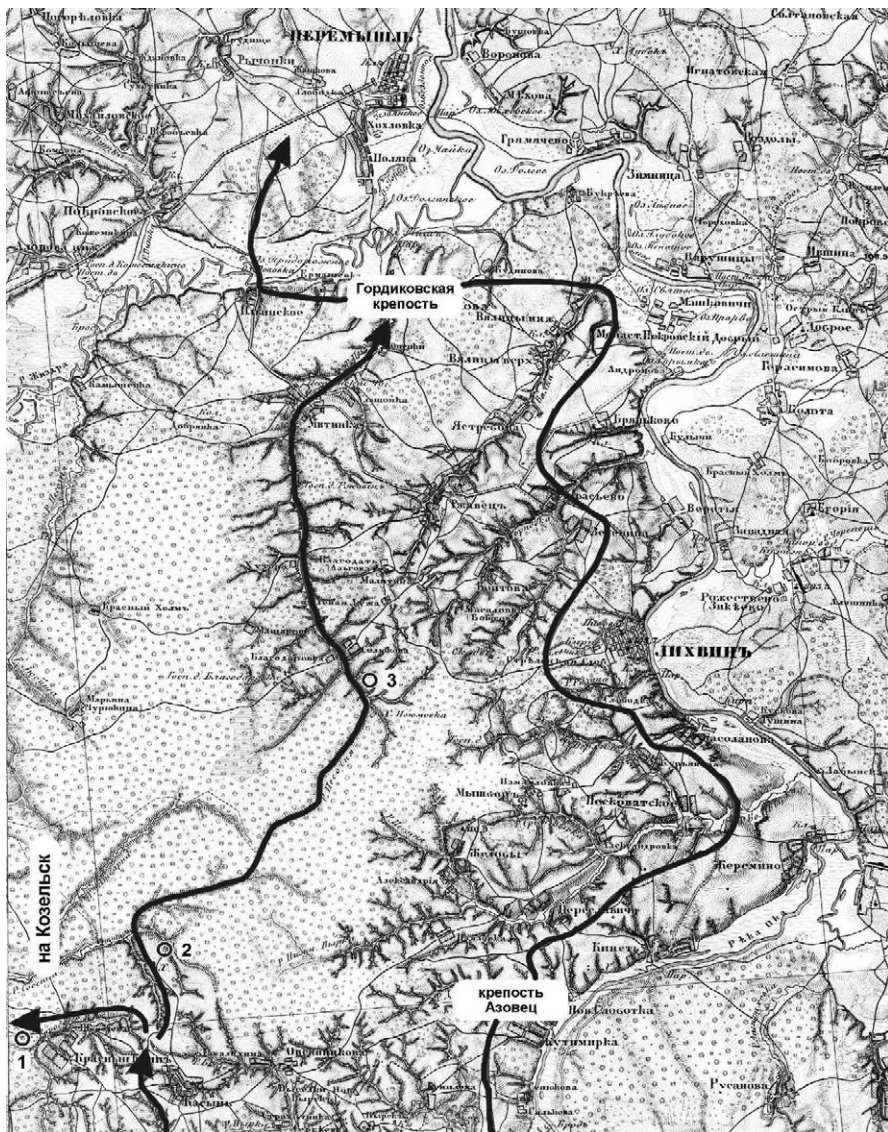

Рис. 1. Пути татарских войск в междуречье Оки и Жиздры

Бобриковскую (Белевскую), Боровенскую, Слободецкую (Лихвинскую) и Перемышльскую засеки, да две крепости: Азовец и Лихвин. На одном из путей выхода к бродам через р. Жиздру у д. Кудиново, на границе Перемышльской засеки (по схеме, приведенной в книге А. Яковлева [13]), был найден вал и ров протяженностью 1600 м [9].

Вероятный путь по долине р. Песочни в обход Бобриковской и Слободецкой засеков, а также крепостей Азовец и Лихвин, показанный на рис. 1, идет через д. Красный Клин [9]. Этот путь был проложен по карте с учетом рельефа местности, наличия источников воды (рек) и известных сведений из работы В. О. Ключевского [5]: «татары крались по лощинам и оврагам». Вблизи д. Красный Клин кружочком с цифрой 1 на карте было обозначено возможное место расположения крепости, которая перекрывала бы обходной путь. Интуиция не подвела и спустя несколько лет на окраине д. Красный Клин, на берегу р. Песоченки мною были найдены подтверждения данной гипотезы [10]. Вполне вероятно, что этот новый обходной путь татарских войск русскими фортификаторами спешно перекрывался *Столпницкой засекой*; тогда возможное время возведения (либо капитального ремонта) её первых укреплений — ближайшие годы, следующие за 1571 годом.

Исследование топонимов *Козельск* и *Козлы* проведем с опорой на работу Ф. Ф. Ласковского [7] и «Устав ратных и пушечных дел» [12]. По Ф. Ф. Ласковскому: «Здесь кстати упомянуть о *козлах* и *деревянных быках*, которые в Уставе ратных и пушечных дел (Указ 17, ст. 71) причислены также к искусственным преградам, служившим для ограждения полевых станов: «...и съ ними думати о местахъ где сотнямъ на стороже стояти и о местахъ, которыя доведутся укрепити окопаниемъ шанцами, или *козлами*, или быками деревянными и томъ подобно...». Искусственные преграды под этими названиями не встречаются ни в летописях, ни в официальных актах, а потому они, при составлении Устава, вероятно, заимствованы из иностранных сочинений. *Козлы* можно отнести к разряду рогаток...».

Помимо упомянутых Ф. Ф. Ласковским сведений из «Устава ратных и пушечных дел», в нем имеется и другая информация о термине *козлы* (Указ 13, стр. 63): «Подобает станы строить вблизи великого лесу и роще при ржавцах или текущих водах и огородить кругом станов обозом и меж обозных телег расставить волов, коней и иной мелкий снаряд, а будет возможно, чтобы около обозу ставить *козлы*...».

Таким образом, *козлы* — это фортификационная преграда из множества зарытых в землю деревянных рогаток. Преграда должна охраняться воинским подразделением, место проживания которого (казарма) могло получить наименование (топоним) по названию преграды: *Козлы*. Этот топоним часто встречается на старинных картах, переходя и на карты современные. Например, неподалеку от г. Калуги на старинной дороге «Калуга — Одоев» есть деревни Большие *Козлы* и Малые *Козлы*, основанные на месте старинного хутора *Козлы*, показанного на карте Шуберта [4].

Топоним *Козельск*, вероятно, также имеет в своей основе топоним *Козлы*, к которому прибавлен суффикс «-ск», обозначающий город.

Городом, по Ф.Ф. Ласковскому, называется всякое жилое место, обнесенное оборонительной оградой (земляной вал, деревянная стена и т.п.). Можно предположить, что изначально *Козельск* был военным городком, обнесенным оборонительной оградой, выполненной из *козлов*. Ограда эта может быть временная, построенная на период возведения деревянных бревенчатых стен города, тогда на рогатки для ограды могли идти ветви тех деревьев, из которых заготавливали бревна для крепостных стен. После завершения строительства городских стен городу могло присваиваться иное название, а могло остаться и первичное — *Козельск*. Во втором случае городов с названием *Козельск* должно быть много — так оно и есть. Город *Козельск* в Смоленской области был описан мною в [9]. Ещё один *Козельск* (помимо того, что на р. Жиздре) есть и в Калужской области, неподалеку от г. Боровска (на современных картах он рядом с д. Колодкино). Город древний, отмечен и на Плана генерального межевания (ПГМ) Боровского уезда, и на карте Шуберта. На карте Шуберта в губерниях, соседних с Калужской, отмечено ещё несколько городов с названием *Козельск*.

Считаю правильным привести мнение известного в Калужской области краеведа В.А. Ткаченко. Его исследования позволяют сделать интересный вывод: суффикс «-ск» в названиях древних городов (*Козельск*, Боровск, Воротыньск и т.п.) относился только к таким городам, стены которых после строительства долго были деревянными. Города же, у которых на ранних стадиях строительства стены могли быть деревянными, но под их прикрытием впоследствии возводились каменные (Калуга, Новгород, Псков и т.п.), суффикса «-ск» в названии не имели.

Через века изначальное, военное значение засечных топонимов могло претерпеть изменения. *Козли*нами или *козлами* в Калужской губернии обычно назывались сооружения для сушки снопов хлеба без печи и колосников [9]. Поэтому можно предположить, что топонимы *Козлы*, *Сушки* в различных их вариациях могли закрепиться за местами, наиболее пригодными для сушки зерна на *козлах*. И в наше время в деревнях на вопрос: «На чем в старину хлеб сушили?» — можно нередко получить ответ: «На *козлах*».

Гидроним ***Вырка*** возможно также имеет отношение к засечному делу. Корень гидронима может происходить от слова «вырыть». Тогда *Вырка* означает — «речка вырытая», но вырытая не в буквальном понимании этого термина, а водная преграда, фортификационные свойства которой усилены определенными земляными работами. Наиболее распространенным у фортификаторов способом улучшения водных преград является устройство эскарпов по берегам рек. Относительно пологие береговые склоны рек срезаются, превращаясь в вертикальные стенки, которые трудно преодолимы для пеших воинов и практически

не преодолимы для коней и обозов. Береговые склоны в верхней их части с применением ручного труда превращаются в обрывы. В нижней части склонов для устройства эскарпов используется сила воды: русло реки с помощью временных плотин (например, бревенчатых) поджимается к берегу, и в весеннее половодье он подмывается водой и обрушивается в реку, образуя в нижней своей части крутой склон. В зимнее время эскарпы дополнительно поливаются водой и покрываются льдом. Подобным образом реки превращаются в доработанные искусственным путем фортификационные преграды. Сохранившийся до нашего времени эскарп засечной преграды на глинистом береговом склоне оврага есть вблизи Столпицкой крепости.

Опыт древних фортификаторов по созданию эскарпов широко применялся в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. На танкоопасных направлениях береговые склоны речушек и оврагов эскарпировались, а вершины усиленных эскарпами естественных преград соединяли между собою противотанковые рвы. Подобных преград в Калужской области сохранилось немало. Например, у д. Дол в Козельском районе есть овраг с хорошо сохранившимися эскарпами ступенчатой формы. Он был показан и на архивных картах периода Великой Отечественной войны, причем от вершины оврага шел противотанковый ров.

Дополнительно русло реки могло перегораживаться невысокими плотинами, сделанными из веток, наподобие бобровых плотин. Такие плотины нельзя использовать для переправы войск — это хрупкие сооружения, а вот зону подтопления они могут создать во всю длину русла, что способствует заболачиванию поймы рек и делает их труднопреодолимыми для форсирования пехотой и конницей. Если после первых морозов, которые приводят к образованию тонкого слоя льда, воду из зоны подтопления спустить, то между ней и топким дном образуется воздушная прослойка. Она является теплоизолятором и не дает топкому дну замерзнуть длительное время, что совместно с ослабленной ледовой поверхностью усиливает фортификационные свойства преграды. Подобный фортификационный прием применялся в Великую Отечественную войну при обороне Москвы, когда вокруг неё из покрытых льдом водохранилищ спускалась вода.

Если версия о происхождении гидронима *Вырка* верна, то речек с таким названием должно быть много и они должны быть интегрированы в засечные полосы преград, что подтверждается нашими наблюдениями. Только между Бобриковской и Слободецкой засеками, поперек древней дороги «Белев — Лихвин» протекают несколько речек с названием *Вырка*, ориентированных в основном параллельно линии засек: пред г. Лихвинным — р. Малая *Вырка*, по линии Боровенской засеки — р. Верхняя *Вырка*, перед засекой и параллельно ей протекают

р. Средняя Вырка и р. Вырка, у г. Белева вновь появляется Малая Вырка. Все с крутыми берегами (местами высотой с 3-этажный дом) и относительно широкими и заболоченными долинами. Эти реки были фрагментарно обследованы и на их береговых склонах найдены следы древних эскарпов (рис. 2, 3). Приведенные карты наглядно демонстрируют фортификационное назначение искусственно усиленных водных преград.

На рабочем чертеже, предшественнике ПГМ Лихвинского уезда [2], р. Средняя Вырка в своем нижнем течении, где она пересекает древнюю дорогу «Белев — Лихвин», показана тонкой извилистой линией (с названием р. Городенка), по обе стороны которой отсутствует принятое в картографии изображение берегов (рис. 4). Это не ошибка топографа либо картографа, а условный топографический знак «канализированная речка», то есть речка, искусственно преобразованная теми или иными видами фортификационных работ. Таким образом, рассматриваемый чертеж содержит значимое доказательство версии о том, что гидроним *Вырка* означает естественную водную преграду, фортификационные свойства которой искусственно усилены (например, эскарпом

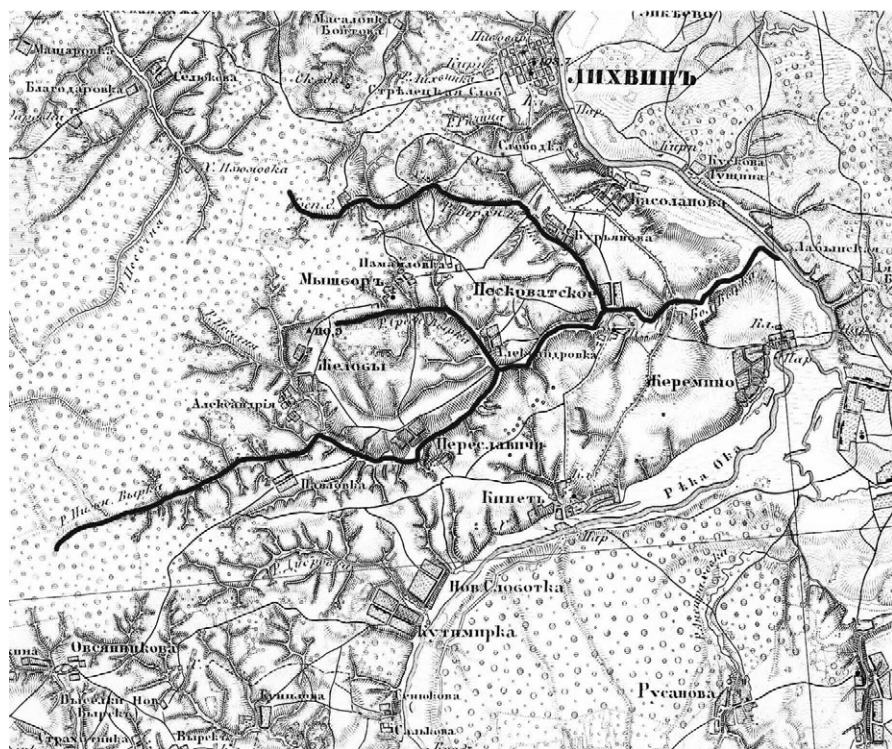

Рис. 2. Речки Вырки в районе Лихвина

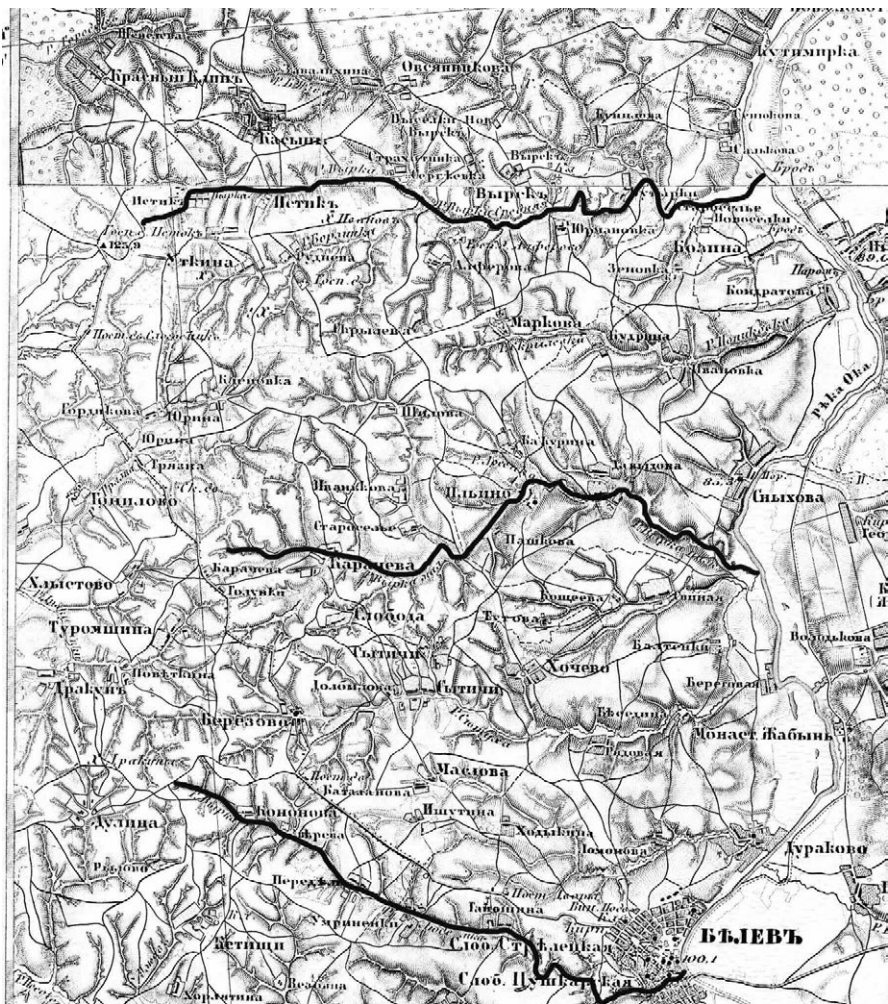

Рис. 3. Речки Вырки в районе Белева

на береговом склоне). Следует отметить, что в окончательном варианте ПГМ Лихвинского уезда чрезмерно усердные чертежники превратили топографический знак «канализированная речка» в извилистую речку, пририсовав этому знаку берега. Мною этот участок реки исследован, извилистой речки ниже по течению от д. Бутырки нет, но следы эскарпов присутствуют (даже на современных картах отмечены береговые обрывы по 5–9 метров высотой), найдены и расширенные обмелевшие участки русла реки, которые во время существования засечных преград могли быть заболочены.

Её исток находится в озере (возможно — пруд) у хутора *Козлы*. Слева от дороги «Калуга — Одоев» в направлении на г. Калугу, от х. *Козлы* до д. Еловка и выше местность болотистая. От д. Еловка и до впадения в р. Оку р. *Вырка* имеет крутые береговые склоны. Таким образом, слева от х. *Козлы* присутствует полоса естественных водных преград, фортификационные свойства которых могли быть усилены искусственно. К востоку от х. *Козлы* на удалении 2 км находится русло р. Кобылки с очень крутыми береговыми склонами; она также впадает в р. Оку. От р. Кобылки в сторону х. *Козлы* на карте показаны три «лесные сторожки», занимающие полосу протяженностью около 1 км. По [9] мы знаем, что во многих случаях на местах топографического знака «лесная сторожка» находятся фрагменты оборонительных сооружений. И в районе бывшего х. *Козлы* в наши дни действительно найдены подобные объекты, но сильно разрушенные в ходе строительства высоковольтной линии электропередач. Оборонительные сооружения на месте «лесных сторожек», в сочетании с изрезанной оврагами и лесистой местностью, позволяли силами относительно небольшого гарнизона препятствовать обходному маневру противника.

Неприкрытой оставалась полоса шириной около 1 км у х. *Козлы*. Она скорее всего могла быть защищена рядами укреплений из *козлов*. Стратегически место для укреплений расположено очень выгодно, т. к. за преградой находится высотная отметка, обозначенная на карте треугольником с цифрой 99,7 — такие высоты важны для военного дела. «Командная» высота доминирует над окружающей местностью и позволяет не только проводить оптимальное наблюдение, но и вести с неё прицельный огонь по противнику на значительном удалении.

Представляет интерес установление связи описанной выше полосы преград у х. *Козлы* с засечными укреплениями. Общие принципы устройства засечного сторожевого дела изложены в акте № 2 Разрядного приказа за 1571 год «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» [1]. Этим документом предписывается создание системы отдельных небольших опорных пунктов и передовых дозоров: «станичникам бы к своим урочищам ездить и сторожам на сторожах стоять в тех местах, которые были усторожливы, где бы им воинских людей можно было устеречь». Опорные пункты должны быть связаны между собою и между крепостями «украинными городами» сетью дорог, по которым при возникновении угрозы нападения «воинскими людьми» дозоры могли бы донести весть об этом так, «чтобы перед воинскими людьми в государевы украинные города весть была раньше, не близко перед ними». Таким образом, одним из положений этого документа являлась система раннего предупреждения о возникновении угрозы нападения. Сеть дорог для дозора и отправки вестей должна была включать дозорную дорогу, идущую по границе,

т. е. вдоль укреплений, и ответвления от неё к крепостям, воротам и другим объектам внутри засеки и на ее русской стороне. Дорога по границе (рокада) должна обеспечивать не только условия для наблюдения и передачи срочных вестей, но и для контроля состояния укреплений, для подвоза всего необходимого для их ремонта. С учетом своего назначения эта дорога и являлась той линией, по которой шла граница засечных укреплений. Очевидно, если на границе имелись участки, защищенные валами и рвами, то дорога должна проходить рядом с ними*.

Помогла найти дороги, идущие по границе засечных укреплений, карта Шуберта версии Санкт-Петербургской топографической школы [4]. Однозначного толкования условных знаков на карте может и не быть, и в книге капитана Андрианова [11], посвященной топографическим обозначениям на картах Шуберта, говорится о том, что топографических легенд к этим картам нет. На некоторых листах карты встречаются значки, дешифровка которых не приводится ни в каких из известных мне источников. Наибольший интерес в рамках настоящей работы вызвал у меня знак «пунктирная линия», который в книге Андрианова применительно к другим картам (не Шуберта) обозначал «тропа, старая дорога». Такие обозначения на картах Шуберта встречаются повсеместно, едва ли не от каждой деревни проселки расходятся веером. Но интересующая нас «тропа» отличалась от прочих дорог тем, что:

- тянулась непрерывно;
- шла вдали от населенных пунктов, минуя их — этакая «дорога в никуда»;
- могла зайти в овраг, ручеек, реку, но не исчезала там, а рано или поздно появлялась вновь;
- пересекала много овражков в их вершинах, то есть шла не по самому удобному месту, а вопреки правилам устройства дорог;
- могла сливаться на коротком участке с обычной дорогой, но очень быстро ответвлялась от нее, сохраняя при этом генеральное направление;
- местами сливалась с границами губернии;
- могла повернуть без всяких на то оснований, которые диктовались рельефом местности или близлежащими населенными пунктами, причем поворачивалась круто, зачастую на 90, а изредка и на все 180 градусов.

---

* Следует также заметить, что показанная на рис. 5 полоса укреплений является одним из возможных мест кровопролитного сражения 25.12.1606–01.01.1607 гг. [6]. В нем погибло около 4000 человек войска, шедшего из Орла в Калугу на поддержку И. И. Болотникова. Позиция царских войск была в 12 верстах от Калуги, «в селе на *Вырках*». Именно на этом удалении от Калуги по дороге «Калуга — Орел» и были расположены отмеченные выше укрепления в окрестностях хутора *Козлы*.

Такую тропу с легкостью можно было принять за межевую границу. Однако межевая граница не имела примыканий и ответвлений нигде, по крайней мере, в пределах исследованных мною основательно Столпичкой и Перемышльской засек. Какой же хозяин мог иметь владения такого размера? Напрашивался ответ — государство. Если так, то тропа была границей — границей засечных оборонительных сооружений. По известным засекам совпадение линии укреплений и линии «старая дорога» всегда практически идеальное; можно обратиться к фрагменту карты Шуберта на рис. 3 и увидеть на ней «старую дорогу», идущую по линии Боровенской засеки. На местности по этой линии до нашего времени сохранились валы и рвы. Если мы принимаем, априорно, гипотезу о том, что по линии, обозначенной топографическим знаком «старая дорога», проходила граница засечных оборонительных сооружений, то на приведенных фрагментах карты Шуберта (рис. 2, 3 и 5) выявляется новая информация об устройстве засек. Она может быть важна для исследования наиболее древних засечных укреплений, по которым не сохранилось документальных сведений. И не только засечных укреплений — «засечная тропа» в динамическом её развитии позволяет определить исторически значимые временные перемещения южных и юго-западных границ государства.

Отметим существование на «засечной тропе» Перемышльской засеки одноименных пунктов — *Гордиково*, на ее северном и южном концах. *Гордиково*-на-юге я ещё не обследовал, но из книги [9] мы знаем, что *Гордиково*-на-севере — это система из трех крепостей. Знаем также из книги А. И. Яковлева [13] о существовании в древности Гордиковской дороги на польской стороне Перемышльской засеки. Возможно, «засечная тропа» — это и есть та самая Гордиковская дорога, связывавшая между собою обе крепости *Гордиково*. Предполагается, что топоним *Гордиково* так или иначе тоже связан с засечным делом. По В. И. Далю [3] тех, «кто городит, строит, громоздит» называли «городила», «городильщик». Не исключено, что городки, в которых укрывались строители засек, назывались *Гордиково*. Возможно, огороженная валом, рвом и другими линейными укреплениями дорога имела специфическое название «гордикова», а может быть это название характерно для дорог, по которым перемещались «городильщики», возводя укрепления на засеках.

Литература

1. Акты Московского Государства, Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. — С-Пб., 1890.
2. Генеральный план Лихвинского уезда. Рабочий чертёж к плану межевания. Дата составления неизвестна.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. — М., 1981.
4. Карта военно-топографическая Калужской губернии (с исправлениями по рекогносцировке 1871 г.). Масштаб 3 вёрсты в 1 дюйме.

5. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Часть II. — М., 1937.
6. *Корецкий В.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // Вопросы истории, № 5, 1971. — С. 130–152.
7. *Ласковский Ф. Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть 1. — С-Пб., 1858.
8. *Рябов С. А.* Здесь государевым «украинам» было бережение. Российское пограничье — особый объект культурного и природного наследия. — М., 2007.
9. *Сухоруков С. А.* Записки краеведа: Крепости Перемышльской засеки. Козельск — ловушка для Батя? Неужели «крада великая»? — Калуга, 2010.
10. *Сухоруков С. А.* Локализация и реконструкция Столпицких ворот // Природа и история Поугорья. Вып. 6. — Калуга, 2011. — С. 203–212.
11. Условные знаки военно-топографических карт (1, 2 и 3-х верстных). С образцами и сборными таблицами листов карт. Капитан Адрианов. — С-Пб. (год изд. не изв.).
12. Устав ратных, пушечных и других дел. — С-Пб., 1777.
13. *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. — М., 1916.

Перемышльская засека XVII века в свете документов родового архива Кашкиных (село Нижние Прыски)

Рябов С. А.

Российский НИИ культурного и природного наследия, г. Москва

В 7 км к северо-востоку от г. Козельска, вдоль дороги на Калугу раскинулось село Нижние Прыски. Известное по летописям с XIV в., при Иване Грозном оно принадлежало боярам Щербачёвым. Позднее этими землями владели другие хозяева, бережно хранившие и передававшие по наследству архивные документы, касающиеся владельческой и родословной истории поместья.

В XIX в. село принадлежало Кашкиным, из рода которых генеалог Николай Николаевич Кашкин (1869–1909 гг.) бережно хранил семейный архив, состоявший из документов 12 родов (рис. 1). Он широко освещал содержание этих документов в статьях, публиковавшихся им в «Известиях Петербургского генеалогического общества», «Летописи Московского генеалогического общества», «Известиях Калужской архивной комиссии» и в других изданиях. Для нас наибольший интерес представляют «Столпцы Щербачёвых из архива Кашкиных», опубликованные Н. Н. Кашкиным в качестве приложения к материалам, помещённым в первом выпуске «Летописи Историко-родословного общества в Москве» [3]. Позднее эти документы были опубликованы и в посмертном издании трудов Н. Н. Кашкина [2].

Округа Нижних Прысков — объект исследования

Интересы продолжения работы автора статьи над решением вопросов, поднятых им в монографии «Здесь государевым «украинам» было бережение» [6], закономерно заставили внимательно ознакомиться

с публикациями Н. Н. Кашкина. Совершенно естественно было предположить, что среди всех бумаг, содержание которых он осветил, должны были быть документы, содержащие ранее не известные для нас сведения из козельской истории. Особенно, если учесть, что земли, которые принадлежали ранним владельцам Нижних Прысков, были близки к известным нам сегодня рубежам, по которым проходила Козельская Столпицкая и примыкавшие к ней на северо-востоке звенья Озерковской Перемышльской и Слободецкой Лихвинской засек (рис. 2).

Рис. 1. Кашкин Н.Н.

Территория, которой издавна владели нижнепрысковские хозяева, отличается богатой географической номенклатурой. Очевидно, что отдельные топонимы отражают в своих наименованиях какие-то свойства местности, характерные для засечных рубежей, или сообщают нам о сооружениях на засеках, при которых эти географические объекты располагались. Выявление «засечного» характера у топонимов вблизи с. Нижние Прыски помогло бы уточнить прохождение засек на местности.

Исследуемый район находится почти у Оптиной Пустыни, по соседству расположен памятник истории и природы «Чёртово городище». Эти обстоятельства, а также сама владельческая история мест, связанных также с декабристом С. Н. Кашкиным и его потомками, давно и прочно приковывали внимание историков и краеведов, в т. ч. и к многочисленным озёрам на правом берегу р. Жиздры.

С образованием национального парка «Угра» начались исследования водоёмов, вошедших в его границы, специалистами парка. Сегодня уже написано немало статей, в Калуге изданы брошюры: «Пойменные озёра Жиздры» (2002), «Урочище Чертово городище» (2004), «Национальный парк «Угра». Информационно-справочное издание» (2010), «Памятники истории и культуры национального парка «Угра» (2007, 2014) и др. Вместе с тем, несмотря на повышенное внимание к исследованию водоёмов в пойме реки Жиздры, серьёзных топонимических исследований не проводилось. Это относится в первую очередь к гидронимам, поскольку район богат озёрами, родниками и мелкими речками (рис. 3).

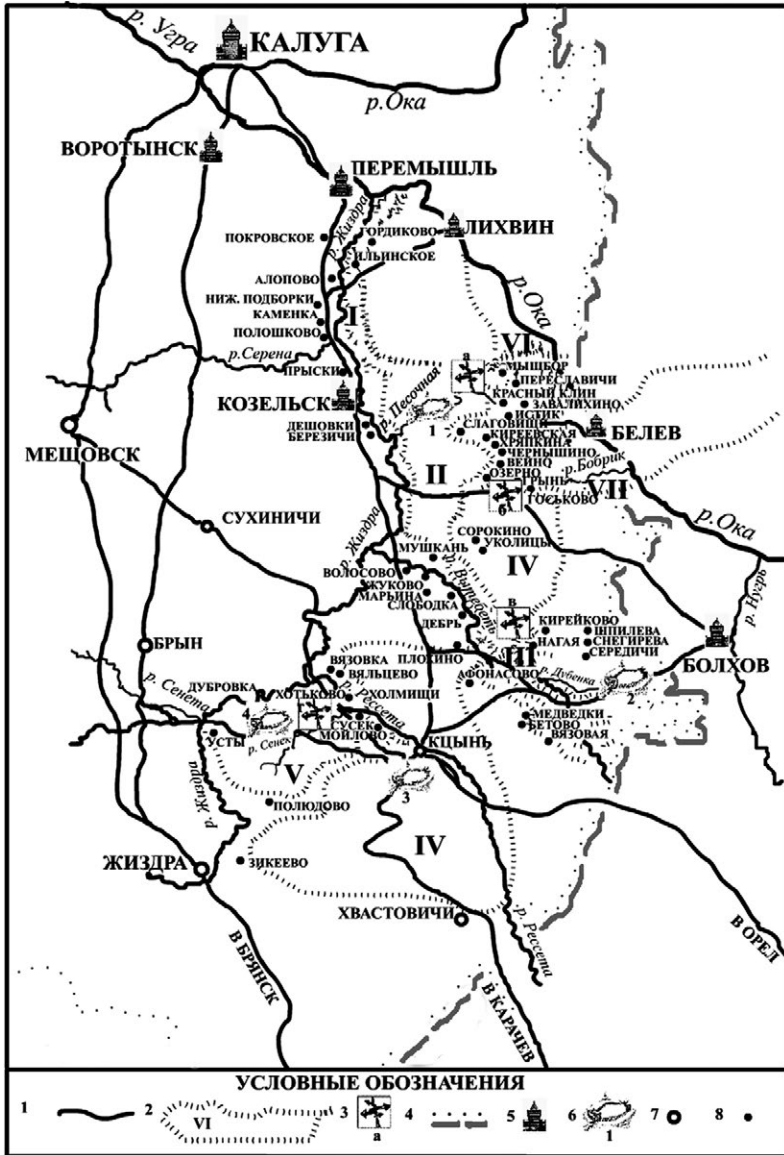

Рис. 2. Козельские и соседние с ними звенья Засечной черты в XVII веке:

- 1 — важнейшие дороги; 2 — звенья Засечной черты (1 — Озерковская Перемышльская засека, II — Столпицкая Козельская засека, III — Дубенская Козельская засека, IV — Кцынская Козельская засека, V — Сенецкая Козельская засека, VI — Слободецкая Лихвинская засека, VII — Бобриковская Белевская засека); 3 — засечные грани (а — между Озерской, Слободенской и Столпицкой засеками; б — между Столпицкой, Дубенской и Бобриковской засеками; в — между Кцынской и Дубенской засеками; г — между Кцынской и Сенецкой засеками); 4 — граница Калужской губернии; 5 — города-крепости; 6 — укрепленные городки (ворота) на засеках (1 — Столпицкие, 2 — Дубенские, 3 — Кцынские, 4 — Сенецкие); 7 — крупные села; 8 — деревни и села у засек

Рис. 3. Село Нижние Прыски и прилегающая местность на картах и из космоса:
 I – фрагмент карты 1782 г.; II – фрагмент карты 50-х гг. XIX в.;
 III – вид из космоса, программа Google Earth)

Вышеизложенное дало основание более пристально взглянуть на жиздринские пойменные озёра в округе с. Нижние Прыски — возможные объекты Перемышльской и Козельской засек — через призму архивных материалов прысковских хозяев, опубликованных Н. Н. Кашкиным.

Прысковская озёрная окраина Перемышльской засеки

«Перемышльская засека начиналась на берегу Оки около устья р. Жиздры, шла сначала по р. Жиздре, а затем круто поворачивала к югу, примыкая к замку Слободецкой и Столпицкой засек», так начинает свой рассказ об этой части Большой засечной черты её главный исследователь А. И. Яковлев [7]. По результатам анализа материалов четырёх дозоров этой засеки (1660 г., два дозора в 1677 г. и один в 1679 г.) им было составлено обстоятельное её топографическое описание (табл. 1).

Относительно топонимики этой части Большой засечной черты А. И. Яковлев сделал важное замечание: «Кроме названных, около засеки было много безымянных озёр, отчего засека эта называлась также Озерской». Подобный вывод о множестве «безымянных озёр» вблизи Озерской Перемышльской засеки даёт нам основание внимательнее взглянуть на сведения о гидронимии поймы р. Жиздры, содержащиеся в опубликованных Н. Н. Кашкиным документах родового архива.

Таблица 1

**Топонимика Перемышльской засеки
по материалам дозоров XVII века**

Населенные пункты и другие ориентиры		Реки (ручьи), протекающие в пределах засеки, и другие объекты на ней	
Русская (западная) сторона засеки	Польская (восточная) сторона засеки	Русская (западная) сторона засеки	Польская (восточная) сторона засеки
д. Рыченки, Шаровкинская большая дорога, с. Покровское, д. Нижние Подборки, с. Алопово, д. Каменка, д. Молятина, д. Полошкова, с. Прыски	д. Букреева, Остерецкий верх, Кудиновский верх, пуст. Анкудинова, д. Вяльцева, д. Петросяна, поляны Ромашевская, Калининская, Ревяскальская, д. Ястребова, пуст. Песочна, Гордииковская дорога, Шаровский (Шаровкин) монастырь	оз. Заборское, оз. Омеляновское, оз. Корачевское, оз. Плесо. оз. Шацкое, оз. Лелява, устье реки Серены	р. Источинка, р. Плетёная, р. Песочна, р. Язвезя

Одним из таких документов, относящихся к периоду составления писцовых книг по Козельску и богатых на известия о реках и озёрах у с. Нижние Прыски, является «Выпись с Козельских с писцовых книг письма и меры Василья Ильича Толбузина да подьячего Ивана Глазова лета 7137-го (1629) и 138-го (1630) и 139-го (1631) году» (здесь и далее по тексту в скобках указываются примечания автора настоящей статьи). Мы встречаем здесь название с. Нижние Порыски, лежащего «на реке на Жиздре да на речке Хотенке». М. К. Любавский указывает, что село Прыски некогда лежало на речке Рыске, которая впадала в Жиздру [4]. Отсюда легко объяснить его название, т. е. Порыски (Прыски) — это село, «лежащее на реке Рыске». Упоминается также принадлежавшее «по старине» Никольской церкви «озерко Колпинное с рыбною ловлею» («колпь» в словаре русских народных говоров обозначает птицу лебедь).

Наибольший интерес для нас представляют документальные сведения об озёрах на правом берегу р. Жиздры. Известно, что возраст этих озёр-стариц составляет от 5,9 до 9–9,5 тыс. лет [5]. Это позволяет нам судить о них как о древнейших порубежных ориентирах, названия которых идут из глубокой старины.

Писцовые книги приводят перечень здешних водных объектов, в том виде, в каком они были известны в XVII в.: «каменные тони» («тоня» — глубокое и выходящее на мель, удобное для ловли рыбы неводом место); «истоки озёр» (ручьи, текущие в реку из родников, болот или из самих озёр-стариц или впадающие в них); «гатки по живую воду» («гать» — мощёные брёвнами или хворостом заболоченные места в пойме реки для прохода или проезда до родника (ключа) или проточного водоёма (ручей или озерцо); «лужи» — ямы, заполненные водой, озерки; «лука» — дугообразный поворот реки; «усад, усадище» — усадьба, участок; «верх, верх верха» — наиболее высокая, расположенная над другими часть, оконечность территории.

Ниже приводится перечень водных объектов, упомянутых в писцовых книгах XVII в. и в современных источниках. Эти сведения позволяют лучше понять, насколько сложной является решение задачи по установлению ранних названий для каждого из пойменных озёр у с. Нижние Прыски (табл. 2).

Отсутствие в настоящее время картографических материалов (чертежей, карт и планов) от времени составления Писцовых книг требует от исследователей понятной осторожности при выдвижении каких-либо гипотез о том, как нам соотнести водоёмы трёхвековой давности с теми, которые мы наблюдаем сегодня? Какой из них был когда-то проточным «живым», а ныне стал глухим озерком, и наоборот? Какое название было прежде и есть теперь у каждого?

Вся эта «гирлянда» вытянувшихся почти параллельно современному руслу реки Жиздры водоёмов состоит, по внешнему виду, из отдельных «бусин», в разное историческое время изменявших свой вид, положение, характер и название. Тем важнее обнаружить среди этих водных объектов те, которые сохранили за три столетия не только своё положение на местности, но и свои исконные имена.

Вот почему, не берясь локализовать в пространстве и во времени, а также объяснять этимологию всех «прысковских» гидронимов, встречающихся в писцовых книгах и в современных атласах (это предмет для отдельного исследования), остановимся на двух, представляющих определённый интерес для истории засек под Козельском. Только озеро Гороженое и озеро Ямное упоминаются у писцов Василия Толбузина и Ивана Глазова именно в связи с засеками. Эти водоемы известны нам и в настоящее время.

Вот что пишут указанные авторы: «... а от каменной тони вниз по гатки до колоды, а от колоды по гатки ж по живую воду до Ямного озера и до Гороженного озера, до государевой заповеди — Перемышльского

Таблица 2

Номенклатура и топонимия водных объектов в окрестностях с. Нижние Прыски в XVII и XX вв.

Географические объекты	Сведения писцовых книг по Козельску, 1629–1631 гг.	Современные названия по сведениям национального парка «Угра» и карт Атласа [1]
Реки (речки)	Хотенка Железенка Жиздра	Нойка Жиздра
Ручьи («истоки»)	Борового озера исток Глушицкий Гороженный Ямный	Репенка Железенка
Озера («лужи»)	Боровое Глушицкое, Гранитцкое тож Голоденское Гороженое Гузнево Долгая лужа Колпинное (на левом берегу р. Жиздра) Креницкое Круглое (Круглая лужа) Матвеевская лужа Перекоп Пищца Растьининская лужа Судницкое Ямное	Гороженое Карасинское Карастелиха Кривое Круглое Орешня Подкова I Подкова Прысковское Стенинское Успенское Ямное
Болота	Берёзово	

рубежа...». Подобная запись весьма красноречиво указывает нам на то, что два этих озера фактически находились на Перемышльской засеке, следовательно, эти водоёмы уже сами по себе представляли естественную преграду для противника. Но их свойства вполне могли быть усилены искусственным путём. Например, по берегу одного из озёр со стороны, откуда ожидался приход неприятеля, могла быть устроена изгородь из подручных материалов. Тогда становится понятным происхождение названия оз. Гороженое. Впрочем, его наречение можно объяснить и тем, что это озеро было «гороженое», то есть оно могло находиться при городке, остроге или острожке, т. е. лежало по соседству с «укреплённым тыном заселением» (так в словаре В. Даля).

Что касается озера Ямное, то и его название, как это ни странно звучит, вполне вписывается в засечную номенклатуру. Обычно именно ямы служили наиболее надёжным ориентиром при описании рубежей прохождения различного рода границ. Например, ямами обозначали владельческие участки. Это касается различного рода ям: как естественных углублений в земле, так и вырытых межевиками специально по соседству с «гранями».* В такие ямы помещали окалинные в костре камни, и в случае уничтожения граней на деревьях или порубки самих деревьев, можно было легко найти место, где была прежде нанесена «грань». Озеро Ямное, таким образом, как нельзя лучше отражает главное свойство этой водной преграды — быть хорошим ориентиром, обозначавшим в т. ч. и пределы Перемышльской засеки.

Остаётся только добавить, что документы писцов из архива Кашкиных представляют нам ещё одну интересную информацию. Например, о том, что «...на Перемышльском и Козельском рубежи насекали те грани и ямы копали Перемышльские писцы Василий Бутурлин с товарищи».

Из содержания документов из архива Кашкиных можно сделать вывод о том, что Перемышльская засека почти вплотную подходила к правому берегу р. Жиздры, на рубеж современных озёр Гороженое и Ямное. И не было ли так, что именно череда озёр-стариц напротив с. Нижние Прыски, вместе с р. Жиздрой составляли «русскую сторону» Перемышльской засеки?

Сделанный автором статьи в монографии «Здесь государевым «украинам» было бережение» (2007) вывод о том, что своим названием Озерская Перемышльская засека обязана лишь озёрам, которые лежат

---

* Грань — рубеж, предел, межа, кромка, конец, стык, черта раздела; граничный знак. Грани на засеке, как и грани частных владений, обозначались местными предметами или «признаками» — урочищами, пнями, деревьями с вырытыми около них ямами. Чаще всего грани натесывались, нарубались на деревьях.

против сёл Покровское, Алопово, Нижние Подборки, Каменка и Полошково, теперь конкретизирован. К этим озёрам, как показало исследование, следует относить и те, которые находятся ближе к Козельску на «траверзе» с. Нижние Прыски. Это, в свою очередь, «приближает» Перемышльскую засеку к данному городу и даёт возможность несколько иначе взглянуть как на само начертание Озерской Перемышльской и Столпицкой Козельской засек на местности, так и позволяет в будущем более точно установить место их схождения.

Литература

1. Атлас Калужской области. Масштаб — в 1 см: 1 км.— М., 2002.
2. *Кашкин Н. Н.* Родословные разведки. Часть II. — Спб., 1913.
3. *Летопись Историко-родословного общества в Москве.* — М., 1907.
4. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени первого Литовского Статуса. — М., 1892.
5. *Пойменные озера Жиздры.* — Калуга, 2002.
6. *Рябов С. А.* Здесь государевым «украинам» было бережение. Российское пограничье — особый объект культурного наследия. — М., 2007.
7. *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. — М., 1916.

С.Я. Храповицкий и Юхновское ополчение в 1812 году

*Бирюкова М.А.
Краевед, г. Москва*

Об Отечественной войне 1812 г. в пределах Смоленской и Калужской губерний написано немало. Однако обращает на себя внимание тот факт, что современные краеведы, описывая историю 1812 г. в Юхновском уезде, входившем тогда в состав Смоленской губернии, в основном, пересказывают события, изложенные в «Партизанском дневнике 1812 года» знаменитого поэта-партизана Д.В. Давыдова (1784–1839), воевавшего в этих краях, подчёркивают его несомненные заслуги, при этом подвиги коренных жителей Юхнова и его уезда либо упоминаются вскользь, либо умалчиваются. Этому есть объяснение: «Партизанский дневник 1812 года» в советское и новейшее время неоднократно переиздавался, тогда как многие серьёзные труды об Отечественной войне 1812 г., написанные в XIX и начале XX вв. — до революции 1917 г., до сих пор не переизданы и недоступны массовому читателю. Лишь в последние несколько лет, благодаря интернету, появилась возможность ознакомиться с ними, в «старопечатном» виде, например, на сайтах Российской Государственной Библиотеки или Государственной Публичной Исторической Библиотеки, а также на персональном сайте краеведа К. Александрова (<http://www.ugra.alexandrov.ru/>).

Изучая дореволюционные печатные источники об Отечественной войне 1812 г., можно прийти к следующим выводам:

1. В Юхнове летом 1812 г. дворянами уезда было собрано не одно народное ополчение, а два: первое ополчение числом 1416 ратников было организовано в первой половине июля, оно действовало в составе Смоленского губернского (дворянского) ополчения вместе с ополче-

ниями других уездов Смоленской губернии, участвовало в сражениях при Бородино, Малоярославце и др., распущено это ополчение было лишь в апреле 1813 г.; второе народное ополчение, которое можно назвать «партизанским», было собрано благодаря стараниям юхновского уездного предводителя дворянства С.Я. Храповицкого одновременно с первым или чуть позже, но также в июле 1812 г.; оно включало до 2000 (по другим данным — более 3000) ополченцев и действовало в границах Юхновского уезда, а с сентября 1812 г. часть его примкнула к отряду Д.В. Давыдова, проводившего боевые действия также в Вяземском и Гжатском уездах Смоленской губернии.

2. В конце июля 1812 г. (возможно, в начале августа) Юхновское «партизанское» народное ополчение во главе с С.Я. Храповицким несколько раз отбивало атаки и не пустило отряды неприятельских войск за Угру, заслонив при этом французам путь на Юхнов и Калугу. Произошло это событие до прибытия в Юхнов армейского партизанского отряда Д.В. Давыдова (он впервые с отрядом пришел в этот город 8 сентября 1812 г.).

3. Не принимается во внимание огромная роль материальных и денежных пожертвований, собранных жителями Юхнова и его уезда для обеспечения как армейских подразделений, так и отрядов партизан и ополченцев. Здесь на первое место выходит огромная сумма в 20000 (двадцать тысяч) рублей, пожертвованная юхновским помещиком, владельцем парусно-полотняных фабрик в соседнем с Юхновом селе Опоково (Палатки) и в Полотняном Заводе — Павлом Григорьевичем Щепочкиным (1767–1834). Эта сумма денег, которую историки называют «единственной крупной суммой» из пожертвованных дворянами Смоленской губернии и составлявшей 44% от всех собранных денежных средств в Смоленской губернии, поступила в распоряжение юхновского предводителя дворянства С.Я. Храповицкого. Ясно, что, имея такую сумму, С.Я. Храповицкому было гораздо легче вооружить, обмундировать, обеспечить питанием большое количество ополченцев, устроить лазарет и оказывать необходимую помощь армейскому партизанскому отряду Дениса Давыдова.

4. Современным историкам и краеведам ещё предстоит провести исследования, чтобы побольше узнать о героях 1812 г. Юхновского уезда: С.Я. Храповицком и его сыновьях — участниках войны 1812 г.; ротмистре Александре Бельском, штабс-капитане Якове Волкове и корнете Алексее Маркове, которые «вооружа крестьян своих... отражали многие неприятельские партии от границ своего уезда»; лейтенанте флота Н.Е. Храповицком, который присоединился в Юхнове к отряду подполковника Д.В. Давыдова и прошёл с ним боевой путь до Могилевской губернии; коллежском секретаре И.Н. Козачкове, который, рискуя жизнью, выполнял роль разведчика для Юхновского ополчения.

Но, обо всём по порядку. 12 июня 1812 г. наполеоновские войска вторглись с пределы Российской империи, и в конце июля неприятельские отряды появились в Смоленской губернии. Весь август шли ожесточённые бои за смоленские города и сёла, и всё же большая часть губернии была оккупирована. «Из двенадцати уездов Смоленской губернии восемь были совершенно заняты неприятелем; а города — Белый, Сычевка и Юхнов, хотя и оставались свободными, но в уездах их беспрестанно появлялись французские мародёрские шайки — грабили, опустошали селения и наводили страх на бедных жителей» [20].

В течение четырех месяцев, по ноябрь 1812 г., неприятельские войска находились в пределах Смоленской губернии, сначала шли на Москву по Большой Смоленской дороге, а потом бежали обратно. Всё это время французские мародёры наводняли край по обеим сторонам дороги, на пространстве 40 и более вёрст. «Они состояли из беглых и отсталых, ходили большею частью малыми шайками, а иногда колоннами, человек в 300, предводимые офицерами и головорезами, избираемыми из среды их. Пользуясь безначалием, мародёры не знали меры насилиям» [14]. После изгнания французов из Москвы и их обратного шествия по выжженной дотла и разорённой Смоленской дороге, добывание пищи, фуража, тёплой одежды стало для французских солдат жизненной необходимостью, т. к. «ближайшие французские магазины находились в Смоленске, в 300 верстах» [14]. Поэтому активность и радиус действия мародёрских шаек вынужденно увеличились.

О том, как встречало незваных гостей население Смоленщины, красноречиво выразился В.М. Вороновский в своем сочинении: «Только вступив в Смоленскую губернию, неприятель почувствовал всю могучую силу народного отпора. Навстречу ему поднялось всё население, и со всех сторон его охватило пламя народной войны. Народ восстал, как один человек ...Все одинаково приуготавливали пришлому врагу пустое, разорённое место; никто не остался на своём корню, не питал противника ни своей деятельностью, ни своим имуществом. В этом всеобщем восстании и заключалось главное зло для неприятеля. Ему приходилось оперировать не только в пустыне, но и среди ежеминутной незримой опасности внезапных нападений» [2].

Через три недели после начала войны, 6 (18) июля 1812 г. император Александр I издал Манифест о созыве народного ополчения. Ополчение повелено было собрать в 17-ти российских губерниях, которые были разделены на три округа. Смоленская губерния вошла в состав 1-го округа, под начальством московского главнокомандующего графа Ростопчина; её ополчение было устроено по примеру московского, состоявшего из конных и пеших казаков и пеших егерей [13].

Но ещё прежде опубликования и даже подписания этого манифеста дворянство Смоленской губернии само предложило выставить ополчение на свой собственный счёт. 29 июня губернский предводитель дворянства Сергей Иванович Лесли (1758–1826) созвал дворянское собрание, которое постановило испросить на это Высочайшее соизволение. 4–5 июля С. И. Лесли направил Государю рапорт, в котором просил дозволения «назначить из обывателей Смоленской губернии к вооружению временному до двадцати тысяч или более в подкрепление здесь находящихся войск на защиту губернии от нашествия неприятельского иногда случиться могущего...». Положительный ответ Государя был получен 9 июля [2, 11].

Организация ополчения Смоленской губернии (куда входил и Юхновский уезд) была следующая: все помещики, имевшие свыше 30 душ, должны были выставить по одному ратнику с каждой 31 души (обычно при наборе один рекрут брался с каждых 125 душ) и, кроме того, собрать по 25 коп. с каждой ревизской души на содержание должностных лиц и необходимые расходы. Владельцы меньшего количества душ вносили на этот предмет по рублю с ревизской души, и сборы эти подлежали немедленному взысканию. Ратники получали лишь казённое оружие, всё же остальное: одежда, обувь и десятидневный запас сухарей и месячный в муке и крупе — было от помещиков. В дальнейшем ополчение должно было продовольствоваться от жителей тех мест, где оно будет расквартировано или проходить походом. Ополчение каждого уезда находилось под начальством тысячного начальника и делилось на пятисотни, сотни и полусотни. Начальники этих частей выбирались в уездах баллотировкою, в большинстве случаев из отставных военных, в некоторых уездах пятидесятники выбирались из гражданских чиновников. Начальник ополчения пользовался правами корпусного командира, тысячный — правами командира полка, пятисотенные — батальонных, сотенные — ротных командиров. В целом же Смоленское ополчение находилось под начальством главнокомандующего армией и самостоятельных действий не предпринимало, считаясь в составе действующей армии. Всё ополчение было пешее, и только около 200 конных. Вооружение ополченцам полагалось от казны; главнейшее вооружение составляли казённые пики и взятые из дома топоры. Что же касается одежды, то особого образца не было, и ополченцы отличались от крестьян лишь крестами на шапках (розданных впоследствии), а главным образом сапогами, тогда как обычно крестьяне ходили в лаптях... (рис. 1). Жалованье должностным лицам назначалось применительно к окладам, существовавшим в армии: тысячному начальнику 1200 рублей в год, пятисотенному — 600 рублей, сотенным по 400 рублей и пятидесятникам по 200 рублей. Производилось оно из денег, собираемых с помещиков,

Рис. 1. Пеший казак и егерь (раскрашенная литография П. Ферлунда по рисунку П.Губарева; середина XIX века)

Рис. 2. Конный казак народного ополчения (раскрашенная литография П.Ферлунда по рисунку П. Губарева; середина XIX века)

а также из пожертвованных сумм. В то время крепостная душа ценилась в 500 рублей, так что со снаряжением один ополченец стоил владельцу не менее 550 руб. [11]. «Часть чиновников была принята на содержание от казны, которая назначила жалованье: сотенному начальнику 30 рублей в месяц, пятидесятому — 20 рублей и каждому ополченцу по рублю» [11]. «Офицерам даны были мундиры общие армейские. Егеря и казаки имели широкие русские серые кафтаны (под них можно было надевать полушубок) и длинные шаровары из крестьянского сукна (рис. 2). Фуражка была по выбору полкового начальника, с выбитым из меди крестом, и под ним вензельным именем императора, и надписью: «За Веру и Царя» [13].

Смоленское губернское ополчение было собрано и снаряжено в невероятно короткие сроки — 8 дней. Сборным пунктом был назначен Дорогобуж, по направлению к которому предполагалось отступление наших армий. С 19 июля туда начали прибывать ополченцы. Часть ополчения стягивалась в Смоленск и позже приняла участие в его защите. Большинство ополченцев получили оружие в Дорогобуже в период с 10 по 19 августа, «оно почти всё утратилось в походах и боях под Тарутиным и Малоярославцем, так как пики употреблялись для делания

укреплений и туров» [11]. С 6 августа 1812 г. по декабрь ополчением Смоленской губернии командовал генерал-лейтенант Николай Петрович Лебедев, после его смерти в декабре 1812 г. начальство перешло к генерал-майору Семену Степановичу Вистицкому, находившемуся во главе ополчения до роспуска последнего [2].

Согласно «Ведомости о чиновниках ополчения», по Юхновскому уезду служили при формировании ополчения: тысячный — 1, пятисотенные — 2, сотенные — 16, пятидесятники — 19; при роспуске: тысячный — 1, пятисотенные — 2, сотенные — 14, пятидесятники — 16 [11]. Согласно «Ведомости о числе ополченцев и оружия за время действия ополчения» при формировании Юхновское ополчение состояло из 26 конных и 1389 пеших воинов (*по числу ополченцев оно было самым многочисленным из всех уездных ополчений Смоленской губернии — М.Б.*); на его вооружении состояло 200 ружей и 1000 патронов. При роспуске ополчения налицо оставался 921 воин (136 чел. умерло, 360 чел. пропали без вести), 8 лошадей. Было сдано негодного к делу оружия — 184 пики [11]. Согласно «Записке о числе ратников, бывших в ополчении 1812 г.», от Юхновского уезда было 1416 ратников, в т. ч.: помещичьих — 1232, городских — 8, удельных — 126, казённых — 50 [20].

Список чиновников Смоленского ополчения по Юхновскому уезду в количестве 45 фамилий тысячного, пятисотенных и пятидесятников приведен в книге И.П. Лесли [11]. В этой же работе имеются сведения о пожертвованиях на военные нужды по Юхновскому уезду:

- деньгами: 25 871 руб. (из них 20 тысяч от П.Г. Щепочкина); хлеба собственного (четвертей): муки — 387, крупы — 69, овса — 790 (составляет деньгами по справочным ценам — 13 155 руб.); из запасных магазинов гарцевого сбора: муки — 504 четвертей; рогатого скота — 208 (на сумму 5 760 руб.);
- людей вооружённых для охраны границ от мародеров: 3 060 человек;
- подводы: на станциях и под курьеров — 276; в армию — 10 684; содержание подвозчиков и лошадей стоит деньгами 165 710 руб. (подводы по Юхновскому уезду наряжались до Смоленска, Дорогобужа, Гжатска и Вязьмы).

В начале 1813 г. остро встал вопрос об обеспечении ополчения провиантом. «Нужда всё обострялась, и в марте со всего Юхновского уезда были собраны последние 931 пуд сухарей и 15 четвертей круп, и рассчитывать на дальнейшее снабжение было невозможно. Только с открытием весны вопрос о продовольствии принял для населения более благоприятную форму: ополченцы получали казённый хлеб и пользовались от жителей только приварком» [11]. Они несли гарнизонную и полицейскую службу по городам губернии, конвоировали пленных.

Тут не с лучшей стороны проявил себя пятисотенный начальник Юхновского ополчения майор Родион Подушкин: «из порученной ему партии в 4000 человек он довёл к месту назначения всего 2000, а остальные погибли от жестокого с ними обращения. Об этом было доведено до сведения Кутузова, который был ярым противник всяких жестокостей с пленным врагом, и приказал немедленно разыскать и представить к нему Подушкина, но тот скрылся и дальнейших сведений о ходе этого дела не имеется» [11].

Основной груз забот по созыву народного ополчения, материальному обеспечению его и армии, сбору и отправке провианта в армию и т. д. ложился, в первую очередь, на дворянство, которое в каждом уезде Российской империи имело своего выборного главу — предводителя. Уездный предводитель дворянства избирался дворянством уезда на 3 года и служил без вознаграждения, эта должность была почётной и особенно ответственной, т. к. административная система Российской империи не предусматривала единого руководителя и единой администрации на уездном уровне. Уездный предводитель оказывался связующим звеном между разрозненными учреждениями и де-факто — главой уезда [22].

В 1812 г. предводителем дворянства Юхновского уезда состоял **Семён Яковлевич Храповицкий** (1752–1819) — подпоручик в отставке, титулярный советник, представитель старинной дворянской фамилии герба «Гоздава» (рис. 3), известной с XVI в. (род Храповицких записан в VI часть родословных книг губерний Смоленской, Калужской, Владимирской, Тверской и Виленской). Родился Семён Яковлевич в семье полковника смоленской шляхты и смоленского совестного судьи Якова Дементьевича Храповицкого. В царствование Екатерины II принимал участие, под командой князя Григория Александровича Потёмкина, в кампаниях против турок. Выйдя в отставку, перешёл на гражданскую службу. С 1788 по 1790 гг. был юхновским уездным исправником. О его высоком авторитете и доверии к нему юхновских дворян свидетельствует тот факт, что Семён Яковлевич многократно избирался предводителем дворянства Юхновского уезда: в 1791–1793 и 1802–1813 гг. Умер он в 1819 г. в возрасте 67 лет. Был женат на Марии Львовне Чернышёвой, имел сыновей Степана (1783–1863?), Ясона (1780?–1851), Ивана (1786–1864) и дочь Анну. Все три сына Семёна Яковлевича заслужили генеральские чины, двое из них (Ясон Семёнович и Иван Семёнович) стали губернаторами. В Юхновском уезде С. Я. Храповицкому принадлежало село Городище с деревнями [3, 15, 16, 24]. В Интернете имеется информация о том, что потомки славного дворянского рода Храповицких — Семёна Яковлевича и его детей — здравствуют и поныне [18, 23].

Впервые о С. Я. Храповицком, благодаря донесению Д. В. Давыдова, в октябре 1812 г. узнала вся Россия: сообщение об этом было опу-

ГЕРБЪ РОДА ХРАПОВИЦКИХЪ.

Рис. 3. Герб рода Храповицких

бликовано в центральных газетах «Санкт-Петербургские Ведомости», «Московские Ведомости», «Северная Почта» и др.: «Подполковник Давыдов ... доводит до сведения начальства патриотические деяния юхновского дворянского предводителя Храповицкого. Сей истинно русский дворянин достойным образом представляет собою свое почтенное сословие. Он снабжал отряд подполковника Давыдова всеми жизненными потребностями; учредил милицию, расставил из оной на важнейших отдаленных пунктах известительные для подполковника Давыдова пикеты и учредил своим иждивением госпиталь в Юхнове. При вступлении французов в его уезд, с ополчением своим, прежде прибытия подполковника Давыдова с его отрядом, отразил их от окружностей Юхнова, один остался в городе, и своим примером не только возвратил, но и ободрил всех дворян. Главнокомандующий генерал-фельдмаршал (по власти ему данной) наградил сего достойного чиновника орденом Св. Анны 2 класса» [5].

Из других источников узнаём подробности событий, происходивших в Юхновском уезде летом и осенью 1812 г.: «В Юхновском уезде честь формирования партизанских отрядов всецело принадлежит предводителю дворянства Семену Яковлевичу Храповицкому. Имея на войне трех сыновей, он и сам принял близкое участие в боевой жизни. Ему удалось собрать возле себя до 2 тысяч человек партизан (как

из своих крестьян, так и принадлежавших другим владельцам). Своими речами и примером он увлёк ещё других, оставшихся на местах дворян, к его отряду присоединились 22 местных дворянина из отставных военных. Часть партизан образовала конные разъезды, которые действительно следили за действиями неприятеля, по возможности преследовали его, доставляли корреспонденцию, проводили разведку, охраняли главные силы, сосредоточенные на южном берегу р. Угры, в районе Юхнова, тем самым прикрывая дорогу на Калугу. С другою же частью Храповицкий стал на реке Угре, около своего имени Городище, и остановил французов, направлявшихся к Калуге» [8]. Командирами ополчения Храповицкий назначал отставных военных, дворян, не пожелавших оставаться дома и довольствоваться «ношением охотничьих кафтанов, перепоясанных саблями и с пистолетами за поясом». В самом Юхнове Храповицкий за свой счёт устроил лазарет, а также продовольственные склады, которые снабжали припасами проходившие войска.

С прибытием армейского партизанского отряда Д.В. Давыдова, «который в Юхнове основал свою главную квартиру, Храповицкий постоянно оказывал ему содействие и нередко делал весьма существенные услуги ...Во всей деятельности отряда Давыдова на пространстве Юхновского и Вяземского уездов принимал самое живое участие сын предводителя Храповицкого, майор Вольнского уланского полка Степан Семенович Храповицкий. Он являлся сподвижником Давыдова в его лихих набегах» [2, 10]. В своём «Дневнике партизанских действий» Денис Васильевич Давыдов напишет: «...дворянский предводитель Семен Яковлевич Храповицкий подал мне руку помощи со всею ревностью истинного сына Отечества. Сей почтенный старец не только оказал твёрдость духа, оставшись для примера дворянам с семейством своим на аванпостах Калужской губернии, но ознаменовал особенную силу воли и неусыпную строгость в надзоре за принятыми им мерами к поднятию оружия жителями Юхновского уезда. Отставной капитан Бельский назначен был ими начальствовать. К нему присоединились двадцать два помещика; сто двадцать ружей, партией моей отбитые, и одна большая фура с патронами поступили для употребления первым ополчившимся, которым сборное место я показал на реке Угре, в селе Знаменском» [4]. Полковник Д.В. Давыдов был первым, кто сообщил главнокомандующему русской армией М.И. Кутузову о заслугах С.Я. Храповицкого и ходатайствовал о его награждении, докладывая также, что стараниями С.Я. Храповицкого «партия моя ни единого дня ни в чём нужды не имела, раненые получали пользование, покой и облегчение» [4].

После изгнания неприятеля из пределов Смоленской губернии С.Я. Храповицкий активно участвует в восстановлении мирной жизни

и хозяйства. Обширная «Докладная записка, поданная князю Кутузову (составленная по отдельным просительным пунктам)», в которой содержались предложения по скорейшему восстановлению Смоленской губернии от вражеского разорения, разработана при его участии, его фамилия значится среди 7 подписей [2].

В исторической литературе имеются свидетельства о подвигах и других юхновских дворян, отличившихся при защите Юхновского уезда от врагов. Так, ротмистр **Александр Бельский**, штабс-капитан **Яков Волков** и корнет **Алексей Марков** и др., во время нашествия неприятеля «вооружа крестьян своих и разного звания людей, делали разъезды, отражали многие неприятельские партии от границ своего уезда, чем отнимали у них способы грабить и опустошать селения, и немалое число побито и забрано в плен французов, как то видно в свидетельствах, им данных» [2, 20].

«В то время, когда французы приближались к Юхнову, коллежский секретарь **Иван Николаевич Козачков**, служивший в Юхновском уездном суде, имея билет от суда для проезда во все города России, не воспользовался им и был посылаем с разными поручениями для разведок в опаснейшие места то один, то с командою нижних воинских чинов, уходивших из плена. С командою в 42 человека он разбил и обратил в бегство французский отряд, из коего было убито 5 человек, тяжело ранено 3 и взято 10 ружей. Свой отряд Козачков сдал потом находившемуся при отряде подполковника Давыдова (который стоял тогда близ с. Вырубова, Гжатского уезда) лейтенанту Храповицкому, которому отдал взятые у неприятеля ружья и при отряде которого остался сам. Около с. Безобразова (недалеко от Вязьмы) он встретил неприятельский отряд в 30 человек, напал на него и обратил в бегство. От предводителя дворянства дано было Козачкову свидетельство» [20].

«Лейтенант флота **Николай Евграфович Храповицкий** присоединился в Юхнове к отряду полковника Давыдова и находился в нём до самого прогнания неприятеля до мест. Шилова, Оршанского уезда Могилевской губернии. Отсюда он возвратился в г. Красный, где занимал должность уездного судьи. От Д.В. Давыдова он получил аттестат: «Дан сей [аттестат] Смоленской губернии помещику, отставному флота лейтенанту Николаю Евграфову сыну Храповицкому в том, что он со время вступления моего с вверенным мне отрядом в Юхновскую округу, усердствуя к пользе общей, тотчас по собственному желанию присоединился ко вверенному мне отряду, командовал собранною мною из плену вышедших пехотою во всех её действиях, предводительствуя ею поступал отлично и был со мною до самого перехода войск наших за Днепр, — почему долгом почитаю сим о усердии и службе его засвидетельствовать, и о награждении его за оное представлено от меня

Его Светлости, главнокомандующему всеми армиями. Ноября 12 дня 1812 года...». Высочайшим приказом от 25 февраля 1813 г. Н.Е. Храповицкий был награждён орденом Св. Анны 3 степени [20].

Степан Семёнович Храповицкий принимал участие в кампаниях 1805–1807 гг. против французов, отличился в сражении при Эйлау. В 1812 г. он, майор Волынского уланского полка, был командирован в Москву для вербовки рекрутов, но, узнав о том, что столица занята неприятелем, отправился в Юхнов, где, по распоряжению начальника Калужского ополчения генерал-лейтенанта Василия Фёдоровича Шепелева, был приписан к армейскому партизанскому отряду подполковника Д.В. Давыдова и принял участие в боевых операциях против французов. Свидетельства о подвигах С.С. Храповицкого можно найти в «Партизанском дневнике 1812 года» Д.В. Давыдова, а также в периодической печати за 1812 г., в публикациях, сделанных на основе его донесений: «Третье отделение, под командою Волынского уланского полка майора Храповицкого, направляясь к Семлеву, встретило находившийся под значительным прикрытием кавалерии и пехоты транспорт с полною одеждою на один Вестфальский гусарский полк. Майор Храповицкий, дабы привести неприятеля в заблуждение, велел свои гусарам надеть на пики флюгера, а казакам опустив пики, следовать за ними. Неприятель, почтя сей отряд польскою кавалериею, с оплошною доверенностью вышел на равнину, где сей на него ударил. Неприятель старался защищаться скрывшись за фуры, залегши под оные и производя оттуда сильный огонь; но мужество наших превозмогло все, даже самое бегство не могло спасти неприятеля. Разосланные казаки и гусары взяли в плен большую часть конвоя вместе с транспортом. В сей день неприятель потерял убитыми 375 человек, в числе коих 3 офицера; взято в плен: 1 штаб, 4 обер-офицера и 490 рядовых, которые отправлены в Калугу; отбито 41 больших транспортных фур с сухарями, овсом и одеждою на помянутый Вестфальский полк, которая по препровождаемому счету стоит 17 тысяч франков. Под Вязмою отбито 66 наших пленных, из которых больных препровождают в Юхнов, а прочих, вместе с бежавшими из плену, подполковник Давыдов собирая к себе, сформировал уже целую роту, которую вооружил отбитыми у неприятеля ружьями; при сем же случае взято 140 пар волов, употреблявшихся под артиллерийский парк, находящийся в сем городе. С нашей стороны убито казаков 4, ранено 30, гусар ранено 8, лошадей убито 17, ранено 53» [5].

В декабре 1812 г. С.С. Храповицкий — подполковник, принимал участие в заграничных походах 1813–1814 гг., отличился в сражениях при Бутштедте, Андисебене, Готе и Майнце. 5 июля 1818 г. ему присвоено звание «генерал-майор». В 1827 г. вышел в отставку и принимал активное участие в работе Смоленского дворянского депутатского со-

брана. Награждён орденами Святого Георгия 4 класса, Святой Анны 4 степени, Святой Анны 1 степени, Святого Владимира 1 степени, «Королевско-Прусским орденом за военные заслуги» («Pour le Merite»), «Золотым Крестом за Прейшиш-Эйлау» и золотой саблей «За храбрость». 23 апреля 1827 г. за служебные достоинства получил алмазные знаки к ордену Анны 1 степени. Умер не раньше 1863 г., похоронен на погосте Покровской церкви в родовом имении Городищи Юхновского уезда, которым после его смерти и до революции 1917 г. владели его родственники. В августе 1919 г. местная секция по делам музеев и охраны памятников, возглавляемая В. В. Арндтом, выпускником Киевского художественного училища, обследовала усадьбу Городище, откуда в Юхнов были доставлены портреты работы В. А. Тропинина и Д. Г. Левицкого [1, 6, 7, 15, 16, 23]. Судьба многих культурных и исторических ценностей из юхновских усадеб в настоящее время неизвестна. Но совсем недавно был атрибутирован портрет С. С. Храповицкого, хранящийся в Государственном Историческом Музее в Москве [1].

Результатом героической и грамотно организованной обороны Юхновского уезда партизанскими отрядами стало то, что сам город Юхнов и большинство сёл Юхновского уезда были спасены от вражеского разорения, а, кроме того, неприятелю был накрепко закрыт путь на Калугу и другие селения, расположенные южнее Юхнова. Вот что сообщали «Смоленские Епархиальные Ведомости» на основании архивных данных Смоленской Духовной Консистории: «В большинство сёл Юхновского уезда неприятели вовсе не были допущены, а именно в сёла: Красное, Власово, Мочалово, Сафоново, Бутурлино, Великое [Велино], Опаково, Мощину, Слободку, Рупосово, Городец, Дмитровец, Аксиньино, Рубихино, Извольск, Воскресенск и Побитое, и потому в оных богослужение не прекращалось. Единственное село Юхновского уезда, сильно пострадавшее от неприятеля, это — село Дровнино: в нём церковь была совершенно сожжена, хотя церковное имущество и было спасено... Во всех остальных сёлах Юхновского у [езда] были только мародёры, при чём больше пострадало имущество священно-церковно-служителей, чем церковное» [21].

Память о войне, воинах, ополченцах и партизанах 1812 г. свято чтители в городе Юхнове все последующие годы. Главной своей небесной покровительницей жители Юхнова всегда считали Пресвятую Богородицу, её чудотворный Казанский образ не одну сотню лет бережно хранился в Юхновском Казанском монастыре, давшем основание городу. Пред этой иконой служились молебны и во время вражеского нашествия 1812 г. Об одном из них сообщал Денис Давыдов: «11-го [сентября] мы отслужили молебен в присутствии гражданских чиновников и народа и выступили в поход с благословениями всех жителей» [4]. Главный

престол соборного храма Юхнова, построенного всего за несколько лет до войны — в 1804 г. — был отделён и освящен в 1815 г. также в честь Казанской Божией Матери. О Внесении Казанской иконы Божией Матери в Юхновский собор 6–8 июля 1813 г. сообщали «Смоленские Епархиальные Ведомости»: «В городе Юхнове [в 1812 г.] не было ни одного человека из неприятелей, и богослужение не прекращалось. Движимые благодарностью Всевышнему за своё избавление от грозного неприятеля жители города Юхнова, по инициативе местного уездного предводителя дворянства Храповицкого, приобрели икону Казанской Божией Матери в серебряном окладе и с духовной церемонией, по испрошении на то 27 генваря 1813 года Высочайшего разрешения, внесли её торжественно в собор». Приводим здесь описание самого торжества перенесения иконы: «6 июля из села Богородищ [Городища], имения Храповицкого, выступила по направлению к г. Юхнову торжественно процессия, состоявшая из трёх священников, диакона и множества народа. На пути икону в каждом селе встречали с колокольным трезвонном. Вечером 7 июля торжественная процессия приблизилась к г. Юхнову. Здесь на выгонной городской земле, близ большой дороги, икона поставлена была под нарочито для этого устроенным балдахином и совершена всенощная. На следующий день, 8 июля, в день Казанской Божией Матери, по отправлении в городских церквях ранних литургий, в соборе совершено водосвятие, по окончании которого учинён крестный ход, при множестве народа, бывшего в это время в городе по случаю ярмарки, и колокольном звоне. На обратном пути до самого собора св. икона была несена под балдахином священнослужителями среди св. икон и в предшествии хоругвей и крестов, при пении церковных песнопений. Обошедши кругом собора, в притворе (между колокольной и собором) протоиерей и благочинный гор. Юхнова Лелюхин произнёс речь. Затем последовало достодолжное поклонение иконе, после чего протоиерей Лелюхин и соборный священник Чамов внесли икону в собор и поставили на ранее уготованное место. Затем соборне совершена была божественная литургия, по окончании которой протоиерей Лелюхин снова сказал приличное торжеству слово. Торжество закончилось молебном с провозглашением многолетия царствующему дому, храброму русскому воинству и всем православным христианам» [21].

На официальном сайте Калужской Митрополии и в книге И. П. Лесли [11] сообщается, что эта Казанская икона Божией Матери сопутствовала Юхновскому народному ополчению в 1812 г., она была помещена за правым клиросом и под ней, в память об избавлении города, был установлен штандарт, отбитый в бою 13 (или 19) января 1813 г. у французского драгунского полка полковником С. С. Храповицким. «Это шелковый, шитый золотом штандарт, на котором имеется надпись: «Сей

трофей дан за Ваграмское сражение Наполеоном 28-му французскому драгунскому полку». Штандарт был «повергнут к стопам» Его Императорскому Величеству чрез сенатора Каверина; на древке его сохраняется надпись: «В Юхновский Казанский собор к образу Божией Матери, за избавление одного города и округа 1812 г. октября 18 дня» [11, 17]. Кроме того, ежегодно в собор приносилась из Юхновского Казанского мужского монастыря чтимая чудотворная Казанская икона Божией Матери» [17].

Через 22 года после войны в Юхнове была торжественно открыта больница, где были устроены бесплатные места для отставных воинов. В № 88 «Московских Ведомостей» за 1834 г. неизвестный автор заметки «Из Юхнова, Августа 28» оставил подробное и красочное описание происходившего тогда торжества [9]. Торжественно было отмечено в Юхнове и 100-летие победы в Отечественной войне в 1912 г., репортаж об этом опубликовали «Смоленские Епархиальные Ведомости» [8].

Литература

1. Букреева Е. М. Неизвестное об известном: живописные портреты участников Отечественной войны 1812 года Храповицких в собрании Государственного Исторического музея. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVIII Международной конференции, 2–4 сентября 2013 г. / Сост. А. В. Горбунов. — Бородино, 2014. — С. 166–186.
2. Вороновский В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. Юбилейное издание Смоленского Губернского Земства. — СПб, 1912.
3. Воспоминания Я. С. Храповицкого о Березинской переправе // Военный Сборник, № 10. — С. 41–54 (О Я. С. Храповицком — С. 41–44).
4. Давыдов Д. В. Партизанский дневник 1812 года // Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. — М., 2007. — С. 164, 166, 181–182.
5. [Журнал военных действий с 8 (20) по 15 (27) октября 1812]. (Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям» № 86 от 25 октября 1812; Прибавление к «Северной почте» № 86 от 26 октября 1812; Прибавление к «Московским ведомостям» № 103 от 25 декабря 1812; «Исторический, статистический и географический журнал», 1812, ч. 4, кн.1 (октябрь, с. 60–68.). — Интернет-версия «Известия о военных действиях 1812–1814 гг. По материалам периодической печати»: http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv087.html.
6. Иванов М. Создание музеев на Смоленщине // Московский журнал, № 3, 1999. (http://www.gzhatsk.ru/articles/sozdanie_myzeev_na_smolenshine.html).
7. Иванов М. В. Создание системы органов управления музейным делом. Национализация культурных ценностей. (1918–1921) // Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII — первая треть XX вв.). — Смоленск, 2005. (http://nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?option=com_content&task=view&id=2646&Itemid=162&limit=1&limitstart=5).
8. [Б. п.]. «Из местной жизни» // Смоленские Епархиальные Ведомости, № 17, 1912. — С. 1022.

9. [Б. п.]. «Из Юхнова, Августа 28» // Московские Ведомости, № 88, 1834.
10. *Кабанов А. К.* Ополчения 1812 года // Отечественная война и Русское общество. 1812–1912. Том V. — М., 1911.
11. [Лесли И. П.]. Смоленское дворянское ополчение 1812 года. — Смоленск, 1912. (<http://adjutant.ru/1812militia/smolensk1812-02.htm>).
12. Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года. Сост. В. В. Ханьков. — М., 1878. — С. 91.
13. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года, по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Часть вторая. Изд. 2. — СПб., 1840.
14. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года, по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Часть третья. Изд. 2. — СПб., 1840.
15. *Назарян Е. А.* Участник Отечественной войны 1812 года Степан Семенович Храповицкий. // 1812 год: война и мир. Материалы III Всероссийской научной конференции. — Смоленск, 2012. — С. 43–51.
16. *Одинцов Михаил (Michel).* Российские подразделения и офицеры: <http://impereur.blogspot.ru/search/label/Российские%20подразделения%20и%20офицеры>.
17. Официальный сайт Калужской митрополии. «Храм в честь Казанской иконы Божией Матери»: <http://eparhia-kaluga.ru/kaluzhskaja-eparhija/prihody/juhnovskij/954-oficialnyj-sajt-kaluzhskoj-eparhii-prihody-juhnovskij-rajon-hram-v-chest-kazanskoj-bozhiej-materi.html>.
18. *Павлов Александр, Павлова Юлия.* О родословной дворян Храповицких: http://www.dom-bez-kluchey.ru/capital_city_sudogda/o-rodoslovnnoj-dvoryan-xrapoviczkix.html.
19. Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям» № 96 от 29 ноября 1812 г. — Интернет-версия «Известия о военных действиях 1812–1814 гг. По материалам периодической печати»: http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izv133.html.
20. Смоленская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года. — Смоленские партизаны в 1812 году. Приготовил к печати Н. Редков // Смоленская Старина. Вып. 2. — Смоленск, 1912.
21. Смоленская Епархия в 1812 году (продолж.) // Смоленские Епархиальные Ведомости, № 24, 1886. — С. 1148–1155.
22. Уездный предводитель дворянства: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1655577>.
23. *Храповицкая Елена.* Моё генеалогическое древо: <http://khrapovitskaya.ru/moe-genealogicheskoe-drevo>.
24. Храповицкие // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIIа. — СПб., 1890–1907. — С. 612.

О некоторых страницах создания авиационного прикрытия Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны

*Покасов В. П.
Историк, г. Москва*

*Рябцев А. С.
Тульский филиал Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова, г. Тула*

С первых же дней Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. все усилия политического и военного руководства СССР были сосредоточены на мобилизации всех сил и средств на отпор вероломному врагу.

По оценке Б. И. Невзорова (Москва, Институт военной истории МО РФ), если рассматривать хронологические рамки битвы за Москву по фактическому ходу борьбы с 22 июня 1941 г. по 20 апреля 1942 г., то она втянула в свою орбиту почти 8,4 млн солдат и офицеров и 504 расчетные дивизии обеих противоборствующих сторон [12. С. 30].

В Московской битве в период с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. с советской стороны велись боевые действия в составе: **Западного, Резервного, Московского резервного, Калининского, Брянского (I ф.), Юго-Западного фронтов, Войск обороны Москвы, и Московской зоны обороны (МЗО)**. МЗО — оперативное объединение, созданное решением ставки ВГК на базе Войск обороны Москвы. Руководство МЗО осуществлялось командованием Московского военного округа. Функционировали также **Штаб войск НКВД охраны МЗО и Управление войск НКВД охраны МЗО**.

Прикрытие театра Московской зоны обороны с воздуха осуществляли: **Московский фронт ПВО**, в действующей армии с 6 апреля 1942 г. по 10 июля 1943 г., с 10 июля 1943 г. — **Особая Московская Армия ПВО**;

Московская зона ПВО, в действующей армии с 22 июня 1941 по 24 ноября 1941 года;

Московский корпусной район ПВО, в действующей армии с 17 декабря 1941 г. по 6 апреля 1942 г., с 6 апреля 1942 г. — **Московский фронт ПВО**;

1-й корпус ПВО (Москва), в действующей армии с 1 июля 1941 г. по 17 декабря 1941 г., с 17 декабря 1941 г. — **Московский корпусной район ПВО**.

Функционировал в действующей армии с 22 июня 1941 г. по 9 июня 1943 г. **6-й истребительный авиационный корпус ПВО**, с 09 июня 1943 г. — **1-я воздушная истребительная армия ПВО**.

Для справки: 6-й истребительный авиационный корпус ПВО, сформирован 21 июня 1941 года во исполнение приказа НКО № 00141 от 19 июня 1941 года. В его состав были включены авиационные части и личный состав управлений расформированных 24-й и 68-й авиадивизий [13. С. 155–160, 237].

В период битвы за Москву в ней принимало участие **435** наименований авиации ВВС и ПВО, в том числе: авиационных дивизий — **39**; авиационных групп — **8**; отдельных авиационных полков — **167**; отдельных авиационных эскадрилий — **18**; авиационных и воздухоплавательных отрядов — **3**; районов авиационного базирования — **132**; отдельных батальонов (рот) связи управления — **25**; батальонов аэродромного обслуживания и им равных — **102**; аэродромно-технических рот — **60**.

Вся территория к западу от Москвы была разбита на 6 районов ПВО: Бологоевский, Сухинический, Ржевский, Вяземский, Калининский и **Тульский бригадный** (с 15 февраля 1942 г. дивизионный) **район ПВО** [9. С. 10–23, 97–117, 161].

Необходимо отметить, что подготовка Тульского района ПВО к будущим боевым действиям осуществлялась не только после начала Великой Отечественной войны в июне 1941 г. Накануне начала войны в НКВД СССР формируется Главное управление аэродромного строительства (ГУАС). Стремительное продвижение немецко-фашистских войск на восток заставило обратить особое внимание на организацию противовоздушной обороны столицы — города Москвы.

Для справки: ГУАС организовано 27 марта 1941 г. приказом НКВД во исполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 24 марта 1941 г., по которому на НКВД СССР было возложено строительство аэродромов для военно-воздушных сил Красной Армии. В составе НКВД-УНКВД республик, краев и областей (в районах строительства аэродромов) были созданы управления (группы) аэродромного строительства (УАС НКВД-УНКВД). Начальниками УАС-ов стали начальники НКВД-УНКВД; они же

по совместительству назначались уполномоченными НКВД СССР на местах по строительству аэродромов.

К 15 июня 1941 г. было развернуто строительство 254 аэродромов, из них: в Белоруссии — 61, на Украине — 82, в Молдавии — 8, в Прибалтике — 23, в Мурманской области и Карелии — 10, на Дальнем Востоке — 19, в Закавказье — 10, в Ленинградской области — 12, в других областях России — 29. Строительство некоторых аэродромов закончили уже к июлю 1941 г. На 15 июня 1941 из 254-х аэродромов строительство 156-и обслуживали заключенные, 11-и — военнопленные.

Для скорейшего комплектования строек рабочей силой на более поздний срок были перенесены работы на крупнейших автодорожных строительствах. С середины 1942 г. при сокращении объема аэродромного строительства на ГУАС начали возлагать и иные задачи. В качестве рабочей силы привлекали вольнонаемных, строительные батальоны, рабочие колонны трудмобилизованных, военнопленных, заключенных из ИТК и ИТЛ (на контрагентских началах), при части СУ организовали ПФЛ. Так, постановлением ГКО № 2286 сс от 11 сентября 1942 г. главку было поручено обеспечить зимой и весной 1942–1943 гг. очистку и вывоз снега на ряде военных аэродромов силами заключенных и мобилизованного местного населения. При угрозе срыва полетов приказывалось выделять нужное число заключенных за счет любых работ.

Летом 1942 г. для восстановления цехов синтеза аммиака, крепкой и слабой азотной кислоты Сталиногорского (ныне Новомосковского) химического комбината было создано первое специальное СУ ГУАС НКВД. Кроме вольнонаемных, его обслуживал Сталиногорский ПФЛ. По окончании работ управление полностью перебазировали в г. Грозный на восстановление и строительство объектов нефтяной промышленности.

13 февраля 1946 г. приказом НКВД и НКСПТП № 025/1с ГУАС вместе со всеми СУ было передано вновь организованному Наркомату строительства предприятий топливной промышленности. Стройуправления передавали со всеми вольнонаемными рабочими, инженерно-техническим персоналом и служащими, а также оборудованием, транспортом, материалами. Не передавались личный состав ИТЛ, ИТК, ПФЛ, лагерей военнопленных, лагерное имущество, подсобные хозяйства лагерей и колоний.

С момента организации начальником ГУАС НКВД СССР был назначен начальник ГУШОСДОР НКВД СССР военный инженер 1-го ранга В. Т. Федоров. 31 июля 1941 г. приказом НКВД на эту должность был назначен старший майор госбезопасности Л. Б. Сафразьян, занимавший ее до передачи главка в другой наркомат [19 (о В. Т. Федорове), 20 (о ГУАС)].

29 июля 1941 г. заместитель начальника УАС УНКВД по Тульской области Александр Дмитриевич Барышев представил первому секретарю Тульского обкома партии В.Г. Жаворонкову список **14 объектов специального строительства по Тульской области** (из 29 объектов указанных выше по РСФСР, почти половина была сосредоточена в Тульской области)¹ с указанием ответственных лиц, условного номера и места расположения объекта. Документ имел ограниченный доступ под грифом «совершенно секретно», в силу установленных еще в 1930-е годы правил секретности в документе отсутствуют имена и отчества руководителей — начальников:

«Объект № 414 город Тула, начальник Белобрагин, главный инженер Зубаренков;

объекты №№ 390 и 390-а поселок Волово, начальник Боровков, главный инженер Иванов;

объект № 335 Чернь, Чернского района, главный инженер Рогачевский;

объект № 371 Сталиногорский район станция Маклец, начальник Курнаев, главный инженер Андрулевич;

объект № 274 Веневский район, разъезд Шелудяки, начальник Христенко, главный инженер Краснощеков;

объект № 356 Калужский район, село Каракозово², начальник Мохов;

объект № 305 (под постоянный № 420) Калужский район у деревни Орешково, начальник Кокарев, главный инженер Малахов;

объект у деревни Шопино Калужского района, начальник Приходько, главный инженер Соколов;

объект № 186-а, Калужский район, село Павшино, начальник Башкатов, главный инженер Бабкин;

объект № 316 Дубенский район, село Воскресенское, главный инженер Шавронов;

объект № 473 деревня Хомяково, начальник Авербах, главный инженер Лелохин;

объект № 186 Щекино, начальник Рудаков, главный инженер Втулов;

объект № 471 Тула, Волинцево, начальник Белобрагин».

Таким образом, уже в июле 1941 г. многочисленные объекты УАС с задачами противовоздушной обороны, находившиеся на территории Тульской области, не просто были приведены в боевую готовность.

---

¹ Нижнее течение рек Угры и Жиздры принадлежало Тульской области; вблизи этих рек располагался ряд упомянутых в статье аэродромов, с севера на юг: Кожухово, Шопино, Орешково, Корекозово, Голодское, Жашково, Гордиково — ныне все в Калужской области; а также Песоченский и Ржавец. Территории Калужской области принадлежат указанные в статье аэродромы Рябцево, Сляднево, Грабцево, Кольцово, Коврово, Тырново, Бабынино, Курово, Макарово, Григоровское — *прим. ред.*

² Здесь и далее — ошибка источника; правильно «Корекозово» — *прим. ред.*

В апреле 1941 начальником УНКВД по Тульской области был И. М. Кирушин, он же начальник Управления аэродромного строительства, а в начале июля 1941 г. его заменяет В. Н. Суходольский, начальник УНКВД по Тульской области с июля 1941 по май 1943 г. Первым заместителем начальника УАС был лейтенант госбезопасности Д. И. Крюков, на должности главного инженера был Е. Р. Явелов. Таким образом, в связи с реорганизацией НКВД СССР, произошла смена руководства в деле организации отпора немецко-фашистским захватчикам на территории Тульской области [3. Л. 112–114].

Для справки: В аналитическом материале исследований Сидорова И. Н. (Рязанское Военно-воздушное десантно-командное училище им. генерала армии В. Ф. Маргелова МО России, далее — РВВДКУ) о воздушно-десантных войсках в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. указано, что во фронтовых операциях воздушно-десантный десант применялся шестикратно, в том числе трижды в ходе битвы за Москву [15. С. 262–269].

Снимщиков А. В. (РВВДКУ) представил дополнительную информацию по этому вопросу, из боев за Москву в составе Западного фронта: воздушно-десантный отряд майора И. Г. Старчака, 4–19 января 1942 года; воздушно-десантный отряд юго-восточнее Вязьмы 18 января — 4 февраля самостоятельно и до июня 1942 года в тылу противника; Вяземская воздушно-десантная операция 18 февраля — 28 июня 1942 года. При планировании и проведении Вяземской воздушно-десантной операции для боевых действий применялись воины-десантники 4-го воздушно-десантного корпуса и использовались аэродромы Грабцево, Ржавец и Жашково [16. С. 184–193].

С тульского аэроузла ушел в свой последний и бессмертный полет 8 октября 1941 г. пикирующий бомбардировщик Пе-3, пилотируемый командиром эскадрильи 40-го скоростного бомбардировочного авиаполка капитаном А. Г. Роговым и штурманом, капитаном В. И. Фарносовым. Объектом авиаудара был мост через реку Угру, восточнее Юхнова. По этому мосту шли к Москве немецкие колонны — живая сила и техника. Неоднократно проводившиеся авианалеты не приносили никакого результата: немцы прикрыли этот стратегический объект мощной зенитной артиллерией и истребителями. Советская авиация несла тяжелые потери. Когда самолет капитана А. Г. Рогова был подбит, то экипаж направил горящую машину на мост. Взрыв был огромной силы: самолет весом 7,5 тонн, около 3 тонн горючего и 1,5 тонны бомбовой нагрузки. Движение войск противника по мосту было остановлено. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1941 года за образцовое выполнение боевых заданий командования фронта по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество

и героизм, капитану Рогову Алексею Георгиевичу, было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Именем отважного летчика названы улица в городе-герое Туле и электромеханический техникум. На доме, где он жил, установлена мемориальная памятная плита. Капитан В.И. Фарносов награжден Орденом Ленина (посмертно). На месте подвига, на реке Угре, установлен памятник советским летчикам. [10. С. 165, 179, 180].

В октябре месяце 1941 года военные действия переместились на территорию Тульской области. Из 40 районов Тульской области не был оккупирован один Заокский район. По состоянию на июнь 1942 года три района — Лаптевский, Ивановский и Октябрьский — были оккупированы частично. В июне 1942 г. четыре района Тульской области — Белевский, Арсеньевский, Чернский и Липецкий — находились в зоне военных действий; десять районов области — Бабынинский, Калужский, Детчинский, Перемышльский, Одоевский, Плавский, Дугненский, Черепетский, Каменский, Крапивенский — находились во второй зоне военных действий [4. Л. 85, 92, 94].

Когда противник 18 ноября 1941 г. прорвал оборону советских войск юго-восточнее Тулы и вышел к Веневу и Кашире, то для отражения этой угрозы командованием ВВС РККА была сформирована ударная авиационная группа во главе с М.В. Щербаковым. Для усиления воздушного воздействия на противника привлекалась 11-я смешанная авиационная дивизия под командованием дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Г.П. Кравченко [8. С. 49, 60].

После начала контрнаступления советских войск под Москвой в середине декабря 1941 г. была создана авиационная группа под командованием генерал-майора Е.М. Николаенко, которая окончательно переместилась на Серпуховский и Тульский аэроузлы 4 января 1942 года [2. С. 547].

Конечно, этого было недостаточно. Дело в том, что истребители того времени имели по современным меркам достаточно ограниченный радиус действия — приблизительно 400–500 км. Поэтому для прикрытия своих войск и городов, прежде всего Москвы и Тулы, требовалось многократно увеличить число аэродромов.

По приказу командующего ВВС Западного фронта от 24 марта 1942 года на аэродроме Грабцево, северо-восточнее Калуги, надлежало в течение 10 дней построить дополнительные взлетно-посадочные полосы. Батальон аэродромного обслуживания 50-й армии выполнить поставленную задачу своими силами оказался не в состоянии, из-за полного отсутствия автотранспорта и катастрофического некомплекта личного состава. В этой ситуации начальник **15-го** района авиацион-

ного базирования НКО СССР полковник Иванников и военком старший батальонный комиссар Потехин обратились за помощью к руководству Тульской области о выделении на данное строительство 1200–1400 человек рабочей силы с лопатами, 300 подвод и выделении 120 тонн соломы, необходимой для теплоизоляции взлетно-посадочной полосы [7. Л. 8, 9].

71-й район авиабазирования не имел сил и средств для выполнения приказа НКО СССР № 0034 и приказа по войскам Западного фронта № 032 по строительству грунтогравийной взлетно-посадочной полосы, а срок строительства был установлен с 1 по 20 апреля 1942 г. Оценив силы и возможности, 4 апреля 1942 г. заместитель командующего ВВС Западного фронта по тылу полковник Успенский и военком полковой комиссар Владыкин обратились с просьбой к руководству Тульской области о выделении 900 человек и 200 подвод ежедневно для строительства аэродрома в районе города Плавска, из прилегающих к месту работ районов, и 300 человек из города Калуги для погрузки шлака на ст. Калуга. Принято было решение бюро обкома ВКП (б) по этому вопросу, мобилизованное местное население приступило к работам и к установленному сроку 20 апреля 1942 года взлетно-посадочная полоса была готова [7. Л. 144].

Быстрому строительству аэродромов в военное время способствовал не только героический труд мобилизованных, в основном женщин, подростков, инвалидов, не подлежащих призыву в армию и не занятых на военном производстве, но и освоенная в довоенное время довольно простая и вместе с тем эффективная технология строительства взлетно-посадочных полос. В основе их покрытия лежал изобретенный в Германии доктором Дамманом так называемый «эссенский асфальт».

Для справки: Первое применение «эссенского асфальта», изобретенного доктором Дамманом, относится к 1921 году. По своей конструкции эссенский асфальт относится к типам дегтевых и битумных покрытий, устраивается по способу смешения. «Эссенский мелкозернистый асфальт» представляет собою искусственную смесь из дробленного каменного известкового материала или доменного шлака размером менее 4 мм с незначительной добавкой мягкого битума или дегтя. Изготавливается «эссенский асфальт» горячим способом, укладывается на полотно в холодном виде, потому этот материал иногда называют холодным асфальтом. Конечно, срок службы таких взлетно-посадочных полос был непродолжительным и требовал практически постоянного, перманентного ремонта. К тому, в условиях войны каждый налет вражеской авиации на аэродром практически выводил его из строя. Поэтому шел постоянный ремонт и строительство новых взлетно-посадочных полос и аэродромов.

В сентябре 1943 года начальник 22-го Управления особого строительства (УОС), дислоцировавшегося на территории Тульской области, полковник Корнев и главный инженер 22 УОС инженер-полковник Кан представили в Тульский обком ВКП (б) докладную записку «*Основные данные о строительстве оборонительных рубежей на территории Тульской области 22 Управлением ОС и другими военными организациями за 1941, 1942 и 1943 годы*», составленную по сводным данным на 1 сентября 1943 года № 02219, под грифом «Секретно». В докладной записке указывалось, что работы велись по строительству: «1) *Пяти полевых оборонительных рубежей: а) Тульский основной, б) Тульский полуобвод, в) Тульское городское кольцо, г) Окский отсек, д) Калужский; 2) Укрепление обороны 7 городов: а) Тула, б) Сталиногорск, в) Епифань, г) Алексин, д) Каганович Тульский, е) Калуга, ж) Щекино*».

Из основных показателей по всем рубежам: по 22 УОС с 15 марта 1942 года по 01 сентября 1943 года: отработано — 7 682 000; по другим военным организациям: 2 700 000 так называемых человеко-дня» [5. Л. 1, 2, 34].

В изложенном выше виде, ранее материал был представлен в ряде публикаций [14. С. 109–118; 18].

Дальнейшее изучение темы представило новые данные как по количеству районов авиабазирования, их составу, так и по учету оперативных аэродромов при авиационном прикрытии Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это представлено, например, в исследовании ведущего корреспондента газеты «Тульские известия» Сергея Александровича Митрофанова «Тульские военные тайны» [11]. Им же установлены в Государственном архиве Тульской области имевшие гриф «совершенно секретно» уникальные материалы по теме исследования, с «*Краткой характеристикой на 17 оперативных аэродромов, построенных УАС НКВД по Тульской области по заданию комитета обороны*», и подписанное заместителем начальника УАС УНКВД по Тульской области главным инженером Барышевым А. Д., адресованные по машинописной распечатке адресатам: начальнику УНКВД, секретарю обкома партии, председателю облисполкома и четвертый экземпляр в дело УАС-а:

«Объект № 335 у станции Выползово Чернского района, построены 2 полосы, сделано 6 блиндажей, качество выполнения работ хорошее;

Объект № 1 (по заданию ВВС), у деревни Куруловка Ленинского района, построена 1 полоса, сделано 5 блиндажей, качество выполнения работ отличное;

Объект № 2 (по заданию ВВС), у деревни Шопино Калужского района, построено поле, качество выполнения работ хорошее;

Объект № 316 у хутора Пятницкое Дубенского района, построена 1 полоса сделано 6 блиндажей, качество выполнения работ хорошее;

Объект № 186-а (по заданию ВВС), у деревни Павшино Дубенского района, построена 1 полоса, сделано 4 блиндажа, качество выполнения работ отличное;

Объект № 371 у станции Малец Сталиногорского района, построена 1 полоса, сделано 8 блиндажа, качество выполнения работ удовлетворительное;

Объекты № 390-Валово, у Валово, построены 2 полосы, сделано 6 блиндажей, качество выполнения работ хорошее;

Объект № 356 у деревни Корекозово Перемышльского района, сделано поле, 4 блиндажа, качество выполнения работ отличное;

Объект № 274 у разъезда Желудьяки Веневского района, построена 1 полоса, сделано 4 блиндажа, качество выполнения работ хорошее;

Объект № 473 у деревни Хомяково Ленинского района, построены 2 полосы, сделано 4 блиндажа, качество выполнения работ хорошее;

Объект № 186 у деревни Житово Щекинского района, построена 1 полоса, сделано 4 блиндажа, качество выполнения работ отличное;

Объект № 305 у деревни Орешково Калужского района, построены 2 полосы, сделано 8 блиндажей, качество выполнения работ отличное;

Объект № 414 у деревни Барыково Тульского района, построены 2 полосы, сделано 5 блиндажей, качество выполнения работ отличное;

Объект № 3 (по заданию ВВС), у деревни Ретинка Щекинского района, построена 1 полоса, сделано 6 блиндажей, качество выполнения работ хорошее;

Объект № 4 (по заданию ВВС), Узловая Сталиногорского района, построены 3 полосы, сделан 1 блиндаж, качество выполнения работ удовлетворительное;

Объект № 5 (по заданию ВВС), станция Пахомово Заокского района, построены 2 полосы, сделаны 6 блиндажей, качество выполнения работ удовлетворительное» [7 а.Л. 2–3].

Следовательно, в июне-июле 1941 года в Тульской области, в административных границах того предвоенного и военного времени, функционировало 18 оперативных аэродромов. Это 62% из 29 построенных к этому времени в Европейской части РСФСР, силами НКВД СССР, и переданных в вооруженные силы страны — Наркомат обороны. Данное обстоятельство наглядно свидетельствует о том, какая роль отводилась Тульскому укрепрайону в период подготовки и в дальнейшем, при проведении боевых действий. Значимости Тульского укрепрайона способствовало и широко разветвленная сеть транспортных сообщений по области — железнодорожных, автомобильных, в том числе и рокадных, а также воздушных. Функционировали и проходили через Тулу различные виды связи с центром страны, а также и водное (речное) сообщение.

Придавалось важное значение строительству указанных объектов — оперативных аэродромов. Например, на 471-м объекте было в эксплуатации в период его строительства около 80 единиц грузовых автомобилей.

Объекты (оперативные аэродромы) функционировали:

№ 1 (по заданию ВВС), у деревни Куруловка Ленинского района,

№ 2 (по заданию ВВС), у деревни Шопино Калужского района,

№ 3 (по заданию ВВС), у деревни Ретинка Щекинского района,

№ 4 (по заданию ВВС), Узловая Сталиногорского района,

№ 5 (по заданию ВВС), станция Пахомово Заокского района,

№ 186 у деревни Житово Щекинского района,

№ 186-а (по заданию ВВС), у деревни Павшино Дубенского района,

№ 274 у разъезда Желудяки (Шелудяки) Веневского района,

№ 305 (под постоянный № 420) Калужский район у деревни Орешково,

№ 316 у хутора Пятницкое (села Воскресенское) Дубенского района,

№ 335 у станции Выползово Чернского района,

№ 356 село Каракозово (деревни Корокозово) Калужского района,

№ 371 у станции Малец Сталиногорского района,

№№ 390 и 390-а поселок Волово Воловского района,

№ 414 город Тула (деревни Барыково Тульского района),

№ 471 Тула, Волынцево,

№ 473 у деревни Хомяково Ленинского района.

Обеспечивали боевую деятельность Военно-воздушных сил Западного направления и прикрытие Тульского укрепрайона районы авиабазирования:

14-й (период вхождения в действующую армию 22.06.1941–09.05.1945),

15-й (период вхождения в действующую армию 22.06.1941–09.05.1945),

18-й (период вхождения в действующую армию 22.06.1941–9.05.1945),

20-й (период вхождения в действующую армию 22.06.1941–9.05.1945),

59-й (периоды вхождения в действующую армию 10.10.1941–28.10.1941 и 07.07.1942–09.05.1945), взаимодействовал в боевой деятельности с 6-й резервной авиагруппой, затем последовательно с 2-й и 17-й воздушными армиями и

71-й (периоды вхождения в действующую армию 08.11.1941–10.10.1942 и 02.04.1943–09.05.1945) [11. С. 67–71, 152–155].

Например, **71-й** район авиабазирования состоял из: 71-го отдельного батальона связи, 71-й отдельной роты связи, 271-го отдельного батальона оперативной связи, 171-го и 179-го отдельных автотранспортных

батальонов; 1-й, 53-й и 54-й техкоманд по уборке аварийных самолетов, 71-й отдельной трофейно-эвакуационной роты, 906-й отдельной зенитно-пулеметной роты, 71-го прачечного отряда, 71-го полевого военно-хозяйственного склада, последовательно 593-й, а затем 1293-й полевых касс Госбанка; 1500-й военно-почтовой станции.

Аналогичная структура была и в указанных выше районах авиабазирования. Уместно отметить, что в состав 14-го района авиабазирования входила 38-я военно-полевая станция, соответственно в 15-й — 103-я, в 18-й — 338-я, в 20-й — 370-я, а в 59-й — 1503-я [11. С. 67–71].

Представляют интерес выявленные в Государственном архиве Тульской области и опубликованные в работе Мирофанова С. А. два документа — решения исполнительного комитета Тульского областного совета депутатов трудящихся, носившие гриф «совершенно секретно»:

А) «№ 366/22 от 13 мая 1942 года. «Об отводе земельных участков под оперативные аэродромы». Рассмотрев ходатайство **20-го** района Авиац-ионного базирования, исполнительный комитет Тульского областного совета депутатов трудящихся решил: 1. Обязать Исполнительный комитет Калужского, Ленинского, Дубенского, Крапивенского, Дугненского и Перемышльского районных советов депутатов трудящихся до 16 мая 1942 года отвести в натуре ранее занимаемые оперативными аэродромами земельные участки в следующем размере:

<i>Наименование аэродромов и селений</i>	<i>Ориентировочная площадь в га</i>	<i>Административный район</i>
<i>Грабцево</i>	<i>150 га</i>	<i>Калужский</i>
<i>Алексеевка</i>	<i>100 га</i>	<i>Ленинский</i>
<i>Брыково</i>	<i>150 га</i>	<i>Ленинский</i>
<i>Рыдома</i>	<i>120 га</i>	<i>Ленинский</i>
<i>Павшино</i>	<i>100 га</i>	<i>Дубенский</i>
<i>Пятерное</i>	<i>100 га</i>	<i>Крапивенский</i>
<i>Коврово</i>	<i>100 га</i>	<i>Дугненский</i>
<i>Макарово</i>	<i>120 га</i>	<i>Дугненский</i>
<i>Кольцово</i>	<i>120 га</i>	<i>Дугненский</i>
<i>Жашково</i>	<i>120 га</i>	<i>Перемышльский</i> ».

Б) «№ 377/23 от 15 мая 1942 года. «Об отводе земельных участков под оперативные аэродромы». Рассмотрев ходатайство отдела аэродромной службы Управления ВВС Западного фронта от 10 мая 1942 года, исполнительный комитет Тульского областного совета депутатов трудящихся решил: 1. Обязать Исполнительный комитет Детчинского, Калужского, Бабынинского, Перемышльского, Черепетского, Щекинского, Одоевского районных и Сталиногорского городского советов депутатов трудящихся

отвести в натуре земельные участки под оперативные аэродромы в следующем размере:

Район базирования	Наименование аэродромов и селений	Ориентировочная площадь в га	Административный район
18.	Рябцево	70	Детчинский.
15.	Сляднево	70	Детчинский
15.	Шопино	120	Калужский
15.	Орешково	100	Калужский
15.	Кожухово	120	Калужский
15	Тырново — Бабынино	70	Бабынинский
14.	Григорьевский ³	150	Перемышльский
14.	Корекозово	70	Перемышльский
14.	Щекино	70	Щекинский
14.	Ретимки	70	Щекинский
14.	Одоево	120	Одоевский
14.	Ржавец — Песочный ⁴	120	Черепетский
14.	Говоренки	120	Черепетский
14.	Березово	120	Черепетский
14.	Гордиково	70	Черепетский
14.	Алексеевка	100	Белевский
14.	Болото	100	Белевский
14.	Сталиногорск южный	120	Сталиногорский
14.	Урванка	70	Сталиногорский
14.	Бобрин-Донской	170	Донской».

В указанных управленческих решениях как обязательная составляющая предписывались и организационные мероприятия по обеспечению выполнения решений [11. С. 152–154].

Как отмечалось выше, силами местного населения, а это женщины, дети и старцы обоего пола, постоянно оказывалась помощь. Например, 28 сентября 1942 года принятым постановлением объединенного заседания Калужского районного комитета ВКП (б) и исполнительного комитета районного совета депутатов трудящихся о выделении 400 человек 256-му батальону аэродромного обслуживания (БАО, из состава 20-го района авиационного базирования — авт.) для очистки летных

³ Ошибка источника; правильно «Григорьевское», ныне Григоровское — прим. ред.

⁴ Здесь и далее — ошибка источника; правильно «Песоченский» — прим. ред.

полей, из селений Кожуховского, Горбенского и Староскасово Л. Толстовского⁵ сельсовета [11. С. 74,75].

К лету 1942 года ситуация изменилась и авиационное прикрытие Тульского укрепрайона обеспечивали в этом и последующем году 54 объекта — оперативных аэродрома, по районам области:

Бабынинский (Тырново — Бабынино);

Белевский (Болото, Алексеевка);

Веневский (у разъезда Шелудяки или Желудяки);

Воловский (два объекта пос. Волово);

Детчинский (Сляднево, Рябцево);

Донской (Бобрик — Донской);

Дубенский (Павшино; у хутора Пятницкое — села Воскресенского);

Дугненский (Курово, Коврово, Макарово, Кольцово);

Ефремовский (Ефремов, Круглики);

Заокский (Пахомово по заданию ВВС);

Калужский (Кожухово, Павшино, Грабцево, Орешково, и Шопино по заданию ВВС);

Каменский (Гнилуши);

Крапивенский (Пятерное);

Ленинский (Рыдово, Брыковка (Брыково), Алексеевка, Хомяково, и у деревни Куруловка по заданию ВВС);

Одоевский (Одоев);

Перемышльский (Голоцкое⁶, Григорьевское, Жашково, Корекозово);

Сафоновский (Степной хутор);

Сталиногорский (Урванка, Сталиногорск южный, Маклец, и Узловая по заданию ВВС);

Тульский (Хомяково, Волынцево, Мясново, Барыково);

Черепетский (Красномихайловка, Говоренки, Березово, Гордиково, Ржавец — Песочный);

Чернский (Выползово, Орлики);

Щекинский (Щекино, Житово, и Ретинка по заданию ВВС) [6. Л. 93–94; 11. С. 152–154].

Для справки: На форуме Тульских краеведов, поисковиков представлена информация о том, что в Крапивенском районе у Пятерное (ныне Дубенский район) в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. был аэродром [21].

Приложением № 2 к приказу МВД России от 27 декабря 2001 года определен перечень подразделений НКВД, находившихся в составе дей-

---

⁵ Ошибка источника, правильно «Староскаковское», Льва Толстовского сельсовета — прим ред.

⁶ Устаревшее написание, в настоящее время «Голодское» — прим. ред.

ствующей армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. «Формирования милиции. По Тульской области.

По городу Калуге. Штаб МПВО города — пункта Калуга, период нахождения в действующей армии с 18 августа 1942 года по 6 января 1944 года.

По городу Туле. Штаб МПВО Зареченского района города Тулы, период нахождения в действующей армии с 02 августа 1941 года по 01 апреля 1943 года». (Иных подразделений МПВО НКВД СССР по Тульской области в действующий армии в период войны не значится — *авт.*) [1].

В марте 1942 года французский национальный освободительный комитет «Сражающаяся Франция» обратился к властям Советского Союза с предложением направить в СССР группу французских летчиков и авиационных механиков для участия в боевых действиях против фашистской Германии. 25 ноября 1942 года было подписано советско-французское соглашение о формировании на территории СССР французской авиационной эскадрильи. По просьбе личного состава военному соединению было присвоено наименование «Нормандия». Участие в действующей армии авиаполка «Нормандия — Неман»: 06 июля 1943 года — 31 декабря 1943 года. 25 мая 1944 года — 09 мая 1945 года. На аэродроме Клоково Тульского аэроузла базировалась легендарная французская эскадрилья «Нормандия — Неман»⁷.

Личный состав эскадрильи состоял из 72 французских добровольцев: 14 летчиков и 58 авиамехаников. За время боевых действий на советско-германском фронте Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. французские летчики совершили 5 240 боевых вылетов, провели около 900 воздушных боев, одержали 273 победы [17. С. 268].

На территории аэродрома Клоково (Тула), где до декабря 2009 года дислоцировался Отдельный вертолетный полк № 490 ВВС МВО МО РФ, в административном здании — Центре управления полетами (ЦУП) — установлена памятная плита из гранита, на которой указано: в 1943–1944 годы в этом здании размещался французский авиационный полк противовоздушной обороны «НОРМАНДИЯ — НЕМАН», летчики которого, выполняя свой интернациональный долг, сражались в дни Великой Отечественной войны со всем советским народом против фашистских захватчиков. Аналогичная, памятная плита из гранита уста-

---

⁷ Таким образом, первоначально «Нормандией» именовалась истребительная авиаэскадрилья, затем — полк, затем этот же полк получил наименование «Нормандия — Неман». В качестве мест базирования, наряду с указанным Клоково, известны аэродромы на территории Калужской области (Муковнино, Хатенки) — *прим. ред.*

новлена и на здании бывшего Дома офицеров тульского гарнизона — Тула, проспект Ленина, 42.

В 1945 году на основании директивы Генерального штаба Красной Армии началось формирование 1-й Французской смешанной авиационной дивизии. Помимо «Нормандии — Неман» в ее состав планировалось ввести 2-й бомбардировочный авиационный полк «Бретань» и 3-й истребительный авиаполк «Париж». Авиаполк «Бретань» в марте 1945 года был укомплектован французским экипажем и советским инженерно-техническим составом. Полк базировался в Туле на аэродроме Клоково Московского военного округа. В марте месяце 1945 года в Управление кадров ВВС НКО СССР был вызван капитан Гармаев Санга Гармаевич (8 марта 1914 года — 05 мая 1983 года) и направлен на выполнение специального задания командования ВВС НКО СССР, на должность заместителя командира 2-го бомбардировочного авиационного полка «БРЕТАНЬ» 1-й авиационной дивизии, с задачей подготовить французских летчиков для полетов на советских пикирующих бомбардировщиках Пе-2. Работу по установлению истины по данному эпизоду провел писатель В. В. Анিকেев.

Список сокращений

1 ф. — первое формирование.

ГКО — Государственный Комитет Обороны

ГУАС — главное управление аэродромного строительства

ГУШОСДОР — главное управление шоссейных дорог

ИТК — исправительно-трудовая колония

ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь

НКВД — народный комиссариат внутренних дел

НКСПТП — народный комиссариат строительства предприятий тяжёлой промышленности

ПФЛ — проверочно-фильтрационный лагерь

СУ — строительное управление

УАС — управление аэродромного строительства

УОС — управление особого строительства

УНКВД — управление народного комиссариата внутренних дел

Источники и литература

1. Архивная выписка из приказа МВД РФ от 27 декабря 2001 года № 1156 дсп. «Об объявлении перечней управлений, соединений, войсковых частей, подразделений и учреждений войск НКВД, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». УМВД России по Тульской области. Отдел архивной информации. № 20/3137 от 24 октября 2012 года. Основание: Фонд № 59, оп. 1, д. 872.

2. Битва под Москвой: Хроника. Факты. Люди. В 2-х кн. / В. А. Жилин, В. А. Греджев, М. А. Сапрыкин и др. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001. (Архив). Кн. 2: Московская наступательная операция, 5 декабря 1941–20 апреля 1942 года. 2001.— 1021 с.: ил., фото.

3. Государственный архив Тульской области. Ф. 177. Оп. 6. Д. 55.
4. Государственный архив Тульской области. Ф. 177. Оп. 8. Д. 45.
5. Государственный архив Тульской области. Ф. 177. Оп. 8. Д. 52-а.
6. Государственный архив Тульской области. Ф. 177. Оп. 8. Д. 74.
7. Государственный архив Тульской области. Ф. 177. Оп. 8. Д. 79
- 7а. Государственный архив Тульской области. Ф. 3039. Оп. 1. Д. 13.
8. *Кожевников М.Н.* Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — М.: Наука, 1985. — 288 с.
9. Красная Армия в самой крупной битве истории: справочник о воинских формированиях, участвовавших в Московской битве (30 сентября 1941 года — 20 апреля 1942 года)/Правительство Москвы, Комитет по культуре г. Москвы, Государственный музей обороны Москвы. Сост. В. П. Филатов, Е. Н. Грищенко. — М.: Воениздат, 2007. — 232 с.: ил., табл.
10. *Массалитина Г.А., Коваленко А.С.* Памятные места военной истории; Коваленко А.С. Воинские захоронения и памятники // Памятники истории и культуры национального парка «Угра» / Под ред. В.П. Новикова, Т.А. Гордеевой. — Калуга: НП «Угра», ИЦ «Постскриптум», 2007. — 186 с., ил.: 16 с., вкл.: 3 с.
11. *Митрофанов С.А.* Тульские военные тайны. — Тула, 2014. — 320 с.: ил.
12. *Невзоров Б.И.* Московская битва и крупнейшие сражения XX века. Роль, место, значение // Битва, изменившая ход войны: материалы научной конференции/Редкол.: А.С. Лукичева, В.П. Филатов, А.В. Вяткин. — М.: Военное издательство, 2007. — 128 с.: табл.
13. Перечни наименований объединений, соединений и других формирований Вооруженных Сил, народного ополчения, гражданских ведомств СССР и иностранных формирований, участвовавших в Великой Отечественной и советско-японской войнах 1941–1945 гг. Справочник / Авторский коллектив под рук. В. Т. Елисеева, В. А. Семидетко. — М.: Редакционно-издательский центр МО РФ, 2005. — 264 с.
14. *Покасов В.П., Рябцев А.С.* О некоторых страницах создания авиационного прикрытия Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Героическая оборона Тулы — составная часть битвы за Москву: Материалы научно-практической конференции/Ред. коллегия: Боть В.И., Родович Ю.В., Дранишников А.А., Курмаев Ю.М. — Тула: Изд. Тульского государственного университета, 2011. — 300 с.
15. *Сидоров И.Н.* Применение воздушных десантов во фронтовых наступательных операциях в годы Великой Отечественной войны // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию битвы под Москвой, освобождению Михайлова от немецко-фашистских захватчиков и выходу итогового тома Рязанской областной Книги Памяти 6–7 декабря 2006 года: сб. ст./Отв. ред. П.В. Акульшин. — Рязань: Изд. Рязанская областная типография, 2007. — 328 с.
16. *Снимщиков Е.Б.* Вяземская воздушно-десантная операция // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию битвы под Москвой, освобождению Михайлова от немецко-фашистских захватчиков и выходу итогового тома Рязанской областной Книги Памяти 6–7 декабря 2006 года: сб. ст./Отв. ред. П.В. Акульшин. — Рязань: Изд. Рязанская областная типография, 2007. — 328 с.
17. *Чуднов Г.М.* История Тульского края. — Тула: «Пересвет», 2000. — 319 с., ил.
18. <http://www.kozelskycyclopedia.ru/2011-04-16-04-42-42/265-o-nekotoryh-stranizah-prikrytiya-tuly> Покасов В.П., Рябцев А.С. О некоторых страницах создания авиационного прикрытия Тульского укрепрайона в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

19. [20. \[21. <http://www.tulahistory.com/viewtopic.php?f=19&p=134515>. Re: «Подземная авиация-2».\]\(http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960/Составитель М.Б. Смирнов. Авторы вступительных и справочных статей: М. Джекобсон, А.И. Кокурин, С.В. Кривенко, С.П. Сигачев, М.Б. Смирнов, С.Г. Филиппов, Д.В. Шкапов. Научные редакторы: Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. — М.: «Звенья», 1988. — 600 с.</p></div><div data-bbox=\)](http://www.memo.ru/history/NKVD/kto/Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник/Общество «Мемориал», Российский государственный архив социально-политической истории. Государственный архив Российской Федерации. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. — М.: Звенья. 1999. — 504 с.</p></div><div data-bbox=)

Приложение

Предмет для исследования (<http://гарф-архив.рф.383>):

Государственный архив Российской Федерации. Фонд: Р-8437 (7 описей, 1616 единиц хранения) — ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ АЭРОДРОМНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (ГУАС) НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР. 1941–1946. Образовано по приказу НКВД СССР от 27 марта 1941 г. на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 24 марта 1941 г. На ГУАС НКВД СССР было возложено строительство аэродромов преимущественно для Наркомата Оборона СССР. Местными органами ГУАС являлись Управления аэродромного строительства НКВД союзных и автономных республик, краев и областей. При сокращении аэродромного строительства с 1943 г. ГУАС и подчиненные ему организации выполняли работы по восстановлению и строительству промышленных объектов, преимущественно нефтяной и газовой промышленности, строительству культурно-бытовых объектов и жилья в различных районах страны. Постановлением СНК СССР от 28 января 1946 г. ГУАС передано в ведение Народного Комиссариата по строительству предприятий топливной промышленности СССР.

Оп. 1, 509 ед. хр., 1941–1946.

Положение о работе отделов ГУАС НКВД СССР (1942). Переписка с НКВД СССР, Главным управлением Военно-воздушных сил Красной Армии и другими учреждениями о строительстве аэродромов (1941–1944). Дислокации и списки аэродромов (1941–1945). Годовые отчеты управлений аэродромного строительства НКВД союзных и автономных республик, краев и областей (1941–1944), 1–8-го и 10-го строительных управлений (1943–1946), Управление строительства газопровода Саратов-Москва (1944–1946), Северо-Западного управления (1944–1945). Заключения Центральной бухгалтерии и отделов ГУАС по утверждению годовых отчетов подведомственных организаций (1941–1945). Производственные и ликвидационные отчеты строительных объектов (1941–1944).

Оп. 1 а, 149 ед. хр., 1941–1946.

Приказы по ГУАС (1941–1946). Доклады на имя Наркома внутренних дел и его заместителей по аэродромному строительству (1941). Технические документы по строительству аэродромов (1942). Акты документальных ревизий местных Управлений аэродромного строительства и строительных объектов (1941–1942). Годовые и ликвидационные отчеты строительных объектов (1941–1945). Реестры ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками объектам ГУАС (1944–1946).

Оп. 2, 205 ед. хр., 1941–1946.

Сметно-финансовые расчеты по строительству и восстановлению аэродромов и других объектов (1941–1945). Акты сдачи объектов в эксплуатацию (1942–1945). Альбом генеральных планов аэродромов, восстановленных и достроенных Северо-Западным управлением ГУАС (декабрь 1944).

Оп. 2а, 542 ед. хр., 1941–1946.

Типовой проект аэродрома (1941). Чертежи, планы, технические проекты аэродромов, заводов и других объектов (1941–1944). Сметно-финансовые расчеты по строительству аэродромов и других объектов (1941–1945). Акты сдачи объектов в эксплуатацию (1942–1946).

Оп. 3, 33 ед. хр., 1941–1946.

Постановления и распоряжения СНК СССР (1943–1945, копии). Приказы и распоряжения ГУАС (1941–1945). Годовые финансовые отчеты подразделений ГУАС (1942–1945). Вступительные балансы строительных управлений (1945).

Оп. 4, 12 ед. хр., 1941–1944.

Штатные расписания ГУАС и его периферийных органов (1941–1944).

Оп. 4 а, 166 ед. хр., 1941–1946.

Приказы ГУАС по личному составу (1941–1946). Штатные расписания центрального аппарата ГУАС (1944–1945). Лицевые счета сотрудников центрального аппарата ГУАС (1941–1946). Штатные расстановки подразделений ГУАС (1945). Списки и личные дела сотрудников подразделений ГУАС (1941–1946).

Как «неожиданно» был взят Юхнов (боевые действия на подступах к Юхнову 2–5 октября 1941 года)

Грин Г.Я.

Центральный музей Великой Отечественной
войны 1941–45 гг., г. Москва

О времени захвата войсками Вермахта г. Юхнова в ходе операции «Тайфун» существует две версии. Первая — это версия члена Военного совета Московского военного округа (МВО) К.Ф. Телегина и начальника ВВС МВО Н.А. Сбытова, состоящая в том, что передовые части Вермахта утром 5 октября большой колонной еще только подходили к Юхнову, что было обнаружено совершенно случайно летчиками Сбытова — истребителями 120-го иап Серовым и Дружковым на расстоянии 20 км от города. Ставка, по их версии, об этих действиях противника ничего не знала, поскольку в оперсводках Генштаба ничего опасного не усматривала, и ничего не предпринимала до середины дня. А к вечеру 5 октября передовые части немцев уже были в городе. Эта версия в настоящее время считается единственной. Она перепечатывается регулярно из издания в издание, особенно в книгах Д.В. и Д.Д. Панковых [5] по истории боев подольских курсантов и многих других публикациях, ссылающихся на их сведения.

Вторая версия гораздо менее известна. Это версия непосредственного участника обороны Юхнова — начальника парашютно-десантной службы Западного фронта Ивана Георгиевича Старчака [9, 22], который в те дни находился на своей учебно-тренировочной базе в районе Юхнова и по собственной инициативе с утра 4 октября первым организовал оборону западнее Юхнова и со своим отрядом держал ее в течение всего дня. Перед рассветом 5 октября в 3 км восточнее Юхнова его отряд уже вступил в бой с немецкими мотоциклистами на мосту

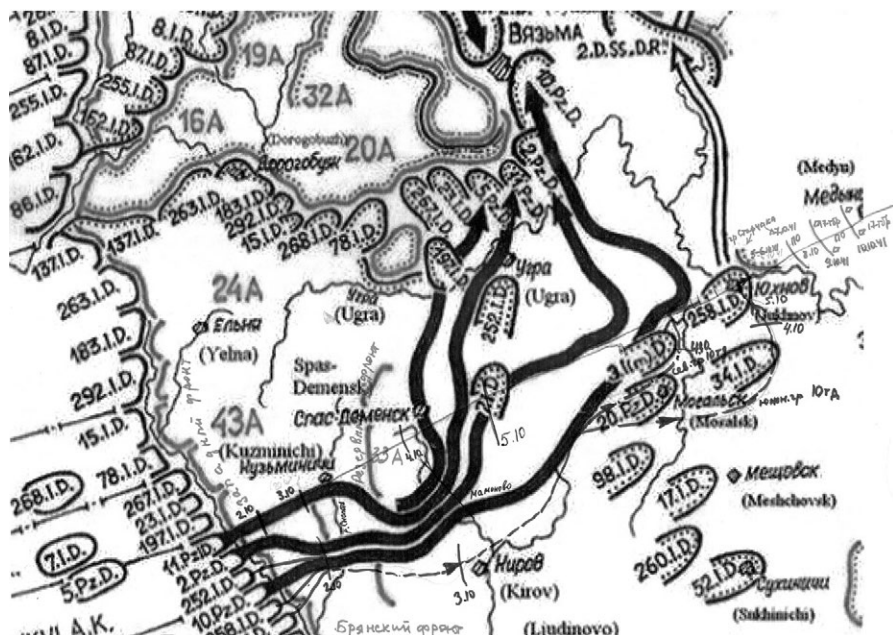

Рис. 1. Наступление немецких войск на юхновско-вяземском направлении. Октябрь 1941 г.

через р. Угру. У Ивана Георгиевича Старчака было гораздо меньше возможностей публикаций в широкой прессе, к тому же его версия событий мешала растиражированному после войны героическому имиджу других бывших участников событий, видевших себя единственными защитниками Москвы.

Уточнение времени взятия Юхнова немцами и знание реальных событий, происходивших в городе, не столь важно для изучения истории боев в Вяземском котле, но существенно для изучения боев на Варшавском шоссе от Юхнова до р. Нары (рис. 1 [10 а. Рубежи продвижения врага с датами и южный маршрут добавлены мной — Г.Г.]). Рассмотрим, какими независимыми источниками подтверждаются или опровергаются обе эти версии.

Версия Телегина — Сбытова

Член Военного совета штаба МВО генерал-лейтенант К. Ф. Телегин в своих мемуарах описывал обстановку, предшествующую взятию Юхнова немецкими войсками, как достаточно спокойную и не внушающую особых опасений: «2–4 октября никаких тревожных вестей с Западного фронта не поступало, и все внимание штаба округа и оперативной группы Можайской линии обороны было сосредоточено на обеспечении

тульского направления. Правда, 3 октября наша проводная связь со штабом Западного фронта прервалась, что мы объясняли действиями авиации противника. Военный совет два-три раза в сутки получал информацию о положении на фронтах от оперативного и разведывательного управлений Генерального штаба, но ни 3, ни 4 октября ничего особо тревожного в сообщениях не было...» [6].

На рассвете 5 октября 1941 г. на Варшавском шоссе летчиками 6-го истребительного авиакорпуса ПВО МВО на подходе к Юхнову случайно была обнаружена большая немецкая колонна техники. В разных источниках указывается разное расстояние от Юхнова: от 20 до 50 км. Командующий ВВС МВО Сбытов доложил Телегину об этом в 7.00, но тот, вместо доклада в вышестоящие штабы, долго пытался узнать что-либо у начальника Генштаба (ГШ) Б. М. Шапошникова. Тот неизменно сообщал, что ничего нового не произошло. Сведения неоднократно проверяли в течение дня, теряя драгоценное время. Только к 14.00 в Ставку было доложено о подходе немецких частей к Юхнову, что стало неожиданностью для Ставки. Вот как выглядит эта история с точки зрения Н. А. Сбытова:

«На рассвете 5 октября воздушные разведчики первыми обнаружили прорыв немецко-фашистских танковых и моторизованных соединений из района Рославля в направлении на Юхнов. Оседлав Варшавское шоссе, фашистские танки и бронемашины быстро продвигались к рубежу реки Угры. Стоял ясный, солнечный день. Фашисты двумя колоннами спешили на восток. Их замысел был понятен: внезапно выйти к Москве, отрезать наши наземные войска, прикрывавшие главное направление Смоленск-Москва, посеять панику и захватить столицу врасплох. Положение создалось критическое. До Москвы оставалось лишь 200 километров.

Мы немедленно доложили обстановку Военному совету Московского военного округа. Военный совет принял совершенно правильное решение: немедленно бить фашистов всеми имеющимися силами. Было решено бросить всю авиацию на уничтожение фашистских колонн, а на рубеж реки Угры, к Юхнову, выдвинуть последний наземный резерв — курсантские батальоны.

Однако во все эти мероприятия вмешались приспешники Берия, которые объявили наши действия провокационными. Более того, были отменены все мои приказания о нанесении авиацией ударов по прорвавшимся немецко-фашистским колоннам.

Фашисты уже подходили к Юхнову. В 14 часов 5 октября меня вызвали к начальнику контрразведки Абакумову.

— Откуда вы взяли, что к Юхнову идут немцы?

— Воздушная разведка не только обнаружила, но и несколько раз подтвердила, что движутся фашистские танки и мотопехота.

Мне не поверили. Тогда я попросил вызвать для подтверждения одного из командиров авиационных соединений. Однако вызванный командир

не проявил мужества и заявил, что ничего не знает. Я попросил вызвать начальника штаба полковника И.И. Комарова. Он привез журнал боевых донесений. Но этого оказалось мало. От меня потребовали предъявить сделанные разведчиками фотоснимки.

Отвечаю:

— Это были истребители, они без фотоаппаратов. Да этого и не нужно. Они летали на высоте 200–300 метров и все отлично видели. Нашим летчикам нельзя не доверять.

Меня пытались сбить, заставить отказаться от того, что сведения, добытые разведкой, правильны, признать, что, мол, никакого противника под Юхновом нет.

Наконец допрос закончился, и мне предложили ехать.

Вернувшись в штаб, я пытался установить связь с Верховным главнокомандованием, но ничего не получилось. Около 16 часов я обратился к командующему войсками округа генералу П.А. Артемьеву. Мы связались с заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом А.М. Василевским, который подтвердил, что летчики не могли принять наши танки за фашистские, так как такого количества танков в районе Юхнова у нас нет. А.М. Василевский рекомендовал послать курсантов училищ для занятия обороны в Можайском и Малоярославецком укрепленных районах. Таким образом, выполнение приказа о выдвижении курсантов на рубежи обороны началось с опозданием на восемь часов.

Около 19 часов того же дня на командный пункт авиагруппы приехал уполномоченный контрразведки с протоколом моего допроса и потребовал его подписать. Я написал на протоколе: «Последней разведкой установлено, что фашистские танки находятся уже в районе Юхнова и к исходу 5 октября город будет ими занят» — и подписал его.

Во всю эту историю очень быстро внесли ясность местные коммунисты и посты ПВО, которые сообщили в Москву о том, что в ночь на 6 октября гитлеровцы овладели Юхновом. Шестого октября перед рассветом нам сказали:

— Ваша разведка была права. Это фашисты. Делайте что хотите, но противника восточнее реки Угры не должно быть» [1. С. 398–410].

Сведения о приближении к Юхнову немецких колонн во второй половине дня подтвердили и другие летчики из 6-го авиакорпуса МВО (командиром которого был упомянутый в воспоминаниях Сбытова полковник Климов). В 14.15 ст. лейтенант Завгородний из 10-го иап сообщил, что 30–40 танков и столько же автомашин находятся в районе аэродромов Климово и Знаменка (более 20 и 50 км северо-западнее Юхнова). В 16 часов 30 минут военком ВВС МВО Лакишев сообщил, что по сведениям последней разведки в лесу южнее и юго-западнее Юхнова обнаружено скопление танков противника, улицы Юхнова забиты

танками и автомашинами, которые прикрываются сильным зенитным огнем. Всего за 2 часа до этого был отдан приказ подольским училищам собраться и выступить к фронту на Малоярославец и Юхнов. В 17.00 начал выдвигание их передовой отряд...

В 17.45 командир 564-го иап капитан И. В. Щербаков, лично вылетавший на самолете У-2, сообщил: *«Наблюдал колонну противника. Голова — Юхнов, хвост — 20 км юго-западнее Юхнова. В районе аэродрома Юхнов был обстрелян зенитной артиллерией...»*.

Версию о занятии Юхнова только к вечеру 5 октября 1941 г. К. Ф. Телегин подтверждает протоколами своих телефонных переговоров, содержащихся в делах фонда Московской зоны обороны (МЗО) ЦАМО РФ [16. Л. 44–55]. Но при их изучении обнаружилось, что это более поздняя перепечатка разрозненных записей, в которых проставлено время, но не проставлена дата. По их содержанию видно, что переговоры, поставленные рядом, на самом деле переписаны бессистемно с 5 по 8 и даже за 12 октября 1941 г. К чести К. Ф. Телегина, он в деле МЗО сделал приписку, что оригиналы записей находятся в фонде 5 ЦАМО РФ, но этот фонд пока недоступен для исследователей (автору настоящей статьи было отказано в доступе к этому фонду). Вероятно, ошибка при перепечатке разрозненных листов в единый документ стала причиной того, что хронология событий 5 октября впоследствии была сбита практически во всех официальных источниках, т. к. их первоисточником послужили воспоминания К. Ф. Телегина.

По сведениям К. Ф. Телегина, опубликованным во множестве источников, *«ничего нового и серьезного»* в сводках ГШ утром 5 октября не было. Действительно, новых сведений в ГШ не получили, потому что 4 октября связь с Западным и Резервным фронтами была нарушена (К. Ф. Телегин иногда указывает дату нарушения связи — 3 октября, но документы подтверждают лишь дату 4 октября — Г.Г.), но все предыдущие сводки, начиная с 1 октября, были крайне тревожными и требовали немедленного вмешательства Ставки как минимум для координации действий фронтов. Это можно проследить по документам Резервного, Западного фронтов и сводок самого ГШ с 1 по 5 октября 1941 г., с которыми К. Ф. Телегин, по его собственным воспоминаниям, был своевременно ознакомлен.

События на юхновском направлении 2–5 октября 1941 г. в документах Генштаба, Резервного и Западного фронтов

В разведсводке штаба Резервного фронта, отправленной еще до начала операции «Тайфун» — в 6.00 1 октября, прямо указывалось, что немцы концентрируют свои силы на Варшавском шоссе, готовясь к наступлению:

«... На Рославльском направлении ... противник продолжает сосредотачивать в районы севернее и южнее Рославль пехоту, танки и конницу, видимо подготавливают наступление в общем направлении на Спас-Деменск» [12. Л. 1].

Перед рассветом 2 октября механизированные части немцев располагались в 150 км от Юхнова на исходных позициях в 10 км юго-западнее р. Десны в лесном массиве в районе Утоки между Рославлем и Екимовичами. Наши части располагались так: 53-я стрелковая дивизия (сд) 43-й армии Западного фронта занимала оборону Варшавского шоссе и севернее его, а южнее шоссе — 149-я сд.

Во втором эшелоне советской обороны стояли дивизии народного ополчения Резервного фронта. На Варшавском шоссе и южнее его стояла 17-я сд 33-й армии. Именно в этот день с места предыдущей дислокации с фронта убывала 18-я сд. Ранее (с 30 сентября) отсюда же убывли 113-я и 193-я сд Резервного фронта. Также с линии обороны выводилась вся 49-я армия, направляемая под Орел. Освободившиеся позиции занимали, растягиваясь, части Резервного фронта. Полоса обороны одной дивизии доходила до 25–30 км, вместо положенных 7–15 км. Следовало ожидать, что если оборона, выстроенная тонкой линией всего в 2 эшелона, уже прорвана, то за ней на десятки километров немцы смогут двигаться практически беспрепятственно.

Начав наступление при поддержке авиации, немецкая пехота имела перевес над советскими дивизиями первого эшелона в 5–6 раз в живой силе, 8–10 раз в танках и артиллерии. Всего было 10 пехотных, 5 танковых и 2 моторизованные дивизии. Артподготовка перед началом немецкого наступления, велась 35 минут по разведанным ранее целям, после чего артиллерия работала только «по вызову» продвигавшихся в атакующих колоннах передовых артакорректировщиков. Главный удар прошел по стыку между Резервным и Брянским фронтом в 20–25 км южнее Варшавского шоссе. Весь танковый клин 4-й полевой армии немцев почти беспрепятственно вошел в Резервный фронт в одном месте. Рано утром 2 октября в 10-километровом коридоре от Дровенево до Фроловки через Десну было организовано несколько переправ (7–17 км южнее Варшавского шоссе). По этим переправам были быстро пропущены все пять танковых дивизий (19-я, 10-я, 11-я, 2-я, 5-я тд) и позже 20-я тд, а также сопровождающие их пехотные колонны (34-я, 17-я, 260-я, 258-я, 252-я пд). Единственная советская дивизия, стоявшая в первом эшелоне на пути этого клина — 149-я сд — была прижата к земле 45-ю пикирующими бомбардировщиками и оказать сопротивление не смогла. В 15.00 колонна в 100 танков заняла район Липчаты — Мамоновка, по направлению на Бетлицу и Киров. Немецкой пехотой были захвачены железнодорожные мосты юго-восточнее Буда через реку Снопоть.

Командующий Резервным фронтом С. М. Буденный направил начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову донесение о прорыве противником обороны в полосе 43-й армии силами 6–7 пехотных дивизий с танками (о том, что танков было целых 5 дивизий, он умолчал, возможно, и сам не знал точной численности). Эти сведения вошли и в сводку Генштаба, составленную к 20.00 02.10.41. Число пехотных дивизий в этой сводке Генштабом было еще преуменьшено — с 5-ти до 2-х, а вместо 5 танковых дивизий были указаны 2 танковых батальона на Варшавском шоссе и 100 танков на направлении главного удара южнее шоссе:

«...Войска Резервного фронта. На правом фланге в положении войск изменений не произошло, на левом фланге частей вели бои с перешедшим в наступление противником.

43-я армия. Противник в Об.152.10 на всем фронте армии открыл ураганный артминометный огонь и перешел в наступление.

На участке 53 сд ... противник до двух пд с двумя танковыми батальонами (здесь и далее подчеркнуто автором — Г.Г.) наносит главный удар южнее Варшавского шоссе в направлении Дровенево, Даниловичи, Дмитриевка. В 14.30 2.10.41 группа противника в 100 танков прорвалась в направлении Липчаты, Мамоновка» [11. Л. 29–36].

К исходу дня 2 октября южнее шоссе фронт продвинулся на 20–25 км на восток, а по Варшавскому шоссе к 14.00 немецкая пехота продвинулись всего на 4–6 км. Главной целью фашистов было не прямое наступление на Москву, а сначала — изоляция основных сил Красной Армии (Западного и Резервного фронтов) путём создания Вяземского котла, а уже затем — наступление на Москву. Быстрым прорывом на Бетлицу-Киров немцы начали создавать южную линию окружения будущего Вяземского котла.

Ждать врага у Юхнова можно было в любой момент уже с 3 октября, тем более — зная, что за 1–2 дня он может продвинуться на 120 км, как это случилось накануне под Орлом. От места прорыва Резервного фронта на Варшавском шоссе в районе Екимовичи до Юхнова было 150 км.

Пока наша Ставка не отреагировала, противник в течение всего дня 2 октября вел активную авиаразведку расположения частей нашей армии. Командование немецкой 10-й тд, возглавляющей наступающие колонны, решило использовать полнолуние и, не ввязываясь в бои, продолжать движение всю ночь со 2 на 3 октября. Движение на Мосальск, находившийся в 75 километрах в советском тылу, создавало возможности для дальнейшего стратегического окружения основных сил Красной армии. Два мотопехотных полка начали продвигаться на Мосальск параллельными маршрутами.

Оперсводка ГШ Красной Армии № 207, составленная на 08.00 3 октября 1941 г., сообщала:

«6. Войска Резервного фронта производили перегруппировку войск и вели упорные бои с наступающими частями противника на фронте 43-й армии.

На фронте 24-й армии противник в течение 2.10 вел методический огонь по расположению наших войск.

139 сд сменила части 303 сд. 303 сд сосредоточивается в районе пос. Ивановка, Мутище, Задний Починок. 144 тбр переходит в район Уварово, Митрофановка, Еремейцево.

43-я армия под давлением противника силою не менее семи пд, одной мд и одной тд оставила вост. берег р. Десна и к исходу дня 2.10 вела бой на рубеже: 222 сд — (иск.) Передельники, Шатькова, Чеботаревка; все попытки противника продвинуться на восток от этого рубежа были отражены...

53 сд — Стар. Присмара, Волковка, Денисовка. Ее левый фланг южнее Варшавского шоссе расстроен прорвавшимся противником; части противника неустановленной численности вышли в район Амишарово, Поняты.

К 17.00 мотопехота и танки противника вышли на рубеж Осиновка 1-я, Забудская и оттеснили на сев.-восток 568 сп 149 сд. К исходу дня противник овладел Суборово, Теребивля, Дубровка, Мокрое. По непроверенным данным 60 танков противника заняли ст. Бетлица.

149 сд при попытке около 15.00 2.10 перейти в контратаку в направлении Даниловичи подверглась воздействию сильной группы авиации противника и к исходу дня сосредоточилась в районе Ивановка, Нов. Заболовка, Буровцы.

148 тбр сосредоточилась в районе Гурята, Крутой Холм для совместной атаки с частями 149 сд...» [11. Л. 37–47].

В оперсводках Резервного фронта № 135 [13. Л. 183–185] и № 136 [13. Л. 186–188], составленных на 6.00 и 18.00 3.10.41, указано, что всю ночь на 3 октября и в течение дня части 33-й и 43-й армии не прекращали бои по всему фронту, противник же продолжал наступление также по всему фронту. Днем части 43-й армии отходили на новый оборонительный рубеж. Главный удар противника теперь был направлен на наш второй эшелон — части Резервного фронта — бывшие дивизии народного ополчения г. Москвы и Московской области, которые одновременно и продолжали начатую накануне перегруппировку войск, и уже вступили в упорные бои с противником, прорвавшимся вдоль Варшавского шоссе. «...53 сд, оказывая сопротивление наступающему противнику, в 17.00 3.10 отошла на вост. берег р. Шуйца и занимает: 12 сп — участок Утешково, иск. Варнаки; 475 сп — Варнаки — Гарь, 223 сп — сосредоточен в районе Выгорь. Боевой состав полков дивизии не превышает 150 чел. в каждом. Противник продолжает развивать наступление, нанося главный удар вдоль Варшавского шоссе в направлении Дулево, Суворово, Латыши.

149 сд вела бои на р. Шуйца, отошла на р. Снопоть и занимают: 744 сп — Кузьминичи — Селихово, батальон 568 сп — Жерелево. Местонахождение 2-х остальных батальонов 568 сп не установлено; 472 сп — в районе Починок, Черетли. Штадив — Луговая Буда...» [13. Л. 186–188].

Оперсводка ГШ № 208 [1. Л. 48–57], составленная к 20.00 3.10.41, сообщала, что 43-я армия к исходу второго дня продолжала вести упорные бои с наступающими частями противника. Противник силой до двух пехотных полков с 15–20 танками к 14.30 по Варшавскому шоссе прорвался в район Барсуки, Бабичи, Зубово и к утру 3 октября до 100 танков вышли в район Крапивна, Скоробовка (20 км от начала прорыва).

В телеграфных переговорах 3 октября штабов 33-й армии и Резервного фронта сообщалось, что обстановка в полосе 33-й армии чрезвычайная: «1. Разведкой 12.30 3.10.41 установлено, что аэродром у Мамоново 0676 захвачен противником, группой до 12 танков. Танковая группа противника обеспечивается патрулированием в воздухе 8–10 самолетами. Противник перешел на аэродроме к обороне. В 1 км северо-восточнее Мамоново действует кукушка противника. На аэродроме противником захвачен 1 самолет. Для уничтожения противника в районе Мамоново в 14.00 выслана рота с двумя 45 мм пушками, 1 бронемашинной. Хозяин просит дать задачу нашей авиации содействовать уничтожению противника.

2. В направлении Погребки прорвалась мотопехота до 300 чел. пехоты и 200 мотоциклистов и 30 бронемашин, в т. ч. танки. Нашему хозяйству поставлена задача уничтожения прорвавшейся группы противника силами 2-го эшелона. Перед фронтом нашего хозяйства — спокойно.

3. По данным ротного поста ВНОС Людиново подтверждается высадка десанта в районе Петровская, Холмы, с которым, по непроверенным сведениям, соединились наземные части противника в этом районе.

4. Мы все время находимся под воздействием авиации противника

5. Перед фронтом наших хозяйств спокойно. Связь с ними имеем. Нас сейчас бомбят» [14. Л. 163–167 с об].

Был обнаружен очередной «десант» противника в Дубровке, в 7 км севернее Бетлицы. На самом деле, все это были не десанты, а передовые части противника. Связь с высланным для ликвидации Мамоновской группы противника отрядом в составе роты с 2-мя противотанковыми орудиями и одной бронемашинной после боя в районе Гайдуки прервалась, что неудивительно: одна рота — против острия наступающего клина основных сил противника (пять пехотных и танковых дивизий). К исходу 3 октября южнее Варшавского шоссе вражеская мотопехота находилась уже в 4 км западнее г. Кирова.

В это время части Красной Армии, которые находились не на направлениях главных ударов, выполняя приказ по обороне своих позиций, «стойко обороняли» неатакованные участки, когда их соседи,

обливаясь кровью, сдерживали в 5–10 раз превосходящие силы противника. Чтобы так продолжалось и дальше, вместо какой-либо действенной помощи в штаб 33-й армии по телеграфу к полуночи с 3 на 4 октября было передано распоряжение Военного Совета Резервного фронта: *«Военный совет фронта приказывает проверить всю оборону своего хозяйства и предупреждает, что ни на одном участке фронта ни одна войсковая часть не имеет права бросать занимаемый рубеж обороны, ни один человек не должен оставлять свой пост. Военный совет фронта предупреждает командование армии, что если не будет удержан занимаемый рубеж, то виновные будут привлечены к строжайшей ответственности и наказаны. Решительными и активными действиями должны быть ликвидированы всякие попытки противника прорвать оборону»* [14. Л. 163–167 с об].

Оперсводка ГШ № 209, составленная к 08.00 4 октября 1941 г., сообщала о тяжелых боях, которые вели оба фронта: *«5. Войска Западного фронта на флангах удерживали занимаемые позиции, отражая разведгруппы противника, в центре вели упорные бои с прорвавшимися частями противника.*

6. Войска Резервного фронта сдерживали наступление противника на фронте 24-й армии и вели упорные бои с его прорвавшимися частями на фронте 43-й армии...

43-я армия, ведя упорные бои с наступающими частями противника, отходила на новый оборонительный рубеж... Утешково, Гарь. 149 сд отошла на р. Снопоть» [11. Л. 58–70].

Таким образом, и Ставка, и К. Ф. Телегин были информированы, что по состоянию на утро 4 октября и Западный, и Резервный фронты вели тяжелые бои на Варшавском шоссе в 30 км от места прорыва линии фронта.

4 октября утром проволочная связь командующего Резервным фронтом с 43-й и 33-й армиями прервалась. С 10.30 прервалась и радиосвязь, о чем было доложено в ГШ донесением № 43, составленном к 14.20. Это боевое донесение было передано в Генштаб в 17.20 того же дня.

Одновременно сообщалось о прорыве немецких частей севернее шоссе, на Спас-Деменск: *«... противник с утра 4.10.41 продолжает развивать удар мотомехчастями во фланг и тыл 43 Армии в общем направлении на Спас-Деменск. Вспомогательный удар наносится вдоль Московского шоссе. К 8.45 противник перерезал шоссе танками в районе Легковка, Сутоки (более 45 км по Варшавскому шоссе от места прорыва и в 100 км от Юхнова — Г.Г.) и 12.00–12.40 бой шел на рубеже Любунь, Широки (1,5 км северо-западнее Сутоки — Г.Г.)»* [13. Л. 190–191]. Таким образом, Генштаб знал о том, что с этого дня с частями 33-й и 43-й армии, находящимися на направлении главного удара, связи нет, но по обеим сторонам

Варшавского шоссе идут сильные бои и что утром 4 октября по шоссе до Юхнова оставалось 100 км.

Командующий Западным фронтом И. С. Конев, судя по его воспоминаниям, лично докладывал И. В. Сталину об обстановке на 4 октября: *«В связи с создавшимся положением, я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковский. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился. Я тут же связался «бодо» с начальником Генштаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создано на участке Резервного фронта...»* [8. С. 238].

В этот же день авиабомбежкой были уничтожены узлы и линии проводной связи Ставки со штабами Западного и Резервного фронтов. Но отсутствие связи, а следовательно — и свежей информации с фронта, где ведутся ожесточенные бои, не заставили Ставку более внимательно оценить обстановку на Варшавском шоссе.

Командующий Резервным фронтом С. М. Буденный для обороны Варшавского шоссе снял с 14.00 4.10.41 с хорошо подготовленных позиций из-под Дорогобужа 29-ю сд (бывшую 7-ю дивизию народного ополчения Бауманского района) с одним дивизионом 533-го ап пто и направил их на ст. Милятино (которая находится у Варшавского шоссе, в 85 км от р. Десны и в 60 км от Юхнова). Дивизия должна была сосредоточиться там к 18.00 5 октября [15. Л. 148]. Но ст. Милятино после сильной авиабомбежки была уже занята немецкими войсками на сутки раньше — в 17.00 4 октября. Приказ оказался несвоевременным, но дивизия уже была в пути. На следующий день ее переадресовали в район 10 км северо-западнее г. Юхнова с целью прикрыть направления Юхнов — Гжатск и Юхнов — Медынь. Этот приказ тоже опоздал. Дивизия в ходе этих передислокаций была разбита и 11 октября официально расформирована.

Тем временем, действующая южнее Варшавского шоссе немецкая 10-я тд 4 октября разделилась на 2 группы и начала охват Мосальска, планируя затем повернуть от него на север и одной группой выйти на Варшавское шоссе. Командир 10-й тд Фишер *«... запросил разрешения на быстрый бросок одной кампфгруппы на Юхнов, чтобы создать плацдарм по реке Угра и ликвидировать фланговую угрозу на время движения дивизии на север к Вязме. Вскоре 10 тд вышла в глубокий тыл советских войск и, опрокидывая конные и моторизованные колонны тыловых частей, устремилась вперед... Фишер, во главе северной кампфгруппы, двинулся*

на Мосальск в 16.30... и приказал продолжить движение ночью с 3 на 4 октября, чтобы достичь шоссе Рославль-Юхнов-Москва в 25 км юго-западнее Юхнова...

Централизованное управление огнем в ходе быстрого продвижения оказалось невозможным, так как боевые группы быстро разошлись по удаленным направлениям и вязались во множественные стычки с противником» [10]. Проблемы со связью появились у 10-й тд еще утром 3 октября, когда две ее радиостанции были уничтожены прямыми попаданиями одним из советских стрелковых полков, который, экономя последние снаряды, все утро без единого выстрела скрывался в засаде на своих позициях и выбрал наиболее удачный момент для удара.

Вечерняя сводка ГШ № 210 за 4.10.41 вновь сообщала об упорных боях Западного и Резервного фронтов и подходе немецких частей в район Спас-Деменска севернее шоссе. О продвижении противника южнее шоссе на Мосальском направлении Ставка не знала и ограничилась вчерашними сведениями о боях на подступах к г. Кирову.

«6. Войска Западного фронта на правом крыле удерживали ранее занимаемые позиции, в центре и на левом крыле вели упорные бои с наступающими мотомехчастями и пехотой противника...

7. Войска Резервного фронта вели упорные оборонительные бои с противником, противодействуя прорыву его мотомехчастей в направлении Киров.

Части 43-й армии, оказывая слабое сопротивление противнику, разрозненными группами отходили в восточном и северо-восточном направлениях.

Противник, обойдя левый фланг армии, продолжает наступать в общем направлении на Спас-Деменск...» [11. Л. 71–80].

К исходу 4.10.41 и в ночь на 5.10.41, по сведениям штаба Резервного фронта, войска продолжали вести упорные сдерживающие бои в районе Варшавского шоссе. В течение ночи на левом фланге фронта рассеянные части 43-й армии (211-я, 53-я сд и 145-я тбр без танкового полка) под натиском танков и мотопехоты противника продолжали с боями отходить в северо-восточном направлении на Спас-Деменск, севернее его и вдоль Варшавского шоссе [13. С. 205–208]. На остальных участках — положение оставалось без существенных изменений. От 149-й сд осталась группа в 1000 чел., где были остальные — неизвестно. К вечеру положение оставалось таким же угрожающим. Войска Резервного фронта к исходу 4.10.41 и в ночь на 5.10.41 вели сдерживающие бои в центре. Штаб 43-й армии в 8.00 был в д. Ключики (55 км западнее Юхнова). Все войска 43-й армии были значительно потрепаны, продолжали отходить в северном и северо-восточном направлениях, управление ими потеряно. Была утеряна связь штаба Резервного фронта со всей 33-й армией и с двумя частями 43-й армии (113-й сд и 148-й тбр).

Оперсводка генштаба № 211 на 8.00, из которой все пытался узнать что-либо новое К. Ф. Телегин утром 5 октября, сообщала сведения за 4 и даже за 3 октября: «7. Войска Западного фронта на правом крыле продолжали укрепляться на занимаемых рубежах, в центре и на левом крыле продолжали вести упорные бои с наступающими частями противника... 43-я армия вела упорные бои с противником, прорвавшимся в общем направлении на Спас-Деменск.

211 сд своими остатками вела бой с противником на рубеже р. Снопоть на участке Новики, Белорус.

53 сд с танками 148 тбр вела бой на рубеже Кузминичи, Семеново.

149 сд с 148 тбр вела бой в полуокружении в районе Осовка, Подлесная.

113 сд главными силами вела бой в районе Дедово, Петровичи, Семирово, Желны.

33-я армия. ПО 60 сд вел бой с противником на рубеже Колодези, Кожелево, Нов. Березовка, Лежневка.

17 сд продолжала удерживать прежний рубеж обороны, выбив противника контратакой из Ковалевка, Латыши.

173 сд к 17.00 3.10 вела бой на фронте Хотожка, Дубровка...» [11. Л. 81–93].

Несмотря на устаревшие сведения о местоположении частей Западного фронта, сообщения об упорных боях вновь были в каждом пункте, причем уже 3-й день подряд. Кроме того, в этой оперсводке вообще отсутствовали сведения о положении Резервного фронта, т. к. связь с ним была прервана 4 октября, что могло однозначно свидетельствовать о тяжелом положении и этого фронта. Но К. Ф. Телегин во всех своих мемуарах смог охарактеризовать такое состояние двух фронтов как «ничего особо тревожного в сообщениях не было». Ни МВО, ни Ставка все три дня упорных боев со 2-го по 4-е октября не оказывали этим фронтам никакой поддержки, не пополняли людьми и боеприпасами, не оказывали руководящей, информационной и координирующей помощи.

Пока войска Резервного фронта сдерживали врага и отходили левами в районе Спас-Деменска (в 60 км юго-западнее Юхнова), к утру этого же дня, 5 октября, одна из прорвавшихся южнее Варшавского шоссе танковых дивизий — 10-я тд уже резко вырвалась вперед, двумя группами проходя без сопротивления по нашим тылам днем и ночью на Мосальск. Северная группа 10-й тд, к рассвету 5 октября вышла от Мосальска на север, на Варшавское шоссе в 25 км юго-западнее Юхнова и начала продвигаться к Юхнову. Именно эту колонну и увидели летчики ВВС МВО Н. А. Сбытова. О южной группе 10-й тд речь пойдет ниже. Командование Резервного фронта, потерявшее управление своими войсками и тылами и связь со Ставкой, об этом не знало. Даль-

нейшие события в штабе МВО и Ставке нам уже известны из мемуаров Н.А. Сбытова и К.Ф. Телегина.

К вечеру 5 октября войска Резервного фронта, потеряв управление, продолжали по отдельности вести сдерживающие бои и отходить в северном и северо-восточном направлениях. От 33-й армии сведений так и не поступило [13. Л. 209–210]. К утру 6 октября была потеряна связь и с 43-й армией...

Таким образом, сводки фронтов и Генштаба событийно в целом подтверждают версию Сбытова — Телегина: впервые сведения о занятии немецкими войсками Юхнова были получены Ставкой от ВВС МВО 5 октября, летчики нескольких авиачастей в течение и второй половины дня также неоднократно докладывали о подходе к Юхнову танковой колонны.

Не совпадают с истинным положением дел лишь сведения К.Ф. Телегина о том, что до 5 октября сводки были достаточно спокойными и не внушавшими беспокойства. Вызывает вопросы задержка донесения сведений о подходе немецких танков к Юхнову в Ставку самим К.Ф. Телегиным с 7.00 до 14.00. Это можно объяснить только его боязнью получить клеймо паникера и соответствующее наказание, что подтвердилось допросами Н.А. Сбытова на Лубянке во второй половине того же дня.

Версия И.Г. Старчака

По сведениям И.Г. Старчака, передовые немецкие части вошли в Юхнов не к вечеру 5 октября, как утверждает К.Ф. Телегин, они были там уже рано утром 5 октября. А днем раньше, узнав о приближении врага, его десантники уже проводили диверсии на шоссе на подходе к Юхнову.

Несколькими независимыми мемуарными источниками, находящимися в фонде И.С. Стрельбицкого Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО), подтверждаются сведения о том, что немцы подходили к Юхнову вечером 4 октября и утром 5 октября уже занимали Юхнов.

Вспоминает летчик О.А. Дорошук, чья авиачасть дислоцировалась в этот день в Ржеве:

«...5 октября 1941 г. Примерно в 11 часов пришлось находиться на самолете У-2 над г. Юхновом и в районе этого города в лесу разговаривать с группой наших офицеров. Они мне сообщили о том, что Юхнов взят фашистами и, по их просьбе, сообщил об этом своему командованию по возвращении на аэродром г. Ржев. Примерно через 30 мин. над Юхновом был сбит наш самолет ТБ-3, который не знал, что там фашисты, пытался произвести посадку. Часть экипажа погибла, а некоторым удалось добраться к своим, т. е. в полк» [20].

Эта же дата подтверждается воспоминаниями жены председателя горсовета г. Юхнова Фаины Александровны Кузовковой [21], которой, как

и остальному гражданскому населению, стало известно о подходе немцев к вечеру 4 октября. По ее воспоминаниям, массовая эвакуация граждан и организаций города Юхнов началась около 20.00 4 октября, до этого все жители, вплоть до руководства города, еще колебались, можно ли покинуть город. Еще утром в райкоме ей угрожали, что в случае ее эвакуации с детьми, ее муж будет привлечен к ответственности как паникер.

И о подходе немцев накануне, т.е. 4 октября, знала как минимум одна воинская часть — это 1-й тяжелый бомбардировочный авиаполк (1-й тбап), на базе которого под Юхновом дислоцировалась десантная группа И.Г. Старчака. Машины авиаполка тоже уехали в Москву. Самолеты поднялись в воздух и ушли в тыл, при этом на аэродроме остались по разным причинам несколько бомбардировщиков. Один из интендантов 1-го тбап, которого смогли догнать бойцы группы Старчака, сообщил, что противник прорвал нашу оборону, а больше он сам ничего не знал [9. С. 43].

О захвате немцами аэродрома под Юхновом (возможно, это был аэродром Емельяновка) свидетельствуют воспоминания летчика 1-го тбап Лановенко [3], который, вылетая на задание поздно вечером 4 октября, был обстрелян неподалеку от аэродрома. Когда он вернулся перед рассветом, деревня была уже занята немцами, а аэродром еще нет, он успел захватить часть аэродромного оборудования и личного состава техслужб и перелететь на аэродром Полотняный Завод. Время эвакуации полка с аэродрома, указанное М.Т. Лановенко — ночь с 4 на 5 октября, не совпадает с временем, указанным И.Г. Старчаком — утро 4 октября.

В любом случае, эти сведения не были сообщены командиром 1-го тбап в Ставку ни днем 4 октября, ни к ночи на 5 октября. Городские власти г. Юхнов, покинувшие город вечером 4 октября, тоже ничего не сообщили в Москву, хотя они успели организовать отключение телефонного узла связи и вывоз денег из городского отделения госбанка.

Оставление аэродрома в Юхнове авиаполком произошло настолько быстро, что об этом не была извещена его десантная группа. Сам И.Г. Старчак в ночь с 3 на 4 октября вернулся со спецзадания и спал в своем расположении на этом же аэродроме.

Несмотря на то, что И.Г. Старчак тоже мог уйти, он, взвесив всё, самостоятельно принял решение остаться и максимально причинить вред немецкой колонне на Варшавском шоссе. Преградить путь к Юхнову и через Угру, оборонять г. Юхнов кроме его группы было некому, поскольку других воинских частей Красной Армии в этом районе не было.

В его отряд входило 430 человек, из которых 200 человек прибыли из фронтовых авиачастей, 150 человек набранных по призыву ЦК ВЛКСМ комсомольцев, недавно приступивших к обучению десантному делу, и несколько десятков хорошо обученных парашютистов из 214-й вдбр [9. С. 64].

Навстречу немцам по Варшавскому шоссе были высланы мелкие группы десантников (по 3–4 человека в каждой) для проведения диверсий — подрыва многочисленных мостов через ручьи и овраги. Благодаря их действиям, движение немецкой колонны было сильно замедлено, создавались многочисленные пробки, саперы не успевали строить новые мосты. Некоторые из высланных 4 октября на запад от Юхнова бойцов вернулись в группу вечером 6 октября и отчитались об обстановке и о проделанной работе. *«Они минировали дорогу, устраивали заграждения. Часов в 7 вечера 4 октября они обстреляли колонну заправлявшихся танков, бронетранспортеров и грузовиков. ... Их усилиями был сорван бросок, который намеревался совершить передовой отряд 4-й армии противника, на 10–12 часов задержано его вступление в Юхнов. ... Они сообщили нам о численности вражеских войск, о том, что на шоссе все прибывают новые фашистские подразделения и части»* [9. С. 54–55].

В некоторых источниках есть сведения, что подходы к городу и сам г. Юхнов были заблаговременно заминированы специалистами Московского Военно-инженерного училища, которые, выполнив свою работу, уехали до 3 октября 1941 г. Если это действительно так, то заблаговременное минирование только помогло высланным вперед на запад от Юхнова группам десантников — диверсантов из группы Старчака еще быстрее и лучше исполнить свою задачу и задержать немецкие войска.

Оставшиеся в Юхнове бойцы заминировали подступы к мосту через Угру восточнее Юхнова, заложили фугасы, замаскировали свои позиции. В ночь с 4 на 5 октября с запада к мосту через Угру подошло до 20 автомашин ЗиС-5 и ГАЗ-АА, 10 мотоциклов, 4 бронемашин и 2 танка советского производства. Мотоциклисты и пехота были одеты в наши плащ-палатки. Они, застрелив на КПП потребовавших у них документы патрульных, попытались с ходу прорваться через мост. Десантники, находившиеся неподалеку в засаде, встретили их пулеметным огнем, сработали заблаговременно заложенные мины [4]. Первая утренняя атака немцев была отбита. По воспоминаниям командира эскадрильи 1-го тбап М. Т. Лановенко, он был свидетелем этого боя и помог десанникам, обстреливая фашистов из пулемета. По сведениям же И. Г. Старчака, авиация его группе с 4 по 9 октября никакой помощи не оказывала. В течение дня 5 октября немцы пытались возобновить бой, но десантники удерживали свои позиции. Тогда небольшие группы фашистов попытались форсировать Угру выше и ниже моста и небольшими силами сумели создать плацдарм в д. Кувшиново, на восточном берегу р. Угры.

На следующий день 6 октября в 11 часов немцы вновь под прикрытием артиллерийского огня атаковали позиции отряда Старчака в нескольких местах, самая сильная их группа пехоты с танками вновь попыталась прорваться через мост, первая атака танков была отбита бутылками с горючей

жидкостью. При повторной атаке мост был взорван, но одна из опор осталась невредимой, т. к. провод был перебит накануне [9. С. 52–53].

Версия Телегина — Сбытова не описывает чье-либо участие в обороне Юхнова до 6 октября, пока к Угре, якобы, не подошли Подольские курсанты, которые одни и защитили этот боевой участок. С этой точкой зрения с 1964 года всеми силами боролся полковник И. Г. Старчак, в том числе и на заседании военно-исторического общества под руководством академика Самсонова. Причем все источники, подтверждающие позицию Телегина, это лишь его же публикации 60-х годов, а версию Страчака подтверждают публикации различных журналистов 1941–42 годов, помимо мемуаров и статей 60-х годов самого Старчака. В своем письме бывшему начальнику Подольского артиллерийского училища генерал-лейтенанту И. С. Стрельбицкому [22] в 1967 году он, после заседания Военно-научного общества, подробно разобрал доводы Телегина — Сбытова и Панкова:

«...Вот что написано с полного согласия и по материалам Телегина в статье «12 часов из жизни генерала», на которую он ссылается в своей работе: «Первые удары прорвавшегося в районе Юхнова противника принял на себя отряд подольских курсантов. С 6 по 11 октября этот отряд совместно с авиадесантниками отряда капитана Старчака и, поддержанные авиацией ВВС МВО, трижды отбрасывали противника за реку Угру...»

Для той же цели сопоставления фактов, вот что написано в газете «Московский комсомолец» за 13.2.1964 в статье «Курсанты стояли насмерть», также с согласия и по материалам бывшего начальника пехотного училища генерала тов. В. А. Смирнова: «...Шесть дней, с 6 по 11 октября 1941 г, отряд курсантов, совместно с авиадесантниками отряда под командованием капитана Старчака ... трижды отбрасывали противника за р. Угру.»

А вот как осветила газета «Вечерняя Москва» от 10 мая 1965 г. в статье «Авиационный щит столицы», автор Н. Сбытов, бывший командующий ВВС МВО: «...В одиночку и звеньями непрерывным потоком летели наши летчики к Юхнову и наносили первые удары по фашистским войскам. Был разбит мост через р. Угру. В это время к реке подоспели курсанты Подольского пехотного училища. Они заняли оборону, немцы были остановлены...»

Вот так, раздвигая локтями, не считаясь ни с какими фактами, ни с самой действительностью, некоторые товарищи становились первыми. (На самом деле Н. Сбытов не так уж неправ, просто он, не указывая точные даты, описывает более поздние события и не только в тех местах, где был Старчак, а И. Г. Старчак восстанавливает хронологию только своих боев, именно за период с 4 по 7 октября — Г.Г.)

Свое отношение к статьям «12 часов из жизни генерала Телегина», «Курсанты стояли насмерть», «Авиационный щит столицы» — я уже определил через издательство этих органов, выражал свое сожаление, что они

поместили, не проверив материал. К тому же, никто из них не пытался связаться с оставшимися в живых участниками этой операции. В результате этого допущены искажения фактов в личных, эгоистических целях.

Вот, например, Сбытов пишет: «Авиация разбомбила мост, курсанты Подольского пехотного училища подошли, заняли оборону и немцев остановили».

Это же просто вымысел — никакая наша авиация ни 4–5–6 и 7 октября моста не бомбила на Варшавском шоссе и, тем более, не разрушала. К сожалению, мы, отходя от Угры 6 октября, полностью этого моста не уничтожили.

Что же касается такого утверждения Телегина и Панкова, что курсанты совместно с десантниками трижды отбрасывали противника за Угру, то на это отвечу — никакие курсанты совместно с авиадесантным отрядом с 6 по 9 октября никогда трижды не отбрасывал немцев за р. Угру. Действительно, это было 5 октября, и сделали это одни десантники. Курсанты не могли это сделать по одной простой причине: 6 октября я с отрядом, отходя на новый рубеж обороны, не имея достаточно ни сил, ни средств, больше на Угру к мосту в пределах Варшавского шоссе я пробиться не мог (т.е. немцы действительно образовали плацдарм на восточном берегу Угры — Г.Г.) Это было 6 октября, когда подошел передовой отряд курсантов Подольских училищ. И никакая наша авиация никаких наших действий не обеспечивала (это противоречит воспоминаниям летчика 1-го тбап М. С. Лановенко — Г.Г.)

Отвечу и на утверждение тов. Панкова, который взялся утверждать, не зная сущность вопроса, что встреча моего отряда произошла с курсантами не на р. Изверь, а в р-не д. Стрекалово.

...7 октября я был вызван на КП уже сосредоточенной в районе Медыни 17 танковой бригады, где встретил маршала Советского Союза С.М. Буденного (т.е. Старчак знает, что 17-я тбр подошла не 9 октября, а как минимум 7-го — Г.Г.). На мою просьбу развернуть бригаду, помочь мне, тогда было отказано по той причине, что бригада Ставки и он приказывать ей не может (Это происходило действительно так! С.М. Буденный 7.10.41 не стал ставить 17-й тбр никакой боевой задачи, т.е. не дал ей возможности помочь отряду Старчака 7–8 октября. Но, на самом деле, по приказу Ставки 17-я тбр по прибытии в район ст. Мятлевская должна была войти в подчинение командующего Резервного фронта, т.е. С.М. Буденного. Он бездействовал сам, и вынудил бездействовать двое суток и 17-ю тбр — Г.Г.). Вот как обстояло дело с введением в бой танковой бригады. Для уточнения этого вопроса читайте мемуары «С неба — в бой», Воен. Издат, 1965, авт. Старчак И.Г., стр. 59, «Военно-исторический журнал» № 8, 1966, статья маршала Жукова «В боях за столицу».

А вот что пишет один из оставшихся в живых десантников по этому же самому вопросу...: «Я не знаю, откровенно говоря, прямо теряюсь,

как так два старых военных комиссара, зная хорошо те события, о которых пишут, в то же самое время, не иначе, как кривя душой, умалчивают о тех товарищах, которые по велению своего сердца, собственной совести, без приказа, что называется, на свой страх и риск, еще 4 октября приняли бой с фашистами западнее Юхнова, а 5 числа на рассвете на р. Угре, на Варшавском шоссе у моста (Такое свидетельство противоречит версии Телегина и Панкова: если немцы только к вечеру 5 октября заняли Юхнов, то первый бой передового отряда 37-го УР МВО на Угре мог быть лишь на рассвете 6.10.41. Зато подтверждается немецкими документами — независимым источником — Г.Г.) ...Тогда же нам стало известно о том, что наших полевых войск как на запад от Юхнова, так и на восток по Варшавскому шоссе в сторону Москвы — НЕТ.

Читайте газеты «Сталинский сокол» за октябрь 1941 — статья «Советские богатыри», газета «Красная звезда», октябрь 1941 — «Стойко оборонять дороги», журнал «Красная новь» № 7 за 1942 г. — статья «Записки военного корреспондента».

Разве не обязаны были бы тов. Телегин, Панков, как представители нашей партии в рядах армии сказать об этом на страницах журнала «Вопросы истории КПСС»? Ведь обоим этим товарищам хорошо известно, что курсанты вышли на соединение 6 октября с уже вступившими в бой с фашистами десантниками ВВС Западного фронта комсомольцами-добровольцами, кадры ВВС и призыва ЦК ВЛКСМ. И мне кажется, что от этого нисколько не уменьшилась бы слава героически дравшихся и многих погубивших смертью храбрых курсантов Подольских училищ.

Именно так поступил один их участников этих боев на страницах журнала «Юность» № 2 1966 г. (на который ссылается Панков), бывший начальник артучилища, генерал запаса И. С. Стрельбицкий, выступивший со статьей «12 дней одного года».

Так в чем же дело? Почему бывший член Военного Совета МВО генерал Телегин ни слова не сказал во втором томе «Истории Великой Отечественной войны», материал для которого, касающийся событий Юхнова, готовил сам Телегин. Не сказал он и в своей статье в «Военно-историческом журнале» № 1, 1962 «Московская зона обороны», не сделал и позже в той же статье в книге «За Москву, за Родину!» изд. «Московский рабочий», 1964. То же самое не сделал в журнале № 9 «Вопросы истории КПСС» за 1966 г.

Вот не знаю, как это получилось в статье журнала «Огонек» № 12 1965 г. «12 часов из жизни генерала Телегина» он был вынужден допустить, чтобы было сказано, хотя на втором плане, о десантниках.

И все это не случайно. Складывается такое впечатление, что все это делается преднамеренно с тем, чтобы более убедительно выглядело то, что он, Телегин, предупредил внезапный выход немцев к Москве, а в подтверждение этому, по его мнению, следует сказать, что первыми

выступили в бой с прорвавшимися немецкими войсками не кто-нибудь, а поднятые по приказу курсанты Подольских военных училищ, и не где-нибудь, а именно на Угре, у Юхнова, на подходе к которой 5 октября ВВС МВО обнаружили немецкую танковую колонну. Как же ему в таком случае говорить о десантниках, которых прорыв немцев застал на оперативной Юхновской базе. И, тем более, о том, что они до подхода курсантов вели бой по собственной инициативе, поклявшись умереть, но врага задержать до подхода своих войск и к Москве не пропустить, что они и сделали...

Удивляюсь тому, как работники журнала «Вопросы истории КПСС» не дали должной оценки той нерешительности, я бы сказал — боязни, которую проявил бывший член Военного Совета генерал Телегин, когда в течение чуть ли не 7-ми часов боялся доложить в генштаб Ставке, наконец, ЦК КПСС о том создавшемся угрожаемом положении, которое создалось в результате прорыва фронта, как явной угрозы внезапного захвата врагом столицы нашей Родины — Москвы. За то время, которое потратил Телегин на то, чтобы 4 раза позвонить в генштаб, спрашивая: «Что у вас нового?» — и организовать три вылета истребителей в район Юхнова, если бы немцы не были бы задержаны десантниками, то быть бы им в районе г. Москвы. Ведь до Москвы всего лишь 3–4 часа хода на машине.

Потеря времени в таких случаях на войне подобна гибели. А если к этому еще добавить то, что курсанты подольских училищ были подняты по тревоге в 16 часов 5 октября, а первыми прибыли к нам только 6 октября в первой половине дня, то картина становится достаточно ясной. С момента доклада нач. штаба Малоярославецкого УРа до прихода курсантов прошло более суток...».

Реальность боевых действий группы Старчака, помимо указанных им источников, подтверждают наградные листы отряда десантников (наградной приказ Зап. фронта № 122 от: 27.01.1942), в частности, самого И.Г. Старчака, награжденного орденом Ленина: «*При прорыве мотомехчастей противника в районе Юхнов тов. Старчак, попав в сложную обстановку, сумел своей организованностью, мужеством и преданностью родине нанести озверелому фашизму большие потери и расстроить своей небольшой группой планы противника...*» [7]. Тем же приказом были награждены и некоторые участники его группы.

Пролить свет на события 4–5 октября у Юхнова могли бы документы 1-го тбап, улетевшего 4 октября

1-й тбап дислоцировался в районе Юхнова с августа 1941 г. на нескольких аэродромах. Он входил в 23-ю тяжелобомбардировочную авиадивизию (ее штаб находился в Медыни), которая позже была переиме-

нована в 53-ю авиадивизию (ад). На базе этого полка проходил обучение отряд десантников Старчака.

Из документов 1-го тбап в ЦАМО РФ удалось обнаружить исторический формуляр [18] и боевые приказы полка [19], которые за исследуемый период начала октября по неизвестной причине подписывал не командир полка Филиппов, а командир 2-й эскадрильи Б.Ф. Чирсков, официально назначенный заместителем командира полка только 30 октября [19, Л. 53–56]. Где был и чем занимался в эти дни командир полка — в документах полка не отражено.

Исторический формуляр полка указывает, что передислокация полка из Юхнова вроде бы происходила 5 октября [18. Л. 5], но сведения эти вызывают сомнения. На 4 октября полку приказом № 059, составленном к 20.30 3 октября 1941 г., ставилась задача бомбардировать пехоту, артиллерию и танки противника в районе Потаница, Бухвалово, Старое Сырокоренье (в 9 км восточнее р. Десны, откуда начался немецкий прорыв по Варшавскому шоссе — Г.Г.), Васильино, выполнять задание разведотдела штаба Западного фронта, а также разбросать листовки. Возможно, что именно во время этого вылета 4 октября командование этого полка получило сведения о глубоком прорыве немцев и поэтому срочно решило изменить место дислокации.

4 октября приказа по полку издано не было, следующий «Боевой приказ № 060» был издан ночью, в 2.00 5 октября. В нем местонахождение штаба полка указано все еще в Юхнове, но КП командира полка уже впервые переместился на аэродром Кувшиновка, что на 4 км восточнее г. Юхнова, на восточном берегу р. Угры.

С 6 до 9.10.41 приказов по 1-му тбап не было, что указывает на действительную передислокацию полка. Следующий приказ № 061 был издан только в 23.00 9 октября, КП командира полка уже был указан в Момино (Щелковский р-н Московской области), при этом местоположение штаба полка, якобы, все еще оставалось в Юхнове. Это свидетельствует о формальном заполнении «шапки» приказа, не соответствующей действительности, т.к. в Юхнове уже 5 дней как стоял штаб немецкой 4-й Армии, т.е. возможно, что и в предыдущем приказе № 060 местоположение штаба тоже было написано по привычке — в Юхнове, а на самом деле его там уже могло и не быть.

Причина оставления и судьба оставленных полком бомбардировщиков в разных источниках также описывается по-разному. По «Сведениям о потерях 1-го тбап с 1 по 15.10.41» три самолета находились в ремонте, еще один был сожжен из немецкого миномета и три — не вернулись с задания [17. Л. 78].

По сведениям Ф.А. Кузовковой, случайно слышавшей разговор летчиков, причиной оставления бомбардировщиков на аэродроме стало

не разобранные самолеты, а отсутствие горючего, необходимого для перелета:

«Кое-как добрались у ночи до д. Нефедово, это километров 5 от шоссе. И вот, в одном доме нас приютила одна женщина... Были здесь и летчики. Что я запомнила, так ругались и нервничали летчики, оказывается-то приказа не было самолеты перевести на другой аэродром, а тут вдруг горючего не оказалось, вот им пришлось уничтожить свои самолеты, а они были огромные штурмовики. И вот по чьей-то оплошности пришлось уничтожить...» [21].

По сведениям И. Г. Старчака, на второй день его обороны (5 октября), два из оставленных самолетов были сожжены группой его десантников, пробравшейся на территорию занятого немцами аэродрома. Еще один самолет, замаскированный в лесу, утром 5 октября был перегнан в Москву на Тушинский аэродром членом его группы Петром Балашовым [9. С. 50, 51]. То есть как минимум один оставленный самолет был исправен, и горючее в нем все-таки было, т. к. десантники, пробравшиеся в тыл врага, его с собой принести не могли.

Точку в споре ставят немецкие документы

Версия, что группа И. Г. Старчака начала боевые действия на подступах к Юхнову 4-го, а не 5-го октября, подтверждаются независимыми немецкими источниками — «Историей 10 танковой дивизии», «Дневником военных действий штаба 4 танковой группы» и «Дневником боевых действий 57 мехкорпуса».

Они подтверждают факт разрушения всех мостов на подходе к Юхнову 4 октября. В «Дневнике боевых действий» 57-го мк за 04.10.41 отмечалось: *«На дороге Рославль — Юхнов русскими разрушены все мосты, которые в настоящее время еще ремонтируются, что все время вызывает заторы»* [2].

В 16.30 4 октября северная кампфгруппа 10-й тд двинулась на Мосальск, а затем ее командир приказал продолжить движение ночью, чтобы достичь Варшавского шоссе в 25 км юго-западнее Юхнова. В 4.30 5 октября эта группа, состоявшая из 7-го танкового полка и одной небольшой разведчасти, вышла к перекрестку дорог в 25 км западнее Юхнова, получив приказ продолжать движение к западу от Угры и взять Вязьму. Именно эту группу обнаружили на рассвете 5 октября летчики Сбытова.

Движение продолжалось с невероятной скоростью... дивизия всего за 3 дня прошла 175 км, начиная с исходной позиции на Десне [10]. Южная кампфгруппа 10-й тд (в составе 90-го танко-разведывательного батальона, 10-го мотоциклетного батальона и 89-й мп), действовавшая

вне связи со штабом дивизии, вышла к юго-западной окраине Юхнова в 1.50 5 октября. Эта группа шла через Мосальск в обход Варшавского шоссе, поэтому сумела обойти все разрушенные десантниками мосты. Она получила приказ взять и удерживать Юхнов, сформировать плацдарм на Угре и прикрывать справа тылы дивизии при продвижении на Вязьму. Как только следовавшая позади дивизия СС «Райх» заняла бы Юхнов, эта кампфгруппа должна была двигаться на север и поддерживать наступление основных сил 10-й танковой дивизии [10]. Именно с этой южной кампфгруппой 10-й тд вступили в бой в Юхнове 5 октября десантники Старчака.

Утренний бой с мотоциклистами, описанный И.Г. Старчаком, подтверждается и немецким «Дневником военных действий штаба 4 танковой группы», где на 5 октября 1941 г. указано: *«40 танковый корпус силами 10 танковой дивизии в 5.30 взял Юхнов и образовал плацдарм на р. Угра... Под Юхновом для охраны остается лишь батальон стрелков-мотоциклистов, на который в настоящий момент ведется атака с востока»* [2].

Колонны немецкой техники, преодолевая разрушенные десантниками мосты и собственные пробки, продолжали медленно стягиваться к Юхнову до ночи. К вечеру город был набит немецкими войсками. Но большую часть войск немецкое командование направило на север от развилки дорог в 6 км западнее Юхнова, по Гжатскому тракту на Вязьму, где в эти дни формировался Вяземский котел вокруг пяти армий Резервного и Западного фронтов.

В 8 часов утра 6 октября прикрытие немцами г. Юхнова с востока было поручено 258-й пд. Хотя группа Старчака при очередной попытке танков противника прорваться взорвала мост, но немцы все же сумели переправиться через Угру по другим переправам и занять деревни Кувшиново, Стрекалово и местность почти до западного берега р. Изверь. Оттуда их выбили десантники Старчака и прибывший передовой отряд МВО в составе подольских курсантов и местных партизан.

В 12.25 6 октября войскам 4-й танковой группы была поставлена задача: *«... сначала разбить сильные части противника в р-не Вязьмы, чтобы затем начать движение на новые оборонительные укрепления русских с целью блокировать там противника, прежде чем он сумеет там укрепиться»* [2]. Таким образом, немцы запланировали не пробивать в лоб Можайскую линию обороны, а блокировать уже готовые укрепления. Этот приказ предопределил ход дальнейших боев на «варшавском» направлении, когда главные немецкие пехотные и танковые силы с 11 октября были направлены по большакам от Медыни на Боровск и Наро-Фоминск по стыку 36-го и 37-го укрепрайонов, а на малоярославском направлении вдоль Варшавского шоссе до 14–15 октября действовали в основном артиллерия и авиация.

Выводы

Обе версии — и К.Ф. Телегина, и И.Г. Старчака — по взятию немецкими войсками г. Юхнова оказались правильными в части времени обнаружения немецких частей, просто они относились к разным немецким колоннам. В подтверждение версии Телегина, в то время как основные немецкие части вели бой в 50–60 км от Юхнова, истребители ВВС МВО Н.А. Сбытова, действительно, неожиданно для себя, рано утром 5 октября обнаружили колонну немецких войск (северную камфгруппу 10-й тд) в 25 км на подходе к Юхнову. Но в это время, с ночи с 4 на 5 октября, южная камфгруппа 10-й тд уже находилась в Юхнове. Летчики Сбытова не обнаружили их, возможно, потому что немецкие солдаты были в советской форме и на советской технике.

Поскольку немецкие источники подтверждают сведения И.Г. Старчака о разрушении мостов на подступах к Юхнову днем 4 октября и о бое с отрядом мотоциклистов на мосту восточнее Юхнова на рассвете 5 октября, то эти сведения являются достоверными. Остается открытым вопрос о времени убийства 1-го тбап с юхновского аэродрома: по версии Старчака, это было утром 4 октября, а по сведениям документов 1-го тбап и летчика этого полка М.Т. Лановенко — поздно вечером или ночью на 5 октября. Но в этом случае отряд Старчака не успел бы разрушить много мостов, чье разрушение подтверждается немецкими документами. Разноречивые сведения документов 1-го тбап и свидетельства других очевидцев (Ф.А. Кузовковой, И.Г. Старчака) о причине оставления 3-х бомбардировщиков и о месте дислокации штаба полка с 4 по 9 октября 1941 г., подписи под приказами полка — командира 2 эскадрильи Чирскова вместо настоящего командира дивизии Филиппова — подрывают доверие к этому источнику.

Сведения о том, что Генштаб, командование МВО и Ставка ничего не знали об угрожающем положении на варшавском направлении до середины дня 5 октября не подтверждается оперсводками самого Генштаба, сводками Западного и Резервного фронтов, своевременно направляемыми в Ставку, переговорами командующих фронтами с Генштабом и лично с И.В. Сталиным за период со 2 по 6 октября (за исключением отсутствующей сводки Резервного фронта за 4 октября).

Отсутствие докладов о приближении немецкой колонны к Юхнову 4 октября от воинских частей, находившихся в этом районе, и гражданской администрации города, вероятно, объясняется тем, что никто не хотел быть первым, принесшим плохую весть, опасаясь широко распространенных в то время репрессий за паникерство. Реальность таких репрессий подтверждается вызовом на Лубянку днем 5 октября командующего ВВС МВО Н.А. Сбытова и командира 6-го авиакорпуса ПВО МВО И. Климова, а также свидетельством учительницы из Юхно-

ва Ф.А. Кузовковой, которой не разрешали покинуть Юхнов с детьми с полудня до вечера 4 октября, угрожая тем, что и она, и её муж — председатель горсовета — будут признаны паникерами.

Сберегая свое положение, люди, не сообщившие вовремя сведения о подходе немцев к Юхнову, и те, кто необоснованно назначал паникерами за сообщение таких сведений, совместными усилиями оставили неприкрытым Варшавское направление как минимум на 1 сутки. Своевременное информирование Ставки и Генштаба и последующее принятие ими действенных решений дало бы возможность организовать оборону Варшавского шоссе на сутки раньше. И новые части были бы направлены Ставкой на юхновское направление также раньше — еще 4-го, а не 5-го октября (к ст. Мятлево — 17-я тбр, 5-я гв сд, 29-я сд), что дало бы им возможность лучше подготовиться к боям на Варшавском шоссе (17-я тбр и передовой отряд Малоярославецкого УР). По-другому сложилась бы ситуация на подступах к Калуге (5-я гв сд). 29-я сд могла бы не погибнуть во время передислокации и, возможно, смогла бы добраться до последнего назначенного ей пункта назначения — ст. Мятлевская. Подход немецких войск от Юхнова до р. Изверь мог бы быть отодвинут с 9 октября на более поздний срок. Соответственно, по другому могли бы сложиться и боевые действия на подступах к Боровску и Малоярославцу, т.к. к ним за выигранные сутки успели бы подойти полными силами 312-я, 110-я и 113-я сд и др. части. Все это могло бы спасти много жизней.

Начало операции «Тайфун» для советского командования стало таким же «неожиданным», как и начало войны. Еще до ее начала были получены разведсведения о готовящемся крупном наступлении как от перебежчиков, так и от своей армейской разведки. Но им или не поверили, или не смогли правильно оценить силу и направления главных ударов. Фашистские войска применили ту же стратегию и тактику, как и 22 июня 1941 г., наши войска повторили те же ошибки. При стремительном прорыве фронта и продвижении фашистов сильными клиньями вглубь нашей обороны, части, оказавшиеся на направлении главного удара, были смяты существенно превосходящими силами противника. Командиры частей, находящихся на неатакованных противником участках, не покидали их, оставаясь в тылу у наступающих частей противника, не оказывая существенной помощи ведущим бой соседям, дисциплинированно ожидая приказов сверху. А приказы приходили: не оставлять своих боевых участков, вместо того, чтобы наносить удары с флангов по вражеским клиньям. Так, в считанные дни был образован Вяземский котел, поглотивший два фронта. Южный обвод его прошел почти касаясь г. Юхнова. Если бы Генштаб и Ставка своевременно сделали бы правильные выводы после начала войны, то взятие Юхнова не стало бы для них таким неожиданным.

Источники и литература

1. Битва за Москву. — М., Московский рабочий, 1966.
2. Бундесархив. RH 24–5 7/2. Дневник военных действий № 1 Штаба 57-го МК с 15.2. по 31.10.1941 г.
3. Лановенко М. Т. Эхо войны. — М.: Диалог-МГУ, 1999.
4. Лемберик И. М. «Капитан Старчак. Год жизни парашютиста-разведчика». — М.: Воениздат, 1960.
5. Панков Д. В., Панков Д. Д. Подвиг Подольских курсантов. — М.: Московский рабочий, 1982.
6. Телегин К. Ф. Московская зона обороны // Провал гитлеровского наступления на Москву. 25 лет разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. 1941–1966. — М.: Наука, 1966. — С. 58–82.
7. Сайт Министерства обороны РФ «Подвиг Народа», запись № 10096706.
8. Соколов Б. В. Георгий Жуков: Победитель. Деспот. Личность. — М.: ЗЕБРА Е, 2013.
9. Старчак И. Г. С неба — в бой. — М.: Воениздат, 1965.
10. Russel H. S. Stolfi and originally appeared in the September 1997 issue of World War II magazine «German 10th Panzer Division's Eastern Front Offensive Near Vyasma During World War II». Перевод С. Лотарева, предоставлен А. Буйловым.
- 10 а. Фронтная иллюстрация. 2001. № 1.
11. ЦАМО РФ. Ф. 28 (16). Оп. 1071. Д. 1 в.
12. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2552. Д. 12.
13. ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30.
14. ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 79.
15. ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 3.
16. ЦАМО РФ. Ф. 450. Оп. 11158. Д. 93.
17. ЦАМО РФ. Ф. 21887–1-й тбап. Оп. 15283. Д. 3.
18. ЦАМО РФ. Ф. 21887–1-й тбап. Оп. 518832. Д. 1 (Исторический формуляр).
19. ЦАМО РФ. Ф. 21887–1-й тбап. Оп. 536226. Д. 1 (Боевые приказы и распоряжения 26.6–16.12.41).
20. ЦГАМО. Ф. 953 — фонд Стрельбицкого И. С. Оп. 1. Д. 213 (Дорошук О. А.).
21. ЦГАМО. Ф. 953 — фонд Стрельбицкого И. С. Оп. 1. Д. 270 (Кузовкова Ф. А.).
22. ЦГАМО. Ф. 953 — фонд Стрельбицкого И. С. Оп. 1. Д. 4 (Старчак И. Г.).

Наши девочки (разведчицы — комсомолки города Подольска, погибшие в деревне Корчажкино 18 января 1942 года)

Жажина Н.Н.

Товарковская средняя общеобразовательная школа № 2,
пос. Товарково Калужской области

1. Никто не забыт, ничто не забыто

Не одно поколение учеников автора воспитывалось на примере подвига, совершенного подольскими комсомолками — разведчицами **Машей Синельниковой и Надей Прониной**, погибшими в деревне Корчажкино Дзержинского района (рис. 1, 2).

Вспомним, как молодые и юные уходили в бессмертие.

«Шел январь 1942 года. Деревню Корчажкино, где размещалась немецкая полевая комендатура, замело снегом. Только на одной улице «Полицай-проспект» дорога была расчищена и до блеска накатана. У дома Натальи Павловой — часовые. Тут штаб» [12. С. 164].

Из соседних домов фашисты выгнали местных жителей и разместили в доме Семеновой Екатерины. М.Д. Мельникову с детьми приютили тоже в этом доме.

17 января 1942 года во второй половине дня немцы втолкнули сюда же советских разведчиц. Вспоминает Мельникова М.Д.: «На одной из них было короткое меховое пальто и белый шарф с кисточками. Другая, черненькая, худенькая, коротко стриженная, была в летнем пальто. Они никак не могли согреться от холода. У девушки с косами была обмотана рука концом шарфа. Когда немцы вышли, девушки сели в угол избы на маленькую скамеечку, было видно, что они устали. Я спросила: «Милая, что у тебя с ручкой-то?» Она сказала: «Пришлось нам много ползти, вот и отморозила. А варежки потеряла». Другая, в летнем

Рис. 1. Синельникова Мария Владимировна (Мира Вульфовна)

Рис. 2. Пронина Надежда Петровна

пальто, в отчаянии повторяла: «Все, теперь мы попались!» Подруга ее успокаивала и просила не падать духом. Строго себя вели, ничего нам не рассказывали» [6. Л. 1].

Матрена Даниловна продолжает: *«Когда совсем стемнело, за девушками пришли здоровенные эсэсовцы и повели их в дом Павловой Натальи, где размещался немецкий штаб» [6. Л. 1].* Задержанных грубо тащили.

Хозяйка дома подсмотрела в щель за тем, что происходило в избе: *«Никогда не забуду, как били ту девушку с косами. Немец ее и пряжкой, и по щекам, и уснятками (каблуками сапог), а она упадет, да как вскочит и все ему по-немецки что-то говорила, по-немецки... А другая девушка сидела в уголку и плакала» [6. Л. 2].* В доме Павловой Натальи всю ночь были слышны страшные крики истязуемых.

В деревне прошел слух, что неизвестных сбросили на парашютах за д. Горбенки на луга, взяли их в стогу сена, где они прятались, при неопровержимой улике — рации [3]. Привели партизанок со стороны д. Булгаково [1].

На рассвете 18 января два гитлеровца повели разведчиц на окраину деревни и у стога с сеном расстреляли. О последующем вспоминает Е.И. Глухова: *«19 января 1942 года, наши войска вошли в деревню. Герасимова Федосья Васильевна, бригадир, запрягла лошадь в сани, да на них и привезли расстрелянных. Они «каляные» (закоченевшие) были. Остановились у нашего дома.*

Одна погибшая такая красивая, большая, и косы, как венки, вокруг головы. И... улыбалась она. Улыбка... необыкновенная. Пуля попала ей в висок. Наверное, девушка повернулась к немцам и что-то им сказала. В этот момент в нее и выстрелили. У другой была короткая стрижка. Правая бровь рассечена. Кто эти девушки, никто из деревенских не знал. Тогда наш солдат стал внимательно рассматривать убитых, ощупал волосы девушки, которая была повыше ростом, и из кос вытащил записку. Он сказал, что они из Москвы, назвал фамилии.

В тот день в трех километрах от Корчажкина шел бой, может быть, боец погиб, а сведения так и не успел никому передать Партизанок и бойца Красной Армии, расстрелянного с ними, похоронили за оврагом, у школы, на взгорке. Хоронили всей деревней. Могилу пришлось широкую рыть. Посреди бойца положили, а девушек — по краям.

В 1955 году останки погибших перезахоронили в братскую могилу поселка Полотняный Завод.

Когда раскопали могилу для перезахоронения, там были косточки и волосы. Эти останки и были перезахоронены в братскую могилу» [5. Л. 2].

Последнее задание девушки должны были выполнить в Полотняном Заводе. До этого населенного пункта они не дошли, но судьба привела их все же в Полотняный Завод через 13 лет.

2. Установление личностей девушек — через 25 лет после гибели

В 1966 году Николай Маркович Синельников добился невероятного: фото его дальней родственницы Маши в течение 30 секунд было показано по телевидению. Из воспоминаний Е. И. Глуховой: «Была в те годы передача о войне, которую вел Сергей Сергеевич Смирнов. Я мыла посуду на кухне. Почему я пошла в комнату к телевизору, объяснить не могу. Вытираю руки о фартук и смотрю на экран. Вдруг показывают фотографию девушки с косами, которую расстреляли у нас в деревне зимой 1942 года. Я ее сразу узнала. Узнали и другие женщины нашей деревни» [5. С. 3].

На телесюжет откликнулись женщины из д. Корчажино: Е. И. Глухова и М. Д. Мельникова [13]. Таким образом, спустя двадцать пять лет было установлено место гибели подольской разведчицы Синельниковой Марии Владимировны, а в деревне узнали имя расстрелянной — девушки с косами, хорошо говорившей по-немецки.

Было известно, что Маша все время работала в паре с подругой, но ее имени никто не знал. «Поиск боевой подруги Синельниковой поручили в Подольске члену совета городского патриотического клуба «Родина» Галине Громовой. Работу она провела большую и кропотливую. Скоро дело, заведенное в клубе, превратилось в объемистую папку. И тут Галина Громова вышла на след родственников разыскиваемой де-

вушки. С их стороны поиск вела Екатерина Митрохина. Она сохранила единственную семейную фотографию пропавшей на войне младшей сестры. Заснята та в пионерском возрасте. Короткая стрижка, белый воротничок. «Мы о ней ничего не знали. На все наши запросы был один ответ: в списках не числится» [10].

Галина и Екатерина выехали в г. Кондрово (центр Дзержинского района Калужской области), встретились с М.Д. Мельниковой, показали ей фотографию Нади. Женщина опознала по ней девушку с короткой стрижкой в легком пальто, добавив, что ей во время допросов рассекли правую бровь. В соседнем поселке Полотняный Завод они разыскали Е.И. Глухову; глядя на фото, женщина, не задумываясь, подтвердила: «Она, она. Вижу ее тихо сидящей в углу избы» [10].

3. Короткая молодость подруг

Обе девушки 1924 года рождения, учились в средней школе № 1 г. Подольска, жили на одной улице Деловой Двор или, по-другому, в Гостином Дворе. Надя — в доме № 15, а Маша — в доме № 23, кв. 2.

Справедливы кем-то сказанные слова: «Кто вошел в тему войны, тот выйти из нее не может». Автор настоящей статьи продолжала искать людей, которые могли что-либо еще сообщить о Маше и Наде.

Вот что удалось найти, благодаря сотрудникам краеведческого музея Белоруссии. «Мария Владимировна Синельникова родилась в городе Чериков Могилевской области в семье парикмахера. По национальности она еврейка. Ее настоящее имя Мира Вульфовна. Она была красивой, высокой, сильной. Первая в своем городе прыгнула с парашютной вышки. Отлично стреляла. Когда Маша окончила 7 классов, их семья переехала в г. Подольск Московской области» [7].

Девочку родители определили в среднюю школу № 1 им. 15-летия ВЛКСМ. Семейей Евгения Крупецкого, одноклассника Маши, в музей подольской школы передана фотография 8-б класса (рис. 3–4 [11]), сделанная в 1939 году. В феврале этого года Маша вступила в комсомол [14]. Имеется также снимок класса в 1941 году [11].

Аттестат о среднем образовании был выдан М.В. Синельниковой 16 июня 1941 года. С ним девушка поступила в Москву в институт иностранных языков. Сохранились ее документы: заявление от 15 августа 1941 года с просьбой принять в высшее учебное заведение, собственноручно написанная автобиография, врачебная справка о состоянии ее здоровья, выписка из приказа о зачислении на 1 курс института (рис. 5, 6 [8]). Маша проучилась несколько месяцев в 109-й группе на факультете немецкого языка, была комсоргом. Сохранились ее комсомольский билет и общая тетрадь по фонетике [14].

Рис. 3. Школа № 1 им. 15-летия ВЛКСМ

Рис. 4. Одноклассники Маши Синельниковой (в 4-м ряду восьмая, 1939 г.)

Р.С.Ф.С.Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ

НАСТОЯЩИЙ АТТЕСТАТ ВЫДАН Синельниковой
Марии Владимировне, РОДИВШЕЙСЯ В 1924 ГОДУ,
 В ТОМ, ЧТО ОНА ОБУЧАЛАСЬ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ № 144
города Новодельска, Москва
ской области ^(район и през. область СССР) ОКОНЧИЛА
 ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ И ОБНАРУЖИЛА ПРИ отличном
 ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ:

- ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ хорошо
- ПО ЛИТЕРАТУРЕ отлично
- ПО АРИФМЕТИКЕ хорошо
- ПО АЛГЕБРЕ хорошо
- ПО ГЕОМЕТРИИ посредственно
- ПО ТРИГОНОМЕТРИИ посредственно
- ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ отлично
- ПО ИСТОРИИ хорошо
- ПО КОНСТИТУЦИИ СССР хорошо
- ПО ГЕОГРАФИИ хорошо
- ПО ФИЗИКЕ отлично
- ПО ХИМИИ посредственно
- ПО ГЕОЛОГИИ И МИНЕРАЛОГИИ хорошо
- ПО АСТРОНОМИИ отлично
- ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (немецкому) отлично
- ПО РИСОВАНИЮ хорошо
- ПО ЧЕРЧЕНИЮ хорошо
- ПО фигуративе отлично
- ПО _____

№ 16 июня 1941 года
 № 47

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ

УЧИТЕЛЯ:

Митин
Голованов

Рис. 5. Школьный аттестат М.В. Синельниковой

Автобиография.

Я родилась в 1924г. 24 мая в Т.С.С.Р. с/р. Деревня
1931г. поступила в школу. ^{Звеница} в Т.С.С.Р. и окончила
7кл. В 1938г. переехали в Подольск, где я
окончила в 1941г. 10 классов.

В В.М.К.С.М. поступила в 1939г. На промежу-
тки своей учебы в Т.С.С.Р. (с 7 по 7кл) была студент-
кой класса. В 7кл. была в составе двух охотничьих
ряжских групп. За время пребывания в
качестве была инструктором.

В настоящее время являюсь бойцом ~~М.С.С.~~
М.С.С. города.

Отца до революции был парикмахером,
с 1917 по 1922гг. был в партизанском отряде.
После освобождения Т.С.С.Р. был зав. парикмахером,
а также состоял в Ч.К. С 1924г. до выезда
в Подольск был членом Гор. Совета. В Подольске
же работал в СССР против НК. В настоящее
время находится на фронте по вышестоя-
щему списку. Задачу.

Мать ~~была~~ работницей зав. парикмахерской
Гор. Комиссии в Действительной Краевой
Армии. Сенькина М.В.

Рис. 6. Автобиография М.В. Синельниковой, август 1941 г.

Надежда Петровна Пронина родилась в 1924 году в Курской области, деревне Липовской Щигровского района. Она была последней, пятой, дочкой в семье — как случается, самой любимой. Ее сестры Марина, Мария, Александра, Екатерина, и сама Надежда — все были, как на подбор, красивыми и стройными. Надя отличалась веселым нравом и смелостью. Больше всех любила Надежда сестру Катю, и сестра любила ее; разница в возрасте между ними была всего 4 года. Впоследствии

именно Екатерина будет десятки лет вести поиски пропавшей Надежды, не опустит руки, и все-таки найдет свою Надю.

После окончания школы № 1 в Подольске с оценками «хорошо» и «отлично» Надежда Пронина мечтала учиться дальше. Но неожиданно заболели родители, и девушка вынуждена была идти работать. По просьбе любимой сестры Екатерины ее взяли на завод имени М. И. Калинина в ОТК. Здесь Надежда зарекомендовала себя умной, стремящейся к знаниям и очень ответственной комсомолкой [4].

Когда началась война, Наде и Маше было по семнадцать лет. Время любви и надежд. Это окрыляющее чувство Маша, видимо, успела испытать. Неоднократно в разных источниках рядом с именем девушки упоминается имя Виктора. Знакомым она представляла его учителем. Впоследствии Виктор будет участвовать в передаче командованию разведывательных сведений, добытых подругами [9]. Маша по-девичьи секретничала о нем с Надеждой Прониной. У последней, по рассказу ее родственницы С. Д. Жбановой, перед войной был ребенок. Но он умер во младенчестве. Возможно, поэтому она и собралась на фронт. Наде и Маше суждено было навеки остаться семнадцатилетними влюбленными девушками.

4. Война, изменившая жизни подруг. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»

В семье Синельниковых с началом войны на фронт ушли отец Маши — Вульф, и ее брат (на два года старше) — Абрам. Отец, пулеметчик, погибнет под Старой Руссой. Брат, парашютист-десантник, погибнет под Ельней. Мама в июле 1941 года с двумя младшими детьми, шести и двух лет, собиралась в эвакуацию. Маша же твердо решила остаться в Москве: «Если все эвакуируемся, кто Москву оборонять будет?»

Девушка упорно добивалась в Подольском горкоме комсомола направления в действующую армию, и ее направили в спецшколу радистов-разведчиков [13]. Предполагается, что здесь Мария Синельникова встретила Надежду Прониной.

Маша примерно два с половиной месяца прослужила в разведке 43-й армии, причинила ощутимый ущерб фашистам. Из воспоминаний генерал-майора Масленникова Ф. Ф., начальника штаба 43-й армии: «По заданию Военного совета 43-й армии в октябре 1941-го — январе 1942-го Мария Синельникова неоднократно переходила линию фронта, собирая в тылу противника ценные разведданные». Неоднократно — то есть не менее двух-трех раз. После выполнения очередного задания ей давали день-другой отдыха. Она проводила его в своей коммуналь-

ной квартире, приводя в порядок довоенную одежду. Позднее соседи каялись, что осуждали Машу за странность поведения («кофточка подшивает, воротнички, а то и вовсе губы накрасила»). Таким образом, в расположении врага ходила, собирала и передавала разведанные по радию, снова возвращалась на место атаки и подсчитывала потери врага красивая девушка с белым шарфом поверх шубейки [13].

Июнь 1941 года изменил жизнь и Надежды Прониной. «Однажды сестра пришла домой сильно взволнованная. Объявила родителям, что уходит на фронт вместе с подружкой Машей Синельниковой. Это было в сентябре, а в октябре Надя неожиданно появилась в городе. На все вопросы, где служит, чем занимается, отвечала уклончиво. Ясно было одно: Надя выполняет опасную работу. Уехала младшая сестра через два дня. Больше мы о ней ничего не знали. На все наши запросы был один ответ: в списках не числится», — завершает свой грустный рассказ Екатерина Митрохина [10].

Последнее задание девушек, которое они выполняли на территории Дзержинского района Калужской области, было четвертым по счету.

В последней разведке Маша и Надя были вместе. Отправлял их на задание майор Сокол, у него они оставили свои настоящие имена и получили взамен другие. Стала Маша Синельникова калужской жительницей Валентиной, а Надя Пронина — деревенской девчонкой Веркой. На новые имена уже выданы документы — добротные, с подписями и печатями. Себя выдавали они за калужских тюремных «сидельцев». Их сказке о калужской тюрьме верили все: и свои, и гитлеровцы. Рация еще с прошлого задания так была запрятана на поляне с тремя дубками, что кто не знает, тот и с собаками не сыщет.

Сначала девушки направились в район Тарутино уточнить расположение немецких батарей и места сосредоточения танков. Перед наступлением сведения должны быть точными. Когда необходимые сведения были собраны, в эфир полетело: «Я Кама, я Кама! Как слышите меня? Приём!»

А девушки получили новое задание — идти в район Полотняного Завода. Прошагав всю ночь, они не успели добраться до деревушки, где жила бабка, которая в прошлый раз прятала Надю. На рассвете остановились в ельнике — усталые, голодные. Ночью Мария потеряла варежки и отморозила пальцы. Рука нестерпимо ныла. Девушка кутала её в конец тонкого шарфика, но не помогало. В этот день партизанки встретились с немцами. Фашисты их схватили и привезли в д. Корчажино. Надя согласно легенде сказала, что она из местных и наугад назвала первый, пришедший ей на ум населённый пункт в этом районе. К вечеру немцы проверили сказанное. В деревне Надю никто не признал [12. С. 168].

Этот рассказ из книги «Они живут в памяти народной» отмечает, что на это последнее задание девушки уходили без радию, она еще с прошло-

го задания была запрятана на поляне с тремя дубками, и они «не успели добраться до деревушки, где жила бабка, которая в прошлый раз прятала Надю». Жители д. Корчажкино утверждали, что улика — рация — была обнаружена немцами при разведчицах. Таким образом, на территории нашего Дзержинского района девушки проводили разведку неоднократно. Подтвердил это и житель деревни Рудня Алешин В.П. (1931 года рождения): *«В октябре 1941 года в нашей д. Ильинка Дзержинского района были немцы. У них была телефонная связь. Как-то осенним вечером меня подозвала к себе незнакомая девушка с большими косами, она попросила меня перерезать провод, то есть повредить телефонную связь фашистам. Я с радостью согласился. Девушка вытащила перочинный ножичек и протянула мне. Она заметила, как загорелись мои глаза и строго сказала: «Когда перережешь провод, обязательно брось его в колодец». И продолжила уже мягче: «Вот закончится война, знаешь, сколько таких ножичков у вас будет». Так я, десятилетний мальчишка, помог Маше Синельниковой выполнить задание»* [2].

5. Они живы в памяти народной

Сведениями о Надежде Прониной автор настоящей статьи — Наталья Николаевна Жажина — не располагала до декабря 2014 года; было известно только то, что она работала на заводе в Подольске, и обстоятельства гибели. Посредством Интернета было направлено письмо на этот завод, которое в Интернете же обнаружила Светлана Жбанова, ведущая поиски Надежды Петровны Прониной — родная внучка ее сестры. Светлана с мужем Максимом, детьми Анной и Иваном посетили автора в пос. Товарково и познакомились с ее архивом. Полученные здесь документы помогли семье Жбановых оформить большую выставку о героически погибшей родственнице. Их работа, с которой дети Анна и Иван участвовали в конкурсе школьных проектов, заняла первое место в Московской гимназии № 1786. Несколько оформленных стендов родственники Н.П. Прониной передали в краеведческий музей, в музей лицея № 5 г. Подольска; в школьный музей Товарковской средней школы № 2.

9 мая 2015 года в Москве прошла акция «Бессмертный полк». Другая родственница Нади Прониной Ирина Кульгавчук (тоже внучка сестры) и ее дочь Мария приняли участие в многотысячном шествии. У девочки-школьницы телеведущая первого канала взяла интервью. Так всей России Мария рассказала о своей героической прабабушке Надежде Петровне Прониной и показала ее фото.

Итоги общей поисковой деятельности Н.Н. Жажиной и семьи Жбановых:

1. 22 апреля 2015 года в г. Подольске состоялось открытие мемориальной доски в память о Маше Синельниковой и Наде Прониной на зда-

нии школы, которую девочки окончили в 1941 году; на это торжество была приглашена автор статьи со своими учениками из Товарковской школы № 2.

2. 8 мая 2015 года семьями Жажиных, Жбановых, а также директором Товарковской средней школы № 2 Н.А. Сафоновой установлена новая памятная доска на месте расстрела комсомолок в д. Корчажино.

3. Предоставлены фотоматериалы для сайта «Еврейский мемориал», где есть страничка, посвященная Маше; там же внесены изменения в год рождения Синельниковой, записано ее настоящее имя Мира Вульфовна, внесены дополнения о Прониной Н.П.

4. Юноры Товарковской школы № 2 подготовили материалы о комсомолках-разведчицах и направили в газеты «Товарково», «Новое время», в областную электронную газету «Лаймикус». Материал оказался востребованным. Работник областного военкомата Кузьмин Игорь Станиславович в телефонном звонке поблагодарил за статью в газете, которая ему помогла в работе с родственниками Нади Прониной.

Источники и литература

1. Архив автора. Воспоминания Алешина Василия Ивановича, жителя д. Чапаевка (запись Н.Н. Жажиной, 20 мая 2012 г.).

2. Архив автора. Воспоминания Алешина Василия Петровича о встрече с партизанкой Синельниковой в октябре 1941 г. в д. Ильинка (запись Н.Н. Жажиной, январь 2005 г.).

3. Архив автора. Воспоминания Соловьёвой Татьяны Гавриловны, жительницы д. Корчажино (запись Н.Н. Жажиной, сентябрь 2004 г.).

4. Архив автора. «История Нади длиной в 70 лет» — записки Жбановой Светланы Дмитриевны, родственницы Надежды Петровны Прониной.

5. Архив автора. Копия воспоминаний, написанных Глухой Елизаветой Ивановой для Государственного комитета по радиовещанию, отдела программы «Пионерская зорька».

6. Архив автора. Копия воспоминаний, написанных Мельниковой Матреной Дмитриевной для Государственного комитета по радиовещанию, отдела программы «Пионерская зорька».

7. Архив автора. Письмо сотрудников краеведческого музея г. Черикова (Белогорская, Могилевская обл.).

8. Архив Московского университета лингвистики.

9. Брагинцев И., Брук И., Лагутенко К. Поиск продолжается // «Ленинское знамя» (газета). 1969. 14 сентября.

10. Жученко В. По следам подвига // «Подольский рабочий» (газета). 1966. 4 ноября.

11. Музей лицея № 5, г. Подольск.

12. Они живут в памяти народной. — М.: «Советская Россия», 1969.

13. Торпусман Л. Наши девочки // «Еврейский камертон» (еженедельное приложение к газете «Новости недели», Израиль). 1999. 26 августа. См. также текст на сайте: <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=5572>

14. «Советский студент» (газета). 1967. 20 января.

Они родом не из детства — из войны (очевидцы гибели жителей деревни Чапаевки 19 января 1942 года)

Жажина Н. Н.

*Товарковская средняя общеобразовательная школа № 2,
пос. Товарково Калужской области*

Если б все погибшие ожили,
Если б вновь забились их сердца,
То великий праздник был бы в мире
И ему бы не было конца.

Среди сельских поселений Дзержинского района Калужской области есть деревенька Чапаевка (рис. 1). Шесть ветхих жилых домов; сторбленные старушки, доживающие свой век в родных избах, с грустью смотрят вслед несущимся летом по шоссе модным автомобилям.

На окраине деревни в тени корявой груши укрывается одинокая могила (рис. 2). Несколько раз за лето автор статьи, направляясь через Чапаевку в лес за грибами и ягодами, оставляет на могиле цветы.

Надпись на черном граните памятника гласит, что покоятся здесь 22 человека, в основном женщины, старики и дети, жители этой деревни, погибшие 19 января 1942 года, в день освобождения района от фашистов. Местные женщины передают рассказ о страшной трагедии, разыгравшейся в январские дни 1942 года.

Гапонова Нина Григорьевна (рис. 3, 1935 года рождения), коренная жительница Чапаевки:

«Жили мы в нашей деревне всегда дружно, как одна большая семья. Детей в деревне было много: свои деревенские, да еще беспризорники, которых в семьи колхозников определяли. У нас даже начальная школа работала.

Рис. 1. Деревня Чапаевка

Рис. 2. Братская могила
в д. Чапаевке

У нашей мамы была швейная машинка Зингер. Ситец тогда был по 50 копеек. И мама шила нам и соседским девочкам нарядные платья с крылышками, оборочками. Летом дети ходили собирать землянику. Места-то у нас ягодные. Наберем полные туески, на палочку через плечо — и в Якшуново. Там на рейсовый автобус — и в Калугу ездили продавать. Отдыхали по пути только в д. Булгаково, там посидим у родничка, водицы попьем и дальше... И все наши радости закончились, когда в деревню пришли немцы.

Мне тогда было 6 лет.

Зима 1942 года стояла морозная и снежная. Снега в рост человека, такое впечатление, что идешь по высокому, белому, снежному коридору.

Немцы жили в нашей хате, спали на полу; мы, дети, как мыши, сидели на полатах.

Идет бой за деревню. Кругом стрельба, огонь. Жители прячутся, где могут. Некоторые нашли укрытие в единственном каменном здании (рис. 4).

Другие — в просторном погребе у дома Кралиных. 22 человека спрятались там от пуль и снарядов. И все больше женщины, старики и дети. Там была Кралина Анна с семьей детьми. Дедушка со слепой женой-старушкой и их дочь с ребенком. Беременная Хомякова Степанида с дочкой Зиной, моей подружкой, с сыном Михаилом и еще двумя детьми, ее старая мать.

Свекровь Хомяковой Степаниды подбежала к погребу и все

Рис. 3. Гапонова Н.Г

Рис. 4. Каменный дом — укрытие жителей Чапаевки во время боя

просила, чтоб невестка отдала ей маленького Мишу. А молодая мать кричала: «Если умрем, так вместе». Принесли и опустили в погреб двух раненых советских бойцов, которых русские женщины прятали у себя в домах и выхаживали.

Погреб был большой и глубокий, а крыша соломенная. От трассирующих пуль крыша нашего убежища загорелась, началась паника, все лезли по деревянной лестнице наружу. Люди обезумели. Лестница не выдержала и сломалась. Меня мать как-то вытащила за шиворот. Мы раздетые под пулями ползли к лесу, не вставая. Бежала вместе с нами чья-то корова. Когда пролетали над нами самолеты, корова возвращалась и падала рядом с нами, а то и на нас: то ли прикрывала нас собой, то ли ей тоже страшно было — вот и жалась к людям. На поле лежали

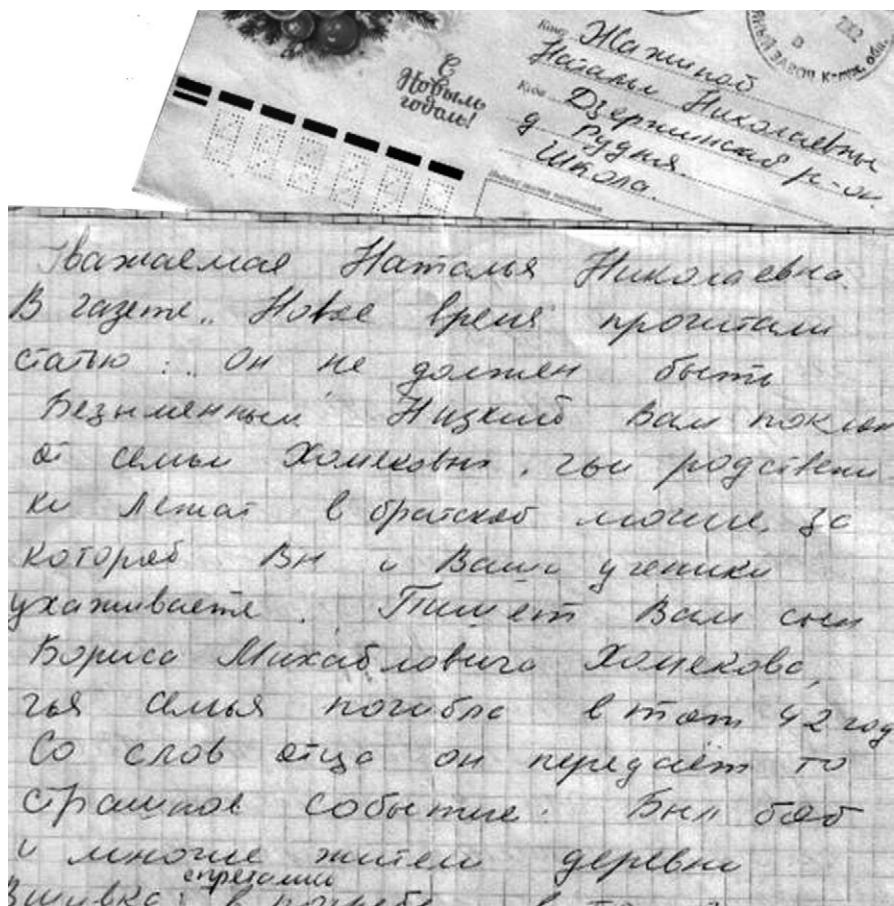

Рис. 5. Письмо М.Б. Хомякова

убитые немцы, советские солдаты; мы переползали прямо через них, не боясь мертвых.

Только в лесу, спрятавшись за деревьями, встали; коленки все ободраны, в крови. Деревня полыхает, и погреб горит, а в нем горят люди. Среди них и моя подружка. Что мои кровавые коленки в сравнении с тем, какую смерть приняла моя подруженька, шестилетняя Зиночка!

В 1945 году пришёл с войны Борис Михайлович Хомяков, отец подружки Зины, а встречает-то его только мать. Ни жены, ни детей в живых не осталось. Помню его, сидящего на могильном холмике, в гимнастёрке, пилотку в руках комкает, и слезы текут по лицу. Такая судьба, видно, была не у одного Бориса Михайловича, а у многих русских солдат. Иначе не написал бы Михаил Исаковский стихи «Враги сожгли родную хату», которые потом стали тяжелой песней. В ней будто нашли отражение события, совершившиеся в нашей Чапаевке.

Потом Борис Михайлович стал председателем колхоза, хлопотал, чтоб была оградка и скромный памятник на могиле. Ведь долгое время место гибели людей было огорожено жердями. Только в 1972 году поставили памятник и ограду. Собралась вся деревня. Было очень много слёз и воспоминаний».

Сын Бориса Михайловича — Михаил Борисович Хомяков, родившийся после войны и названный в честь сгоревшего в погребе мальчика, прислал автору и ее ученикам письмо (рис. 5) с благодарностью за сохранение памяти о погибших, за то, что ухаживают за могилой.

Зименкова Анна Ивановна (рис. 6, 1934 года рождения) запомнила страшный январский день следующим образом:

«Вся наша семья тоже спряталась в погребе. Мать Прасковья Петровна зачем-то вылезла наружу. Спустя время, подбегает к погребу беспризорник и кричит, что нашу мамку убило. Мы, дети, кинулись к старой деревянной лестнице, нам помогли выбраться наружу. Стали отпол-

Рис. 6. А. И. Зименкова

зять от погреба, подняться нельзя: стрельба кругом, избы горят. Вдруг на наших глазах трассирующая пуля угодила в соломенную крышу погреба. Все запольхало. Не сразу мы поняли тогда, какой страшной смерти избежали. А мальчишка — беспризорник ошибся, наша мамка оказалась жива. Нашли мы ее, а она рвется в погреб, потому что оставила там узелок с хлебом, сухарями и солью. Думала, родимая, чем нас, деток, кормить будет. Никто ее не смог удержать, спустилась она в погреб. А там от запаха парного человеческого мяса ее начало рвать. Ничего она не нашла, ее еле из погреба вытащили. Потом мамка рассказала, что большинство людей задохнулось в убежище от дыма. Когда она спускалась туда за узелком, там кто сидел мертвым, кто лежал. Одна беременная в погребе, видимо, родила, малыш новорожденный, конечно, погиб.

Весной, когда все начало таять, от погреба пошел сильный запах. Все жители деревни, кто мог, вышли закапывать сгоревших в погребе. Так появилась в нашей деревне братская могила, в которой покоятся мирные жители, принявшие мученическую смерть, и среди них много детей».

Говорят, что у всех есть детство — счастливая пора. Насколько же не вяжутся эти слова с тем, что пришлось пережить в пяти-шестилетнем возрасте Нине Григорьевне и Анне Ивановне. Черный дым пожара, темнота погреба, где люди пытались спасти свои жизни, красный пугающий цвет человеческой крови, смерть близких людей — вот их детство, накрытое черными крыльями войны. Но все равно это ЖИЗНЬ, а не СМЕРТЬ, оборвавшая детство Миши, Зины Хомяковых, только рожденного малыша и других безымянных детей.

Такое никогда не должно повториться!

Братская могила и памятник в селе Палатки Юхновского района

*Бирюкова М. А.
Краевед, г. Москва*

*Коваленко А. С.
Национальный парк «Угра», г. Калуга*

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают.
К ним кто-то приносит букеты цветов
И вечный огонь зажигает...

В. Высоцкий

На окраине села Палатки Юхновского района, на высоком берегу реки Угры, рядом со старинной церковью Преображения Господня находится большая братская могила солдат и жителей села, погибших в годы Великой Отечественной войны, большинство — в 1942-м, самом страшном для Палаток году. Возникла она, по документам, в феврале 1942 года. Все послевоенные годы жители села и приезжающие на лето «дачники» бережно ухаживают за могилой: убирают, поправляют, вырывают сорную траву, приносят цветы. Ведь это памятник не только тем, кто здесь похоронен, но также всем жителям села Палатки, которые ушли на фронт и не вернулись. А в Палатках нет семьи, которой бы не коснулась война. Каждый год на День Победы сюда приходит много людей, чтобы почтить память погибших. В Палатках есть ещё два старинных памятника истории и культуры — это сама церковь Преображения Господня 1792 г. и здание усадьбы помещика Карпова, которые находятся в ужасном состоянии, не охраняются и не восстанавливаются. Но памятник погибшим в войну 1941–1945 годов воинам хранится свято.

(Кстати, хотя по почтово-адресному подразделению Палатки и называются «деревней», но фактически это село, т.к. в старину на Руси селом назывался населенный пункт, в котором построена церковь. А в Палатках церковь есть, пусть она и не действующая, и существовал храм Божий здесь ещё со времён древнего города Опакова — сначала деревянный, а потом каменный, который стоит уже 223 года. А вот соседние селения — на самом деле являются деревнями, в них церквей не было и нет).

Ряд документов 1954–2015 гг. отражают постепенное видоизменение братской могилы и возрастание её роли в увековечении памяти павших. В приводимом далее перечне под № 1–5 помещены выдержки из документов, хранящихся в г. Юхнове, в краеведческом музее, под № 6, 7, 10 — опубликованных на интернет-сайте «Объединённый банк данных «Мемориал»» [4], под № 9 — на сайте Законодательного Собрания Калужской области, № 11 — современные наблюдения; грамматические особенности документов сохранены:

1. Паспорт исторического памятника (не здания) «Братская могила № 8 (по списку памятников, утверждённому Юхновским Райисполкомом)» от 22–29 октября 1954 г. Документ оформлен в период 29.10.1954 г. — октября 1956 г. Памятник, официально называемый «Братской могилой воинов Советской армии, погибших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», находится на территории Палатковского с/совета, колхоза им. Кирова, в д. Палатки восточнее церкви 10 м. Согласно легенде о количестве захороненных (которая находится в Юхновском райвоенкомате) в братской могиле захоронено 79 человек; воинские звания и фамилии не установлены. На октябрь месяц 1956 г. запланированы установка скульптурного памятника Брацуна и ремонт; памятник по проекту Брацуна привезен, но не установлен; предполагается сделать постамент под скульптуру Брацуна, установить ограду, изготовить и закрепить мемориальную доску. (Видимо, установка памятника была приурочена к 10-летию Победы).

2. Охранное обязательство по историческому памятнику (могиле) «Братской могиле в северо-западной стороне д. Палатки Палатковский с/совет» от 22–29 октября 1954 г. Документ подписал 29.10.1954 г. председатель колхоза им. Кирова Палатковского с/сов. тов. Стёпкин С.И. Ответственным за сохранность могилы и памятника является правление колхоза им. Кирова.

3. Акт технического осмотра исторического памятника (могилы) от 29 октября 1954 г. (№ 34). Общее состояние памятника удовлетворительное, имеется деревянный памятник пирамидообразной формы. На могильном холме насаждений нет; в пределах охранной зоны на северо-западной стороне насажена сирень на расстоянии от могилы 5 м, длиной вдоль могилы на 10 метров. Имеется деревянная ограда (шта-

кетник размером 3х4 м, высотой 1,5 м), ограда покрашена. Могильный холм обложен дёрном, высота холма 0,5 м. Надгробие — не имеется. Площадь, занимаемая памятником — 30 кв. метров.

4. Паспорт исторического памятника (не здания) 11 июля 1959 г. Этот второй паспорт захоронения был составлен инспектором Юхновского отдела культуры Косаревой А. К. В кратком описании памятника указано: «Ограда деревянная. На могиле установлено надгробие скульптора Брацуна». Охрана памятника и надзор за его состоянием возложены на Палатковский с/совет и Палатковскую семилетнюю школу.

5. Охранное обязательство по историческому памятнику (могиле) «Братская могила погибших воинов Советской Армии в годы Вел. Отеч. в-ны (дер. Палатки)» от 7 июня 1961 год. Подписано представителем правления колхоза им. Кирова (подпись неразборчива). В этом, более позднем документе (в отличие от охранного обязательства 1954 г.) подчеркивалось, что Памятник является «неприкосновенным всенародным достоянием».

6. Учётная карточка воинского захоронения от 1 августа 1991 г. Подписана Юхновским военкомом В. Тонконогом и председателем райисполкома Н. Н. Котовым. «Состояние захоронения (10х15 м) хорошее. На братской могиле установлен памятник из гипса, скульптор Брацун. Могила обнесена металлической оградой. Надмогильный холм одернован, посажены цветы. Количество захороненных 230 (в т. ч. 6 известных и 224 неизвестных). Над захоронением шефствуют Совхоз «Угра» и Колыхмановская 7-летняя школа». Известны были имена следующих захороненных в братской могиле с. Палатки: Багаутдинов Ф. К., Добрынин Я. Д., Еремин И. Е., Жаворонко Я. Д., Рухая А. В., Рахимбеков В. (Номер захоронения в ВМЦ 40–421). *Следует пояснить: по рассказам местных старожил, после войны братских могил на территории села было несколько (4 или 5), в разных местах; над ними стояли небольшие памятники пирамидальной формы, со звездой наверху. В 1950-е годы, перед установкой большого памятника решили все захоронения объединить, останки погибших перезахоронить в одну могилу, рядом с церковью, по древнему русскому обычаю, что и было сделано. Этим и объясняется разное количество похороненных воинов в братской могиле у церкви в 1954 и 1991 годах.*

7. 6-й том Книги Памяти Калужской области, 2000 г. Братская могила в Палатках упомянута в перечне учтённых воинских захоронений, указано количество покоящихся в ней воинов — 230 человек, из них имена 24-х уже известны и 206-и неизвестны [3. С. 407].

8. 15-й том Книги Памяти Калужской области, 2007 г. Весь том посвящен Юхновскому району и содержит информацию о 135-и воинах, похороненных в братской могиле с. Палатки, имена которых известны;

также отмечено: «Кроме того, в могиле покоится прах 206 воинов, имена которых неизвестны» [2. Т. 15. С. 387–391].

9. «Сведения о военно-мемориальных объектах, расположенных на территории МР «Юхновский район» и нуждающихся в ремонте (восстановлении, реконструкции и т.д.) по состоянию на 01.04.2013 года». На территории МО СП «Деревня Колыхманово» находится «Братская могила, д. Палатки. 1942. На братской могиле в 1957 г. установлен памятник из гипса, скульптор Брацун». Стоимость капитального ремонта памятника оценивается в 500 тыс. р.

10. 22-й том Книги Памяти Калужской области, 2014 г. Опубликованы дополнительные перечни погребённых воинов, имена которых установлены уже после выхода предшествующих томов, в т.ч. для Палаток — 3 человека [2. Т. 22. С. 523].

11. 2015 год. К 70-летию Великой Победы братская могила в с. Палатки действительно была основательно отремонтирована (рис. 1) — выровнен грунт возле могилы, спилены старые засохшие деревья, сделаны отмостки и отсыпка песком, починен, поправлен и заново покрашен памятник, а самое главное — наконец-то рядом с братской могилой был установлен памятный стенд с именами похороненных здесь воинов. На нём написано: **«Вечная память героям, павшим в боях за Родину! Всего в могиле покоится прах 341 воина, из которых имена 203 вои-**

Рис. 1. Жители с. Палатки у братской могилы,
9 мая 2015 года (фото М.А. Бирюковой)

нов неизвестны». Таким образом, стенд воспроизводит данные из Книги Памяти [2. Т. 15. С. 387–391; Т. 22. С. 523].

Местами гибели и первоначального захоронения воинов, известных поимённо, в Книге Памяти значится ряд деревень Юхновского района: собственно Палатки (26 человек), соседние Коноплёвка (12), Устиновка (71), Плоское (1); расположенные в противоположной, западной части района Кувшиновка (1), Лосины (6), Гриденки (1); а также Юхновский район без указания населённого пункта (18). Причина такой разбросанности состоит в одной особенности Книги Памяти: при отсутствии точных сведений о месте захоронения (перезахоронения) воина последний путём различных умозаключений приписывается к одной из ныне существующих братских могил. Остаётся вероятность, что его останки покоятся в другом месте, но при этом хотя бы условно определяется могила, посещением которой можно почтить память этого воина.

Для уточнения мартиролога погибших в окрестностях Палаток авторы настоящей статьи обратились к объединённому банку данных «Мемориал» [4], включающему сканы документов по учёту людских потерь в период Великой Отечественной войны, позднейшую документацию на воинские захоронения и розыск погибших, Книги Памяти разных регионов. С помощью поискового инструментария банка были запрошены сведения о воинах, погибших в районе деревень, которые относились в годы войны к Палатковскому сельскому совету: Палатки, Коммуна, Коноплёвка, Озерки, Олоньи Горы. При составлении запросов использовались также устаревшие написания, фигурирующие на картах военного времени — «Полатки» и «Алоньи Горы», и искажённые написания из исторических документов — «Полотки» и «Оленьи Горы».

Все эти селения, кроме Озерков, лежат на берегах Угры. Правда, деревня Коммуна (или Богдановская Коммуна, как её раньше называли) ныне не существует, последние жители покинули её в 1960-е годы. В силу краеведческой направленности настоящей статьи, Устиновка и другие деревни, не входившие в территорию Палатковского сельсовета, были оставлены за пределами поиска.

В результате поиска выяснилось, что надмогильный перечень и его источник — поимённые списки Книги Памяти требуют в одной части сокращения, в другой расширения.

Во-первых, обнаружилось, что в Книгу Памяти ошибочно включены бойцы войсковых формирований, никогда не воевавших в районе Юхнова. Это 22 человека из 331-й сд и её 1104-го сп, 352-й сд и её 1160-го сп, 35, 49-й осбр. В работе по учёту погибших Книга Памяти имеет статус официального итогового документа; видимо, по этой причине в справках банка «Мемориал» местом захоронения указанных бойцов значится «д. Палатки, Юхновский р-н». Но в первичных документах, прилагаемых

к справкам, в ряде случаев указано действительное место дислокации отмеченных частей — «д. Палатки, Кармановский р-н», а на страницах Книги Памяти регионов, уроженцами которых были погибшие — «д. Палатки, Гагаринский р-н». Это одно и то же место; близ юхновских Палаток есть деревня Карманово, но последняя не имеет отношения к довоенному Кармановскому району. Захоронения бойцов 331-й сд относятся к местности «д. Палатки, Кораблинский р-н, Рязанская обл.».

Во-вторых, 7 человек, учтённых Книгой Памяти без указания номера части, также оказались захоронены в Кармановском (Гагаринском) районе — Дубовиков А.И., Ефимов Н.И., Кучумов М.И., Левашов Ф.И., Нуретдинов Ш., Степанов Ф.С., Шаганов И.Г.

В-третьих, для 1 человека — Антонюка Г.Ф. — учтённого как «погибший в Юхновском районе», первичные документы указывают более точное место первоначального погребения — Колыхманово (за пределами Палатковского сельсовета). Другие воины с неустановленным местом гибели служили преимущественно в 5-й гв сд и 173-м гап, и по первичным документам погребены именно в Палатках. Для некоторых бойцов причисление к Юхновскому району не нашло ни подтверждений, ни документальных опровержений, поэтому нет основания исключать их из мартиролога, пускай дата их гибели — август 1942 г. — совпадает с разгаром боёв в Кармановском районе.

В-четвёртых, было выявлено 26 воинов, погибших в районе Палаток и не учтённых Книгой Памяти. В приводимом далее уточнённом перечне жирным шрифтом показаны имена, содержащиеся в Книге Памяти (и намогильном перечне), обычным шрифтом — установленные при написании данной статьи.

Первоначально похоронены в районе деревни Палатки — 42 человека

1. Алеев Абрагим Сагимуллович (1916–13.02.1942), сержант, 5 гв сд, убит.
2. **Багаутдинов Фаттах Кашапович** (?– 09.08.1942), рядовой, убит.
3. Балобаев Николай Егорович (1911–22.02.1942), сержант, 173 гап (в/ч 1667), убит.
4. Бахтинов Иван Гаврилович (1920–13.02.1942), сержант, 5 гв сд, убит.
5. **Ваньянц Михаил Григорьевич** (1913–16.04.1942), красноармеец, 470 сп, 194 сд, убит.
6. Вольский Василий Михайлович (1894–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
7. **Добрынин Яков Дмитриевич** (?–16.02.1942), ст. сержант, 173 гап (в/ч 1667), убит.

8. **Еремин Иван Егорович** (1917–13.02.1942), сержант, 5 гв сд, убит.
9. Ефремов Дмитрий Иванович (?–16.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
10. **Жаворонко Яков Давыдович** (1919–28.01.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
11. Залепухин Василий Семенович (1921–14.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
12. Захаров Михаил Сергеевич (1915–11.01.1942), лейтенант, 340 сд, убит.
13. Иванов Владимир Иванович (1922–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
14. **Идрисов Аргулла** (?–02.02.1942), умер от ран.
15. Карагуллин Михаил Тимофеевич (1910–22.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
16. **Киреев Евгений Григорьевич** (1916–24.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
17. **Ковалёв Сергей Прокопович** (? –?), убит.
18. Кравченко Николай Антонович (1922–16.02.1942), ст. лейтенант, 173 гап (в/ч 1667), убит.
19. Кучужев Ислам Губанович (1922–13.02.1942), сержант, 5 гв сд, убит.
20. Лапшин Борис Федорович (1915–16.02.1942), ст. лейтенант, 173 гап (в/ч 1667), убит.
21. Ложев Осип Алексеевич (1917–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
22. **Лукьянов Василий Васильевич** (1918–02.1942), красноармеец, убит.
23. Малаедеев Александр Федорович (1922–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
24. Мановский Федор Сергеевич (1900–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
25. Мухутдинов Ибрагим Хуснетдинович (?–08.1942), рядовой, убит.
26. Немцев Михаил Федорович (1922–13.02.1942), мл. сержант, 5 гв сд, убит.
27. Нечволодов Иван Иванович (1911–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
28. **Никулин Дмитрий Михайлович** (1905–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
29. **Орлов Андрей Федорович** (1917–22.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
30. Павлов Андрей Павлович (1913–07.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.

31. **Рахимбеков Ванил** (1914–22.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
32. Романов Александр Сергеевич (1921–18.02.1942), красноармеец, 304 птап, убит.
33. **Рухая Акакий Засимович** (?– 17.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит
34. Соков Дмитрий Павлович (1902–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
35. Соловьев Иван Прокопьевич (1912–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
36. **Усов Иван Иванович** (1903–14.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
37. Фомин Павел Федорович (?– 16.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
38. Хабидуллин Махамадула (1912–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
39. **Хромов Петр Тимофеевич** (1906–13.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
40. **Чагин Изосим Дмитриевич** (1896–07.08.1942), красноармеец, убит.
41. Чингалиев Жумажан (?–16.02.1942), красноармеец, 173 гап (в/ч 1667), убит.
42. Шкуратов Григорий Иванович (1917–09.02.1942), ст. сержант, 173 гап (в/ч 1667), убит.

Палатки, расположенные в 8 км восточнее Юхнова, были затронуты боевыми действиями в начале 1942 г. при попытке советской 50-й армии взять этот город — один из оплотов вражеской обороны. Некоторые части армии приблизились к Юхнову по шоссе с юго-восточной стороны и затем двинулись вправо по сельской местности, охватывая город. При этом 11 января войсками 340-й сд была занята д. Палатки [3. С. 625]; в представленный выше перечень входит один офицер этой дивизии. 14 января противник сумел упрочить своё положение, выдвинув силы в район Палатки — Олоньи Горы — Угольница — Карий [1. С. 217]. Части 50-й армии продолжили попытки пробиться в эту местность со стороны шоссе. В частности, 217-я сд и Тульский рабочий полк; 6 февраля они были переданы в подчинение 49-й армии [3. С. 644], которая всеми силами наступала на Юхнов с восточной стороны как вытесняя из деревень немецкие гарнизоны, так и обходя их по лесным дорогам. В её состав входили образовавшие основную часть мартиролога 5-я гв сд и 173-й гап и единожды упомянутый 304-й птап.

Местные старожилы, в т.ч. прабабушка автора данной статьи М.А. Бирюковой — Алексанина Прасковья Васильевна, говорили, что Па-

латки раз пять переходили из рук в руки. Из уст в уста передаётся рассказ о том, как зимою в оккупированные немцами Палатки вошёл десантный отряд лыжников-красноармейцев, одетых в белые маскхалаты. Немцев в это время в селе не было. Бойцы разместились в домах на ночлег. А сельский староста, назначенный немцами, бывший председатель колхоза, и ещё один человек из местных решили сообщить об этом немецкому начальству, испугавшись, что немцы расстреляют жителей села за недоношение. Ночью они отправились в соседнее селение, где размещались оккупанты, и доложили о пришедшем отряде. Вскоре село было окружено немецкими войсками. Комиссара застрелили через окно, а остальные наши бойцы, услышав выстрелы и надеясь спастись, выскакивали кто в дверь, кто в окно и бежали к лесу. Но чтобы добраться до леса, надо перебежать через небольшое поле. И здесь, в поле всех наших солдат положили немецкие стрелки. Может быть, кто-то и был просто ранен, и его можно было бы спасти, но немецкие начальники под страхом расстрела запрещали местным жителям подходить к нашим солдатам в течение трёх дней. Так что, если кто и не был убит сразу, то умер от холода — морозы стояли сильные. Когда Палатки снова заняли советские части, то старосту и его помощника арестовали и куда-то увезли. Больше их в деревне не видели.

В хронологии потерь под Палатками, согласно приведённому перечню, выделяется 13 февраля — учтено сразу 13 убитых. 22 февраля перед фронтом 49-й армии противник удерживал рубеж Кольхманово — Устиновка — Савонино — Пречистое [3. С. 650]. Палатковский сельсовет находится восточнее и занят советскими войсками, однако в этот день и 24 февраля зафиксирована гибель бойцов-артиллеристов. Обе воевавшие стороны продолжали активно маневрировать и атаковать до освобождения Юхнова 5 марта, после чего немцы в район Палаток уже не прорывались. Деревня была сожжена дотла, все деревянные строения сгорели, остались только кирпичные строения да погреб, где и спасались оставшиеся в живых местные жители, в том числе и Прасковья Васильевна с малолетними детьми.

До сих пор на территории деревни остались ямы-воронки от взрывов, их здесь называют «бомбёнки». И до сих пор находятся на огородах неразорвавшиеся во время войны снаряды, гильзы. Несколько лет назад в центральной части Палаток, копая колодец, рабочие обнаружили авиабомбу.

При выявлении бойцов, погибших в других деревнях, из перечня Книги Памяти были исключены 3 человека (Машков А.Г., Суханов Я.Г., Школкин М.К.), учтённые как погибшие в Коноплёвке — первичные документы называют дд. Коноплянку Тёмкинского р-на, Коноплянку Ульяновского р-на, Конецполье Бярятинского р-на. 9 человек (в приводимых далее перечнях выделены жирным шрифтом) учтены Книгой Памяти как похороненные в Палатках, 62 (выделены жирным курси-

вом) учтены как похороненные в Юхнове, куда в 1950-е гг. переносились небольшие воинские захоронения из восточной части района [2. Т. 15. С. 430–546; Т. 22. С. 545–558]. Упокоенными в этой же могиле ошибочно числятся несколько человек, фактически похороненные в д. Озерно Ульяновского района, принятой за наши Озерки. 115 бойцов (записаны обычным шрифтом) не учтены; они могут покоиться в Палатках, а также в Юхнове или в прежних, забытых ныне могилах.

Первоначально похоронены в районе деревни Коммуна — 2 человека

1. Большаков Василий Васильевич (1914–09.03.1942), сержант, убит.
2. Никитин Василий Степанович (?– 24.04.1942), мл. лейтенант, 16-й пп ВВ, убит.

Первоначально похоронены в районе деревни Коноплёвка — 50 человек

1. Абрамов Михаил Кузьмич (1913–14.02.1942), сержант, 5 гв сд, убит.
2. Артамонов Николай Дмитриевич (?–?), красноармеец, 34 оадн, убит.
3. **Бараев Павел Николаевич** (?–14.02.1942), убит.
4. **Баранов (Барашов) Владимир Иванович** (1923–18.02.1942), красноармеец 21 гв сп, 5 гв сд, убит.
5. Беляков Николай Андреевич (1923–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
6. **Бондарев Иван Герасимович** (1920–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
7. **Бондарев Иван Герасимович** (?–23.03.1942), красноармеец, убит.
8. Вабирин Василий Михайлович (1915–24.02.1942), ст. лейтенант, убит.
9. Горбунов Николай Захарович (1913–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
10. Григорьев Михаил Иосифович (1916–17.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
11. Дрожжищих Николай Павлович (1912–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
12. **Дыбленко Василий Харлампович** (1907 —?), убит.
13. Кайменский Михаил Иванович (1910–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
14. **Ковалев Захар Васильевич** (1903–14.02.1942), гвардии красноармеец, 21 гв сп (765 сп), 5 гв сд, убит.

15. Костеров Василий Яковлевич (1912–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
16. **Крючков Сергей Андреевич** (1921–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
17. Максимов Анатолий Дмитриевич (1922–14.02.1942), мл. сержант, 5 гв сд, убит.
18. Мартыненко Владимир Григорьевич (1909–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
19. **Мигунов Александр Петрович** (1913–24.02.1942), мл. политрук, 830 сп, 238 сд, убит.
20. Музыченко Федор Федорович (1903–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
21. Муранов Иван Иванович (1922–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
22. **Нерадовских Трофим Артамонович** (1912–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
23. Огнев Константин Александрович (1921–17.02.1942), рядовой 34 осбр, убит.
24. Оськин Федор Евсеевич (1915–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
25. Пельх Николай Саввич (1919–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
26. Полухин Михаил Николаевич (1900–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
27. Поносов Петр Григорьевич (1906–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
28. Пронский Иван Матвеевич (1918–24.02.1942), ст. сержант, убит.
29. Репич Игнат Васильевич (1906–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
30. Рикисиков Петр Федорович (1916–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
31. **Рябов Степан (Стефан) Тихонович (Никонович, Николаевич)** (1908–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
32. **Савва Михаил Иосифович** (1918–14.02.1942), ефрейтор, 21 гв сп, 5 гв сд, убит.
33. Сарин Георгий Харитонович (1908–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
34. Свечников Георгий Максимович (1914–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
35. **Селаков (Семенов) Федор Николаевич** (1901–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
36. Семенов Александр Семенович (1922–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.

37. Сергеев Максим Ильич (?– 14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
38. Серов Василий Григорьевич (1902–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
39. Смирнов Александр Арсентьевич (1915–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
40. Солодков Александр Иванович (1909–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.
41. Стюжин Федор Гаврилович (1904–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
42. Сухоров Михаил Дмитриевич (1906–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
43. Токарев Петр Иванович (1913–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
44. Харченко Александр Николаевич (1914–24.02.1942), мл. лейтенант, убит.
45. Часников Георгий Иванович (1912–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
46. Часовников Тимофей Сергеевич (1904–14.02.1942), красноармеец, 5 гв сд, убит.
47. Шагатаев Кали (1918–14.02.1942), ст. сержант, 34 осбр, убит.
48. Шмаков Никифор Дмитриевич (1915–17.02.1942), красноармеец, 34 осбр, убит.
49. Южаков Георгий Трофимович (1912–14.02.1942), мл. сержант, 34 осбр, убит.
50. Янкин Илья Евдокимович (1905–14.02.1942), рядовой, 34 осбр, убит.

Хронология потерь — с 14 по 24 февраля, в т. ч. 31 человек погиб в первый день, 10 в четвёртый день.

Первоначально похоронены, пропали без вести в районе деревни Озерки — 5 человек

1. Исмагулов Ибрагим (?–08.08.1942), гвардии красноармеец 111 гв кп (в/ч 579), 7 гв кд, пп 1486, пропал без вести.
2. **Никитин Иван Артемович** (1900–04.03.1942), рядовой, убит.
3. **Саттаров Хайрулла** (1904–17.01.1942), красноармеец, 413 сд, убит.
4. **Сунгатуллин Акимаш** (1906–17.01.1942), красноармеец, 413 сд, убит.
5. **Шарапов Николай Давыдович** (1912–01.10.1941), красноармеец, 1 рб, 233 МСБ, умер от ран.

Отмеченная 413-я сд входила в 50-ю армию, завязавшую боевые действия в районе Палаток.

**Первоначально похоронены, пропали без вести
в районе деревни Олоньи Горы — 129 человек.**

1. Абросимов Василий Григорьевич (?–09.02.1942), сержант, в/ч 1653, 621 сп, умер от ран.
2. Агашов Г. М. (?–26.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
3. Андриянов Иван Васильевич (?–02.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
4. **Антонов Алексей Федорович** (?–24.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 29 ОМСБ, 830 сп, 238 сд (30 гв сд), умер от ран.
5. Анфолов Александр П. (?–02.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, умер от ран.
6. **Арещенко Иван Терентьевич** (?–11.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 511 гап, умер от ран.
7. Асташов Иван Ильич (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 765 сп, умер от ран.
8. **Баландин Василий Андреевич** (?–07.07.1943), красноармеец, 5480 ТППГ, 67 осб, 70 сд, умер от ран.
9. **Барков Василий Артемович** (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
10. Безус Иван Павлович (?–15.02.1942), лейтенант, в/ч 1653, 511 гап, умер от ран.
11. Бобунсов Петр Егорович (?–12.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 418 сп, умер от ран.
12. **Богданов Василий Агеевич (Алексеевич)** (?–26.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
13. Борков Василий Антонович (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
14. Брызгалов Александр Степанович (?–09.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 238 сд, умер от ран.
15. Бугаев Денис Д. (?–16.02.1942) красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
16. Булатов Алексей Григорьевич (?–17.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 128 сп, умер от ран.
17. Быков Дмитрий А. (?–27.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
18. Венепонов Григорий Федорович (?–25.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
19. **Вишняков Григорий Федорович** (?–25.02.1942), рядовой, 830 сп, умер от ран.
20. **Волкогионов Сергей Борисович** (?–14.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.

21. Воронкин Александр Степанович (?–08.02.1942), командир отделения, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
22. Ворфоломеев Семен Ефимович (?–14.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
23. Вощук Василий Георгиевич (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 128 сп, умер от ран.
24. **Головизин Михаил Савельевич (Сергеевич)** (?–16.02.1942), рядовой, в/ч 1653, умер от ран.
25. Горфиленко Кузьма Иванович (?–27.02.1942), рядовой, 830 сп, умер от ран.
26. Гришин Михаил Иванович (1904–16.03.1942), красноармеец, убит.
27. **Гроленко (Гориленко) Кузьма Иванович** (?–27.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
28. Груздев Николай Михайлович (?–19.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
29. Гуния Аконий Антонович (?–02.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
30. Гурдин Дмитрий Иванович (1905–26.03.1942), красноармеец, 892 отдельная телеграфно-строительная рота, 49 армия, умер.
31. Дауров Харитон Ильич (?–14.02.1942), командир взвода, в/ч 1653, 304 ап, умер от ран.
32. Дегтев Владимир Иванович (1910–16.03.1942), красноармеец, убит.
33. Деревянков Гр. (?–16.02.1942), лейтенант, в/ч 1653, 418 сп, умер от ран.
34. **Дубинин Михаил Иванович** (?–16.02.1942), рядовой, 616 сп, умер от ран.
35. Елизов Виталий Афанасьевич (?–20.02.1942), лейтенант, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
36. Ермей Максим Ефимович (?–22.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
37. Жиликов Николай Герасимович (?–17.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
38. Закружный Павел Яковлевич (?–26.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
39. Иванов Василий Иванович (?–18.02.1942), младший командир, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
40. **Иванов Василий Леонтьевич** (?–18.02.1942), сержант, 830 сп, умер от ран.
41. Иванов Кузьма Терентьевич (?–12.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 837 сп, 238 сд, умер от ран.
42. Иващенко Михаил Михайлович (?–18.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 151 сп, умер от ран.

43. Игнатьев Петр Николаевич (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 34 осбр, умер от ран.
44. Карпов Владимир Петрович (?–27.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
45. Кирсанов Анатолий Степанович (?–20.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 681 сп, 18 гв сд, умер от ран.
46. **Кичаев Лазарь Петрович** (?–18.02.1942), лейтенант (или рядовой), в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
47. Клыгин Яков Петрович (?–04.03.1942), сержант, в/ч 1653, 499 сп, умер от ран.
48. Козлов Василий Максимович (1914–16.02.1942), сержант, убит.
49. Койнов Александр Никитович (?–16.02.1942), мл. лейтенант, в/ч 1653, 30 осбр, умер от ран.
50. **Кокорин Егор Васильевич** (?–18.02.1942), рядовой, в/ч 1653, 38 олб, умер от ран.
51. **Коляков (Колянов) Петр Семенович** (?–24.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
52. **Котенко Николай Сергеевич** (?–24.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, умер от ран.
53. **Котов Андрей Матвеевич** (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 30 осбр, умер от ран.
54. **Кравченко Николай Антонович** (?–?), лейтенант, в/ч 1653, 173 гап, умер от ран.
55. Кувшинов Григорий Кузьмич (?–?), красноармеец, в/ч 1653, ЗСП, умер от ран.
56. Кузнецов Александр Егорович (1918–16.03.1942), красноармеец, убит.
57. **Кузнецов Александр Иванович** (1915–09.02.1942), мл. лейтенант, 149 ап, убит.
58. **Кузнецов Мирон Федорович** (?–16.02.1942), сержант, в/ч 1653, 765 сп, умер от ран.
59. **Кундрянчиков Афанасий Лаврентьевич** (?–18.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, умер от ран.
60. **Курличенко Афанасий Лаврентьевич** (?–16.02.1942), рядовой, в/ч 1653, 38 олб, умер от ран.
61. Лабада Василий Тимофеевич (1905–10.02.1942), красноармеец, убит.
62. **Лебедев Николай Алексеевич** (?–11.02.1942), рядовой, 837 сп, умер от ран.
63. **Линатов (Липатов) Григорий Александрович** (1914–17.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
64. **Лось Федор Якимович (Акимович)** (?–16.02.1942), рядовой, в/ч 1653, умер от ран.

65. Лысан Тимофей Борисович (?–14.02.1942), сержант, младший командир, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
66. Мальшеев Петр Васильевич (1909–09.02.1942), политрук, убит.
67. Манбеалинов Ахмет (?–06.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
68. **Масленников Алекс. Федорович** (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 34 осбр, умер от ран.
69. **Матвеев Николай Афанасьевич** (?–11.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 34 осбр, умер от ран.
70. Мельниченко Михаил Иванович (1917–16.03.1942), красноармеец, убит.
71. Менсуев Степан Николаевич (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
72. Мешков Андрей Алексеевич (?–24.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
73. Минкин Дмитрий Семенович (?–03.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
74. Мурашкин Александр Васильевич (?–15.02.1942), сержант, в/ч 1653, умер от ран.
75. **Мынбетакунов Ахмет** (?–02.02.1942), рядовой, 830 сп, умер от ран.
76. Нарыцин Николай Анатолиевич (?–25.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
77. Незесян Нерер Арсекович (?–24.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран
78. **Нелюбов (Нелюбин) Михаил Иванович** (?–22.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
79. **Никобадзе Уорит Константинович** (?–04.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
80. **Новочихин (Новичихин) Захар Захарович** (?–11.02.1942), мл. политрук, убит.
81. **Петров Алексей Иванович** (?–02.03.1942), рядовой, 830 сп, умер от ран.
82. Петров Алексей Степанович (?–02.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
83. **Петров Федор Петрович** (?–02.03.1942), рядовой, 843 сп, умер от ран.
84. **Пивоваров Василий Иванович** (?–14.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 661 сп, умер от ран.
85. Пивтурак Иван Иванович (?–25.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
86. Погорелов Владимир М. (?–27.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 668 сп, умер от ран.

87. Полтавский Понтелей П. (?–12.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 400 ап, 18 гв сд, умер от ран.
88. Попов Иван Степанович (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
89. Проколов Никифор Иванович (1895–04.1943), пропал без вести.
90. Пятых Иван Константинович (1919–15.02.1942), мл. лейтенант, убит.
91. **Резанов (Рязанов) Михаил Игнатъевич** (?–17.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 51 олб, 238 сд, умер от ран.
92. **Рябов Иван** (?–02.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, умер от ран.
93. Савганов Имет С. (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 34 осбр, умер от ран.
94. Свередонов Петр Федорович (?–14.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
95. Седой Ефим Филиппович (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 306 зп, умер от ран.
96. Селиванов Иван Васильевич (?–14.02.1942), мл. командир, в/ч 1653, 34 осбр, умер от ран.
97. **Сигаев Петр Иванович** (?–24.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
98. Сидоров Иван Тимофеевич (?–24.02.1942), лейтенант, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
99. **Скилев Василий Федорович** (?–18.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
100. **Скоробогатов Алексей Григорьевич** (?–16.02.1942), сержант, в/ч 1653, 521 сп, 18 Гв. сд, умер от ран.
101. Скощенко Василий Гаврилович (?–15.02.1942), в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
102. **Скрытник Мифодий (Мефодий) Васильевич** (?–13.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
103. **Смирнов Иван Осипович** (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 30 осбр, умер от ран.
104. **Совестьянов (Савостьянов) Иван Васильевич** (?–13.02.1942), рядовой, 755 сп, умер от ран.
105. Стариков Михаил Никитич (?–12.02.1942), сержант, в/ч 1653, 837 сп, 238 сд, умер от ран.
106. Строганов Борис Алексеевич (?–21.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 103 дорожно-эксплуатационный полк (103 мото-инженерный батальон), умер от ран.
107. **Струков Василий Павлович** (?–05.03.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
108. **Суворов Николай Иванович** (?–12.04.1942), рядовой, 843 сп, умер от ран.

109. **Тарасов Павел Дмитриевич** (?–14.02.1942), рядовой, 765 сп, умер от ран.
110. **Тарасов Павел Дмитриевич** (?–14.02.1942), рядовой, в/ч 1653, 579 сп, умер от ран.
111. Тебейкин Александр Анисимович (?–15.02.1942), заместитель политрука, в/ч 1653, 128 сп, умер от ран.
112. **Третьяков Николай Иванович** (?–27.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
113. Трофимов Павел Васильевич (?–14.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
114. Трущев Николай Иванович (?–27.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
115. **Тулунов Егор Васильевич** (?–26.02.1942), санинструктор, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
116. Тунтаев Адильбай (1913–26.01.1942), красноармеец, убит.
117. **Удалов Николай Николаевич** (?–16.02.1942), лейтенант, в/ч 1653, 693 ап, 238 сд, умер от ран.
118. **Федотов Корней Трифонович (Трофимович)** (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 765 сп, умер от ран.
119. **Холявин (Халявин) Александр Федорович** (?–23.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 51 олб, 238 сд, умер от ран.
120. Храпов Иван Михайлович (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
121. **Черных Петр Иванович** (?–12.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
122. **Честяков (Чистяков) Иван Сергеевич** (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
123. Честяков Николай Герасимович (?–15.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, умер от ран.
124. Шереметов Владимир Алекс. (?–16.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 830 сп, 238 сд, умер от ран.
125. **Шкляев Василий Федорович** (?–13.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 283 сп, умер от ран.
126. **Шмыгаль Федор Иванович** (?–16.02.1942), сержант, в/ч 1653, 843 сп, умер от ран.
127. **Шмыгалеv (Шмыгалов) Федор Иванович** (?–14.02.1942), сержант, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.
128. Щекин Петр Николаевич (?–11.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 693 ап, 238 сд, умер от ран.
129. Якушин Кирилл Семенович (?–27.02.1942), красноармеец, в/ч 1653, 843 сп, 238 сд, умер от ран.

Убитыми по списку числятся 10 воинов, в период 26 января — 16 марта. От ран умерли 118 воинов, преимущественно в период 8 февраля — 5 марта, трое позднее. В некоторых первичных документах указано: бойцы умерли в 397-м ОМСБ 238-й сд. В состав данной дивизии входили три стрелковых полка: 830, 837, 843-й. Как видно из перечня, в данный медсанбат также попадали бойцы других дивизий 49-й армии. Многие указанные в перечне воины служили в специальных частях (наподобие разведроты или батальона связи), которые в базе данных «Мемориал» оказались условно названы стрелковыми полками, поскольку первичные документы вместо полного или сокращённого наименования содержат лишь номер. 1 воин пропал без вести в 1943 г.

Итоги сверки установленного на захоронении перечня из Книги Памяти с данными о погибших на территории Палатковского сельсовета, по количеству человек:

81 — погибли за пределами сельсовета, включены в перечень,

32 — ошибочно включены как погибшие в районе Палаток, Коноплёвки, либо в Юхновском р-не,

25 — правомерно включены как погибшие в районе Палаток, Коноплёвки, либо в Юхновском р-не,

62 — погибли на территории сельсовета, согласно Книге Памяти перезахоронены в Юхнове,

141 — погибли на территории сельсовета, не учтены Книгой Памяти.

Кроме того, по рассказам местных жителей, во время войны в братских могилах с. Палатки хоронили не только погибших бойцов, но и расстрелянных немцами или погибших от голода, холода и бомбёжек местных жителей.

В завершение — несколько слов о намогильном памятнике (рис. 2). Скульптор Николай Иванович Брацун окончил факультет монументальной скульптуры Московского высшего художественно-промышленного (Строгановского) училища в 1953 году. Памятники погибшим воинам в Юхновском районе, установленные в 1954–1956 гг., являются, по-видимому, одними из первых его творений. Впоследствии ма-

Рис. 2. Памятник на братской могиле в с. Палатки (фото М. А. Бирюковой)

стер создаст ряд работ незаурядного уровня, по военной и общественно-политической тематике.

В Юхновском районе на воинских захоронениях установлены 4 памятника работы Н.И. Брацуна: в деревнях Палатки, Плоское, Тибеки и Гриденки. Интересно, что первые три — одинаковые. Это установленная на постамент скульптурная группа из бетона (иногда пишут — из гипса), изображающая молодых мужчину и женщину — комсомольцев в военной форме. Они стоят, склонив головы, и опускают траурный венок на могилу погибших товарищей. Девушка придерживает рукой полковое знамя. Памятник в д. Гриденки отличается: эта скульптурная группа из бетона изображает солдата, к груди которого припала, как бы ища опоры, безутешно скорбящая женщина.

Думается, что первый вариант памятника погибшим был выбран для установки сразу в трёх деревнях именно потому, что он не внушает смотрящим на него чувства безутешного горя. Глядя на этот памятник, понимаешь, что жизнь продолжается, что молодость — жива; он не вызывает ощущения безысходной тоски, а только чувство светлой грусти и понимание того, что мы будем помнить подвиг павших солдат, пока мы сами живы.

Список сокращений

ап — артиллерийский полк

в/ч — войсковая часть

гап — гаубичный артиллерийский полк

гв кд — гвардейская кавалерийская дивизия

гв кп — гвардейский кавалерийский полк

гв сд — гвардейская стрелковая дивизия

гв сп — гвардейский стрелковый полк

ЗСП — запасной стрелковый полк

МСБ — медико-санитарный батальон

оадн — отдельный артиллерийский дивизион

олб — отдельный лыжный батальон

ОМСБ — отдельный медико-санитарный батальон

осбр — отдельная стрелковая бригада

п/п — полевая почта

пп ВВ — пограничный полк внутренних войск

птап — противотанковый артиллерийский полк

ТППГ — терапевтический полевой подвижной госпиталь

сд — стрелковая дивизия

сп — стрелковый полк

Источники и литература

1. Битва под Москвой: Хроника. Факты. Люди. — М., 2002. Кн. 2.

2. Книга Памяти/Автор-составитель Романова Т.В. — Калуга, 2007–2014. Т. 15, 22.

3. Книга Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Калужская область. — Калуга, 2000. Т. 6.

4. <https://www.obd-memorial.ru>

Документы и публикации о трагедии 33-й армии в первой Ржевско-Вяземской операции. Кто виноват?

Грин Г.Я.

*Центральный музей Великой Отечественной
войны 1941–45 гг., г. Москва*

Чернов В.А.

Краевед, г. Москва

О боевых действиях 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова в ходе 1-й Ржевско-Вяземской операции в феврале-апреле 1942 г. изданы статьи, книги [4, 7, 8] и др., сняты телепередачи. Обычно из них следует, что неудачное проведение и окончание этой операции определяется негативными личными взаимоотношениями командарма М.Г. Ефремова и командующего Западным фронтом Г.К. Жукова, а также низким уровнем командования последнего. «Их послал на смерть Жуков» — это броско, доходчиво, и любому, проходящему мимо витрин книжных магазинов и развалов, сразу понятно, кто виноват, можно даже не читать всю книгу и не досматривать фильм до конца.

Но, при внимательном рассмотрении публикаций, из приведенных далее цитат зачастую никак не следует вывод о том, что главным виновником провала наступления армии М.Г. Ефремова являлся именно Г.К. Жуков. В приведенной на сегодняшний день доказательной базе нет исчерпывающих доводов, доказывающих эту точку зрения, нет, в большинстве случаев, и ссылок на подобные документы, т.е. проверить их наличие и достоверность, в большинстве случаев, невозможно.

Недостаточно проанализированы приказы и действия Ставки (которой подчинялся Командующий Западным фронтом Г.К. Жуков), действия Калининского фронта — равноценного партнера Западного фрон-

та по этой операции, а также других армий и частей Западного фронта, например 43-й армии (К. Д. Голубев) и кавгруппы П. А. Белова.

Без этого нельзя сделать окончательные выводы о степени вины каждого из участников этих событий. По нашему мнению, директивы Ставки, мемуары участников событий, в частности генерала П. А. Белова и командира его разведки А. К. Кононенко, генерала НКВД П. А. Судоплатова и других, позволяют снять с Г. К. Жукова столь тяжкие обвинения.

1. Документы ЦАМО РФ показывают, что данная операция была инициирована Ставкой, а Г. К. Жуков был таким же исполнителем, как И. С. Конев, командующие армиями обоих фронтов и нижестоящие, в порядке подчиненности, командиры.

7 января 1942 г., 20.40 — была издана Директива Ставки № 151141, из которой следует, что окружение Можайско-гжатско-вяземской группировки, в том числе и удар на Вязьму, были поручены Ставкой Западному и Калининскому фронтам, а их командующие — Г. К. Жуков и И. С. Конев — были исполнителями, а никак не инициаторами этого наступления. Эта директива, как и многие другие документы Ставки, Западного и Калининского фронтов, касающиеся этой темы, были опубликованы в 1997 г. в сборнике документов «Битва под Москвой» [3], подготовленном Институтом военной истории. Вот текст этой директивы:

«7 января 1942 г. 20.40

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает дальнейшие усилия Западного и Калининского фронтов направить на окружение Можайско-гжатско-вяземской группировки противника, для чего:

1. Командующему Калининским фронтом выделить часть сил для разгрома ржевской группировки противника и для занятия г. Ржев ударной группировкой силою двух армий в составе четырнадцати-пятнадцати стр. дивизий, кавалерийского корпуса и большей части танков, нанести удар в общем направлении на Сычевка, Вязьма с задачей, перехватив железную и шоссейную дороги Гжатск — Смоленск западнее Вязьма, лишить противника основных его коммуникаций. В дальнейшем совместно с войсками Западного фронта окружить, а затем пленить или уничтожить всю Можайско-гжатско-вяземскую группировку противника.

2. ...немедленно развить наступление в направлении Сычевка, Вязьма, а остальные силы вести вторым эшеленом за главной группировкой, с таким расчетом, чтобы выйти в район Сычевка и занять Сычевка не позднее 12 января 42 г.

3. Командующему Западным фронтом разгромить не позднее 11 января юхновско-мосальскую группировку противника, нанести главный удар — силами ударной группы т. Белова и 50 армии на Вязьма и завершить окру-

жение Можайско-гжатско-вяземской группировки противника, во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта...

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ. СТАЛИН. А. ВАСИЛЕВСКИЙ» [13. Л. 9–10; цит. по тексту: 3].

Цитируемая в указанном сборнике копия документа точно соответствует рукописному оригиналу (рис. 1–2 [5. Л. 1–2]), хранящемуся в 15-м отделе ЦАМО РФ.

Подпись, уверенно поставленная И. В. Сталиным, при отсутствии подписи зам. начальника Генштаба А. М. Василевского, указывает на то, что главным инициатором этой операции и автором приказа был лично И. В. Сталин, а даже не Генштаб и, тем более, не командующий Западным фронтом. Более того, внизу стоит карандашная пометка о получении: «Зам. Зап. и Кал. фронт. п/п Румянцев. 0.45 08.01.42», т. е. Г. К. Жуков на тот момент еще не был ответственным за все западное направление и, соответственно, за действия Калининского фронта тоже ответственности не нес. Поэтому перекалывание на него всей ответственности за методику глубоких вклинений, повсеместно активно насаждаемых в то время — необоснованно.

На следующий же день после издания Директивы Ставки № 151141 в 12.00 8 января 1942 г. был издан приказ № 057 по Калининскому фронту о развитии этого наступления [18. Л. 141–144; цит. по тексту: 3] и Директива командующего Западным фронтом, по разгрому Кондровско-Медынской группировки противника и развитию наступления на вяземском направлении, где ставились задачи всем армиям Западного фронта [16. Л. 432–434]. Последний документ был ранее опубликован в сборнике документов «Жуков в битве под Москвой» [5], а затем — в сборнике «Битва под Москвой» [3]:

«ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА 43-й, 49-й И 50-й АРМИЯМ О ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИИ С ЦЕЛЬЮ РАЗГРОМА КОНДРОВСКО-МЕДЫНСКОЙ И ЮХНОВСКОЙ ГРУППИРОВОК ПРОТИВНИКА И РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА ВЯЗЕМСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

№ 0152/оп. Карта 500 000. 8 января 1942 г.

...2. Ближайшая задача 43, 49 и 50-й армий — окружить и разгромить кондровско-юхновско-медынскую группировку противника 11.1.42 и развить удар в сев.-зап. направлении с целью окружения и полного разгрома Можайско-гжатско-вяземской группировки противника. Справа — 33-я армия наносит главный удар в направлении Никольское, Ваулино, Ельня, в обход Можайска с запада. Слева — группа генерала Белова во взаимодействии с правофланговыми частями 10-й армии в течение 9–10.1.42 уничтожает мосальскую группировку противника, имея последующей задачей удар на Вязьму...

Жуков. Хохлов. Соколовский. 9.1.42 г. » [16. Л. 432–434; цит. по тексту: 5. С. 93–94].

10692

осуществлением в направлении Солевка,
^{Вязьма}
 а осуществление сил восточной группировки
 осуществляем за главной группировкой, с та-
 ким расчетом готовит войска в район Солевка
 и захватить Солевка не позднее 12 января 42г.

3. Командующему Западными армиями,
^{то не позднее 10 января}
 разгромить (Домбровский - Монастырский группировку
 противника, нанести главный удар - с на-
 правлением ударной группировки (Белова)
 в район Вязьмы и 30 армией по Вязьме и с на-
 правлением отрядов Монастырь - Вязьма группировки противника, во в-
 остальности с 30 армией, проорвать

4. Одновременно силами 20 армией, проорвать
^{свой} фронт противника и нанести удар в направ-
 лении на Шавловскую - Званскую, готовит сил пр-
 от Шавловскую направляет в этом направлении
 группировку противника, с учетом и совместно
 с 30 армией ^{Кашинской группой} уничтожить и удерживать ее.

5. Попытки индивидуаль.

Состав Верховного Главнокомандующему
 И. Сталин
 А. Васильев.

Зам. Зам. о. кад. фронт
 8.1.42. 0.45. Румынск -

ИСХ. № 970/978
 22.1.42 7/1 1942 г.
 4-е отд. штаб в отделе Генерала
 Генштаба II армии

Действия основных исполнителей — 43-й, 49-й и 50-й армий предпо- лагали перерезание Варшавского шоссе в нескольких местах и же- лезных дорог у станций Мятлевская и Занозная. Из этого документа следует, что изначально отправка под Вязьму именно 33-й армии под командованием М.Г. Ефремова не планировалась, ей в тот момент ста- вились более достижимые цели, в частности выход на Можайское на- правление, освобождение г. Вереи. Удар на Вязьму, по этой Директиве, должна была осуществить группа П.А. Белова, совместно с правофлан- говыми частями 10-й армии, а остальные армии Западного фронта должны были продолжать наступление в своих полосах, но более ре- шительно.

10 января было издано Директивное письмо Ставки по прорыву укрепленной линии обороны врага, в котором даже построение предложений указывает на то, что его писал сам И. В. Сталин, на манеру письма Г. К. Жукова или кого-то еще это мало похоже. Это еще раз указывает на то, что метод глубоких вклинений активно внедрял лично И. В. Сталин, а остальные, в т. ч. и Г. К. Жуков, обязаны были выполнять его директивы.

«ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО СТАВКИ ВГК ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ФРОНТОВ И АРМИЙ С РЕКОМЕНДАЦИЯМИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

№ 03. 10 января 1942 г. 01.50

...Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам ... передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году. Но для осуществления этой задачи необходимо, чтобы наши войска научились взламывать оборонительную линию противника, научились организовать прорыв обороны противника на всю ее глубину и тем открыли дорогу для продвижения нашей пехоты, наших танков, нашей кавалерии. У немцев имеется не одна оборонительная линия... Если наши войска не научатся быстро и основательно взламывать и прорывать оборонительную линию противника, наше продвижение вперед станет невозможным.

Можно ли сказать, что наши войска уже научились взламывать и прорывать оборонительную линию противника?

К сожалению, нельзя сказать этого с полным основанием. ...Нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, ... необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением.

1) Действия ударными группами. ...Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. ...Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника. А для этого необходимо, чтобы ... была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке.

2) ...У нас нередко бросают пехоту в наступление против оборонительной линии противника без артиллерии, без какой-либо поддержки

со стороны артиллерии, а потом жалуются, что пехота не идет против обороняющегося и окопавшегося противника. Понятно, что такое «наступление» не может дать желательного эффекта. Это не наступление, а преступление, — преступление против Родины, против войск, вынужденных нести бессмысленные жертвы.

...артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой... пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, ... а вместе с наступлением артиллерией, ... артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немислимо артиллерийское наступление...

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ. И. СТАЛИН. А. ВАСИЛЕВСКИЙ»

[13. Л. 11–17; цит. по тексту: 3].

11 января с 1.50 Ставка своей Директивой № 170007 продолжала усиленно гнать войска Калининского фронта на Ржев, которым требовала овладеть в тот же день, и ни в коем случае не позднее 12 января [16. Л. 20].

17 января, когда 33-я армия вела бои за овладение Вереей, Г.К. Жуков дал ей приказ на быстрое выдвигание форсированным маршем в район Вязьмы. Он объяснил это тем, что именно сейчас, когда 5-я армия вот-вот освободит Можайск, а 43-я армия уже овладела пос. Износки, Кошняки и наступает на Юхнов, создалась очень благоприятная обстановка для быстрого выдвигания 33-й армии в район Вязьмы в тыл вяземской группировки противника. Он приказал армии, в зависимости от обстановки, нанести удар на Вязьму или обойти ее с юго-запада, используя отсутствие на этом направлении значительных сил противника. Впереди он приказал двигать сильные лыжные отряды, пехоту и отдельные орудия на санях и танки. [16. Л. 448–450; цит. по тексту: 3]. Вместо 33-й армии под Вязьму могли быть отправлены и 43-я, и 49-я, и 50-я армии, но, вероятно, в этот момент они, по мнению Г.К. Жукова, были заняты стратегически более важными участками, и это было так. Верейско-можайское направление могла освободить одна 5-я армия, а перерезать Варшавское шоссе, в тот момент, было гораздо важнее. Именно этим, а не личной неприязнью был обусловлен приказ Г.К. Жукова о введении в прорыв именно 33-й армии, и М.Г. Ефремов тоже понимал это.

В этот же день, 17 января, командующий Калининским фронтом доложил в Ставку, что наступление его фронта на Ржев задерживается в связи с боями, в которые втянулись его части.

20 января, будучи уверенным, что после освобождения Можайска и Юхнов вот-вот будет взят, Г.К. Жуков приказал генерал-майору П.А. Белову ввести в прорыв на вяземском направлении 2 стрелковые дивизии, 5 кавалерийских дивизий и 5 лыжных батальонов, запрещая переходить где-либо к обороне [17. Л. 273; цит. по тексту: 5. С. 100–101]. На следующий день в ходе телефонных переговоров с М.Г. Ефремовым он поинтересовался, как идут дела по прорыву 33-й армии. Выяснилось, что 93-я сд уже сосредотачивается в районе Темкино, но мешают занесенные дороги. В ходе этих переговоров Ефремов сказал «Понимаю все значение нашего выхода в указанный вами район — все для этого делаю... Все приложу, чтобы выполнить задачу». В заключении разговора Г.К. Жуков сказал: «Будьте здоровы. Нажимайте. Можете отличиться на этом, как никогда» [15. Л. 202–203; цит. по тексту: 5. С. 101]. Вряд ли такие слова говорят своему врагу, скорее похоже на доброе напутствие.

Не подтверждаются также обвинения Г.К. Жукова в том, что он бросил армию М.Г. Ефремова на произвол судьбы, не помог ей. На самом деле, помощь оказывалась постоянно. Например, с 17 по 22 января 1942 года в помощь 33-й армии и кавгруппе П.А. Белова штабом ВВС Западного фронта была проведена парашютно-десантная операция. В район 40 км юго-восточнее Вязьмы в районе Знаменка, Желанье, Луги в течение 18 и 19 января 1942 г. были выброшены 250-й воздушно-десантный полк и 201-я вдбр, в количестве 642 человека. 250-й воздушно-десантный полк был десантирован (выброшен с воздуха и высажен) на площадку у Плеснево в течение 20, 21 и 22 января под пулеметным обстрелом и бомбовыми ударами противника. Требовалось ударом в направлении Темкино оказать содействие 33-й армии генерала М.Г. Ефремова и во что бы то ни стало прекратить движение войск противника по большаку Юхнов — Вязьма. Позже в бои вступила переброшенная в этот район 9-я гв сд под командованием А.П. Белобородова, постоянно присылались пополнения, вооружение, продукты и др.

Все эти дни 33-я армия старалась выйти на большак Юхнов — Вязьма, но ее сил не хватало, так же, как и у других армий Западного фронта.

29 января Жуков доложил в Ставку о недостатке сил Западного фронта, и что дивизии и стрелковые бригады фронта дальше оставаться не могут и не способны решать наступательные задачи.

«За декабрь и 15 дней января Западный фронт потерял убитыми 55 166 человек, ранеными и больными 221 040 человек, а всего за 45 дней напряженных боев фронт потерял 276 206 человек.

...Большинство дивизий и стр. бригад сейчас настолько обескровлены, что не представляют никакой ударной силы. ...В таком состоянии дивизии и стр. бригады Западного фронта дальше оставаться не мо-

гут и не способны решать наступательные задачи...» [16. Л. 543; цит. по тексту: 3].

Но Ставка продолжала начатую операцию.

2. Помощь Г. К. Жукова 33-й армии, силами других армий и частей Западного фронта.

Широко распространено мнение, что Г. К. Жуков, как командующий Западным фронтом, бросил армию Ефремова на произвол судьбы и ничего не сделал, чтобы спасти ее. На самом деле, в ЦАМО РФ хранятся множество дел, свидетельствующих, что он привлекал все соседние армии своего фронта сначала в усиление прорыва 33-й армии, а затем для помощи в ее выходе из котла, причем потери этих армий были, возможно, даже большими, чем в 33-й армии.

О том, как из последних сил 2–3 февраля держала коридор 9-я гв сд, повествуют мемуары ее командира генерала А. П. Белобородова. И не очень важно, в чье же подчинение в тот момент входила эта дивизия — в 33-ю или в соседнюю 43-ю армию, главное, что она приложила все свои силы на удержание этого коридора. 1 февраля 1942 г. был получен приказ командующего 43-й армии генерал-лейтенанта К. Д. Голубева, который ставил перед уже прорвавшейся к Ефремову 9-й гв сд новую боевую задачу. *«Дивизия должна немедленно повернуть обратно, выйти из прорыва к деревне Захарово и «уничтожить противника, прорвавшегося на правом фланге 43-й армии», то есть на ее стыке с 33-й армией. Стало ясно, что фашистские войска перешли к решительным действиям с целью «подрубить» основание прорыва ударной группы 33-й армии и окружить ее. Донесение Витевского и короткий рассказ Бурнашева дополнили данные об обстановке. Наш стрелковый батальон, оставленный с оперативной группой под деревней Захарово, ведет тяжелый бой с танками и пехотой противника. Горловина прорыва сузилась до 3–4 километров. «Очень трудно, но держимся», — заканчивал свое донесение Витевский. ...Форсированным маршем мы шли всю ночь. И чем ближе подходили к горловине коридора, тем сильнее гремела канонада. Я опасался, что группа Витевского (стрелковый батальон) не устоит под натиском вражеских танков и нам придется с боем пробиваться к главным силам 43-й армии.*

Группа Витевского устояла. Атакованные фашистами с обеих сторон коридора и от деревни Захарово, и от деревни Москвино, — бойцы, командиры и политработники стояли насмерть, сражались по-гвардейски и продержались до подхода главных сил дивизии. Наш 40-й полк с марша вступил в бой и отбросил противника. Дивизия сосредоточилась в указанном ей районе и приступила к выполнению боевой задачи.

Последним вышел из прорыва 3-й батальон 131-го полка. Два других батальона оставались в окружении...

...боевые действия нашей дивизии (9 Гв. сд), как и всего правого крыла 43-й армии, теперь были тесно связаны с ситуацией, которая сложилась в группе Ефремова под Вязьмой... С 5 по 10 февраля наши батальоны, взаимодействуя то с группой генерала Ревякина, то с другими частями, раз десять врывались в Захарово, захватывали отдельные дома и сараи на окраинах деревни, но удержаться в ней не могли. Противник, как и мы, нес большие потери» [1. С. 127–128].

К сожалению, сил у вновь прибывшей гвардейской дивизии для выполнения поставленной задачи не хватило.

Весь период этой операции 43-я армия старалась пробиться к 33-й армии, неся при этом огромные потери. 53-я сд 43-й армии наступала по тылам фашистов в направлении Кошняки, Износки и далее к реке Угре. Особенно тяжелое положение сложилось к концу марта. Неудачи, необъяснимые не только для Г.К. Жукова, но и для командармов и командиров стрелковых дивизий преследовали постоянно, к тому же не хватало боеприпасов и людей. Об этом и о том, что Г.К. Жуков и И.В. Сталин активно пытались помогать армии М.Г. Ефремова, вспоминал после войны командир 53-й сд, умевший хорошо воевать и имевший большой положительный боевой опыт, генерал-майор А.Ф. Наумов:

«53-я дивизия продвигалась вперед по единственной дороге в очень сложной обстановке, вытянувшись в одну линию почти на 20 километров, все время отбивая контратаки небольших групп фашистов с юга, стремившихся прорваться в северо-западном направлении. В конце марта дивизия вышла к Угре севернее Юхнова, оказав тем самым содействие 49-й армии, которая наступала на Юхнов. Долго 53-я дивизия с соседями слева — 17-й стрелковой и 5-й гвардейской стрелковой дивизиями — вела бой с фашистами за плацдарм на реке Угра. Плацдарм на островке на Угре был захвачен, но прорвать оборону фашистов дивизии 43-й армии не смогли.

В апреле 1942 года приезжал в деревню Белица маршал Г.К. Жуков, вызывал к себе нас, командование дивизиями. Он не интересовался, как дела в дивизиях, а только — почему топчетесь на месте? Почему плохо воюете? Лично Верховный Главнокомандующий приказал принять все меры к вызволению окруженной группировки генерала Ефремова. И приказал собрать в кулак части и наступать со всей яростью и прорвать фронт обороны фашистов — «их ведь тоже немного...» Я помню, мы стояли на вытяжку, а он сидел на табуретке, одетый в бекешу. Вид сердитый, прямо в глаза ему смотреть было трудно, они были какие-то сине-свинцовые, просто пронизывали...

Что же мы ему ответили? — Будут приняты все меры, чтобы выполнить поставленную задачу! На том и разошлись, и никто из нас даже не заикнулся — в каком же, фактически, положении находятся наши части

и способны ли они в данных условиях наступать вообще?! Конечно, наступали, но оставались на месте, израсходовав то небольшое количество боеприпасов, которое имели. Ведь у меня вся артиллерия стояла на прямой наводке! Не было даже пол БК! » [9. Л. 185; здесь и далее подчеркнuto нами — авт.].

А тогда, в первой декаде апреля 1942 г., А. Ф. Наумов написал письмо начальнику штаба 43-й армии А. Н. Боголюбову, в котором изложил свои переживания по поводу того, что его дивизия, несмотря на все усилия, никак не может прорваться к М. Г. Ефремову.

«В дело. 11.4.4. п\п А. Боголюбов»

Глубокоуважаемый Александр Николаевич, приветствую!

Слишком тяжело и просто позорно докладывать тебе, что до сих пор задача не выполнена.

Уверяю тебя, я не настроен пессимистически. У меня достаточно силы и воли, но, к сожалению, мои индивидуальные качества не всегда отражаются так, как бы я хотел, на непосредственных исполнителей.

Позор, — ведь девять суток топчемся на месте.

Я пытался к объекту подходить с разных сторон и всюду встречал одно и то же — огневое массовое сопротивление. Я втянулся в огневой мешок по узким дорожкам — траншеям, к которым пристрелялся враг, искусно маскирующийся и ведущий прицельный огонь, почти по любому рубежу подхода моих подразделений к объекту.

Я предполагал маневр направо, т. е. через р. ВОРЯ и далее вдоль р. УГРА по сев. берегу, но там по опушкам леса враг имеет подготовленную систему обороны в мою сторону — еще одна мысль действовать на левом фланге, т. е. примкнуть к КАНАЧАДЗЕ, но опыт многодневных его боев за «сапог»¹ — сам за себя говорит. — «Действовать между «сапогом» и объектом с последующим поворотом на объект с юго-запада, сегодня ночная боевая разведка дала не утешительные результаты. От БОЛ. УСТЬЯ к «Сапогу» тянутся снежные траншеи, они днем как будто мертвые, но моментально оживают, как только надвигается для них угроза.

Обстановка для меня сложилась крайне сложной, напряженной, куда бы не сунулся, попадаю в заранее организованный и подготовленный огонь противника. К сожалению, мои подходы к врагу открыты.

Ночные действия результатов не дают. Только немногие смельчаки проникают в расположение врага, но они не все выбираются из этого проклятого гнезда.

Что делать? Должен со всей откровенностью доложить то, что воюет, слишком сырой материал. Его посредственность очевидна. Если

---

¹ «Сапог» — роща в районе плацдарма войск 43-й армии, захваченном 26 марта 1942 г. на занятом противником берегу р. Угры возле дд. Красная Горка и Большое Устье — прим. ред.

мне самому приходится ставить задачи батальонам и иногда руководить ими, тебе должно быть понятно, как обстоит дело в низах. Если приходится указывать — куда поставить пулемет, то тебе это должно говорить о том, что я не спускаю глаз с врага и передовых своих подразделений, принимаю все необходимые меры к лучшему выполнению задачи. Но срывается. Срывается не только по сырости материала, но и их руководителей, до комполка включительно. Порой необходим лишь небольшой нажим и враг будет уничтожен, — передовые не делают. Крайние меры, которые принимаются против подобных преступных действий — порой не оказывают воздействия. Многие, которые должны были понести суровые наказания, их уже нет и, собственно говоря, виновники-то только бывают суточные, т. к. в течение суток редко кто сохраняется.

Вот сколотить крепкое, хотя бы одно подразделение! Но это почти не удастся; т. к. не успеешь подготовить его, как нужно посылать на усиление вперед, чтобы не упустить того, что приобрел. Видимо, совместными усилиями с соседями можно решить вопрос этот, т. е. выйти из огневого мешка.

Еще напрашивается мысль действовать левым флангом, но боюсь затяжного характера. Но, видимо, на это частью своих сил придется попробовать.

Вот, дорогой Александр Николаевич, я сказал тебе откровенное свое положение. Не обвиняй меня в упадке сил, в унынии и т. д. нет, это не свойственно мне. Я доложил тебе реальную обстановку. Я знаю, какую я несу ответственность. Я принимаю все меры к тому, чтобы все сделать, рискуя собственной жизнью, все время бываю там, где по рангу можно и не быть — объясняю это исключительно тем, что я понимаю всю обстановку, ответственность за все, и не безучастно к этому отношусь.

Прошу верить искренности моей и, если можешь, подсказать мне, как выйти из этого глупого положения. Ведь и в ярких мыслях, другие находят не все доделанное, что иногда бывает даже решающим.

Очень прошу черкнуть мне. Крепко жму руку.

А. Наумов» (грамматические особенности документа сохранены; рис. 3–4 [19. Л. 281–282]).

3. Предатели в штабе 33-й армии.

Причину неудач А. Ф. Наумов искал только в своей дивизии, а именно: в выбытии опытных командиров и бойцов и неподготовленности нового пополнения. Но, помимо этого, как выяснилось позже, была и другая причина, которая объясняет все неудачи.

Сразу после войны появились данные о том, что в окружении генерала М. Г. Ефремова был предатель. Появились они и в западной литературе, в книге бывшего английского разведчика Эдварда Кукриджа «Гелен: шпион века»; в частности об агенте, носившем псевдоним «Ивар»:

«Именно он прислал архиважное донесение, где шла речь о предстоящем крупномасштабном наступлении советской 33-й армии под командованием генерала Ефремова.

Гелен воспользовался полученными сведениями в своем докладе ОКВ от 22 февраля. Это тот самый случай, когда Гитлер внял его доводам. Когда Ефремов нанес удар в районе Ржева, немцы сосредоточили свои силы под Юхновом, и вся армия целиком попала в «котел». Для советского генерала Ефремова этот удар явился полнейшей неожиданностью...» [б. С. 108; цит. по тексту: 7. С. 693].

Участники событий — командующий кавгруппой генерал П.А. Белов и начальник его разведки А.К. Кононенко также свидетельствуют: в штабе М.Г. Ефремова были как минимум 2 предателя, которые доводили до немцев информацию о месте очередного планируемого прорыва. Отсюда и неудачные результаты. Об этом рассказано в воспоминаниях П.А. Белова в главе «Во вражеском тылу»:

«Для помощи Ефремову мы сформировали сводный отряд. В него вошел 2-й гвардейский кавалерийский полк майора Г.И. Малинова, насчитывавший 346 человек, с двумя полевыми орудиями, двумя противотанковыми пушками и несколькими минометами. К полку присоединился партизанский батальон численностью в 246 человек при двух орудиях и трех минометах. Командование сводным отрядом принял бывший командир расформированной 57-й кавалерийской дивизии полковник М.Н. Завадовский.

Я связался по радио с генерал-лейтенантом Ефремовым, сообщил, что сводный отряд выступил на помощь его окруженным войскам. Мы уточнили, в каком месте нанесет удар Завадовский. Генерал Ефремов должен был, в свою очередь, сделать попытку пробиться навстречу этому отряду.

27 марта отряд перешел в наступление из района Знаменки на Свищево. Противник оказывал сильное, все возрастающее сопротивление. Бой продолжался почти без перерыва несколько суток. Гвардейцы и партизаны предпринимали атаку за атакой, но каждый раз попадали под огонь многочисленных пулеметов и минометов и вынуждены были отходить на прежние рубежи.

Полковник Завадовский неоднократно менял участки прорыва, но и это не помогало. Гитлеровцы, окружавшие группировку Ефремова, имели превосходство в силах и средствах. Им удалось отразить все наши попытки разорвать кольцо. Впоследствии мы узнали, что фашисты имели в штабе Ефремова агентов, которые сообщали немцам о месте и времени наших ударов. Двух таких агентов поймали в мае наши парашютисты.

Отряд Завадовского понес большие потери, и его пришлось расформировать. 14 апреля уцелевшие бойцы и командиры были возвращены в свои

7.4.42

281
281

Глухоскоувааемый
Александр Николаевич,
Приветствую !

Слишком тяжело и просто позорно докладывать тебе, что до сих пор задача не выполнена.

Уверю тебя, я не настроен пессимистически. У меня достаточно силы и воли, но к сожалению, мои индивидуальные качества не всегда отражаются так, как бы я хотел, на непосредственных исполнителей.

Позор, - ведь девять суток топчемся на месте.

Я пытался к объекту подходить с разных сторон и всюду встречал одно и то же - огневое массовое сопротивление. Я втянулся в огневой мешок по узким дорожкам - траншеям, к которым пристрелялся враг, искусство маскирующийся и ведущий прицельный огонь, почти по любому рубежу подхода моих подразделений к объекту.

Я предполагал маневр направо, т.е. через р.БОРН и далее вдоль р.УТРА по сев. берегу, - но там по опушкам леса враг имеет подготовленную систему обороны в мою сторону - еще одна мысль действовать на левом фланге, т.е. примкнуть к КАПАЧАДЗЕ, но опыт многодневных его боев за салог - сам за себя говорит - "Действовать между "салогом" и объектом с последующим поворотом на объект с ю.-в., сегодня ночная боевая разведка дала не утешительные результаты. От ВОД.УСТЬЯ к "салогу" тянутся снежные траншеи, они днем как будто мертвые, но моментально оживают, как только надвигается для них угроза.

Обстановка для меня сложилась крайне сложной, напряженной, куда бы не сунулся, попадаю в заранее организованный и подготовленный огонь пр-ка. К сожалению мои подходы к врагу открыты.

Ночные действия результатов не дают. Только немногие смельчаки проникают в расположение врага, но они не все выживают из этого проклятого гнезда.

Что делать? Должен со всей откровенностью положить то, что воюет, слишком сырой материал. Его посредством

Рис. 3-4. Письмо командира 53-й сд начальнику штаба 43-й армии

280
282

ность очевидна. Если мне самому приходится ставить задачи батальонам и иногда руководить ими, тебе должно быть понятно, как обстоит дело в чинах. Если приходится указывать - куда поставить пулемет, то тебе это должно говорить о том, что я не спускаю глаз с врага и передовых своих подразделений, принимаю все необходимые меры к лучшему выполнению задачи. Но, срывается. Срывается не только по сырости материала, но и их руководителей, до комполка включительно. Порой необходим лишь небольшой чажим и враг будет уничтожен, - передовые не делают. Крайние меры, которые принимаются против подобных преступных действий - порой не оказывают воздействия. Многие, которые должны были понести суровые наказания, их уже нет и собственно говоря, виновники - то только бывают суточные, т.к. в течение суток редко кто сохраняется.

Вот сколотить крепкое, хотя бы одно подразделение! Но это почти не удается; т.к. не успеешь подготовить его, как нужно послать на усиление вперед, чтобы не упустить того, что приобрел.

Видимо совместными усилиями с соседями можно решить вопрос этот, т.е. выйти из огневого мешка.

Еще напрашивается мысль действовать левым флангом, но боюсь затяжного характера. Но, видимо, на это частью своих сил придется попробовать.

Вот, дорогой Александр Николаевич, я сказал тебе откровенное свое положение. Не обвиняй меня в упадке сил, в унынии и т.д. Нет, это не свойственно мне. Я доложил тебе реальную обстановку. Я знаю, какую я несу ответственность. Я принимаю все меры к тому, чтобы все сделать, рискуя собственной жизнью, все время бываю там, где по рангу можно и не быть - объясняю это исключительно тем, что я понимаю всю обстановку, ответственность за все и не безучастно к этому отношусь.

Прошу верить искренности моей и, если можешь, подсказать мне, как выйти из этого глупого положения. Ведь и в ярких мвлях, другие находят не все доделанное, что иногда бывает даже решающим.

Счесть прошу черкнуть мне. Крепко жму руку.

А.С.

Великий

Начальник Секретной части
Оперативного отдела Штатрия

(НАУМОВ)

Кув

части. Полковник Завадовский был отозван в штаб Западного фронта и назначен командиром 18-й гвардейской стрелковой дивизии.

Оказать действительную помощь Ефремову мы не смогли ...» [2. С. 228].

Позже одного из предателей удалось схватить:

«Старшина, который первым сообщил о диверсионном отряде, опознал среди пленных помощника Рогожина, некоего Богатова (или Богачева — точно не помню). Изменник, имея звание майора, служил в 160-й стрелковой дивизии, входившей в ударную группировку 33-й армии генерала Ефремова. Когда гитлеровцы окружили войска Ефремова, и бойцы и командиры героически сражались с превосходящими силами противника, Богатов, стремясь спасти свою жизнь, перешел на сторону фашистов. Гитлеровцы посадили его в самолет и немедленно отправили куда-то под Кенигсберг. Там предатель подвергся соответствующей обработке и через сутки был доставлен назад.

Фашисты замыслили уничтожить штаб Ефремова и захватить в плен самого генерала. Они послали Богатова с радиостанцией туда, где еще продолжали сражаться остатки ударной группировки 33-й армии. Предатель разыскал лесную деревушку, где находился генерал Ефремов, и оттуда связался по радио со своими хозяевами. Получив его сообщение, немцы направили к деревушке, крупные силы и окружили ее.

Небольшая группа советских бойцов и командиров, заняв круговую оборону, несколько часов отбивала атаки противника. Вместе с бойцами стрелял по врагу генерал Ефремов. Ряды героев быстро таяли. Кончались боеприпасы. Немцы уже торжествовали победу и были уверены, что сумеют захватить советского генерала живым. Но Ефремов предпочел смерть позору плена. Он отстреливался до последнего патрона. А последней пулей покончил с собой.

По приказанию, полученному из штаба Западного фронта, парашютисты должны были доставить Богатова на «Большую землю». Через несколько суток, ночью, когда 4-й воздушнодесантный корпус пробивался к главным силам нашей группы, парашютисты завязали в лесу ожесточенный бой с противником. Во время боя вражеская пуля сразила старшину, который помог разоблачить диверсантов. А предатель Богатов, воспользовавшись темнотой и неразберихой, бежал» [2. С. 293].

Бывший начальник разведки 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, полковник Алексей Константинович Кононенко написал свои мемуары еще в 1959–1962 годах, т. е. еще до опубликования мемуаров П. А. Белова, но не смог опубликовать их тогда по цензурным соображениям. Он называет несколько другую, но созвучную фамилию того предателя: не Богатов, а Бочаров:

«Один из предателей, сдавшихся немцам в плен, — Бочаров выдал им расположение командарма, который укрывался на окраине деревни в одной из риг. Немцы окружили ригу и пытались взять командарма живым.

Он долго отстреливался, а затем, застрелив свою медсестру, застрелился сам... Такова печальная участь командарма 33, которого даже немцы похоронили со всеми почестями» [10. С. 81]².

4. Информация о положении на Ржевском выступе передавалась под контролем НКВД от высшего командования немецкой разведке, минуя Г. К. Жукова.

Разбираясь в причинах неудач 33-й армии необходимо учитывать не только действия немецких агентов, но и тайных агентов НКВД. В книге В. М. Мельникова содержатся не до конца проверенные сведения о предполагаемой измене главного хирурга 33-й армии И. С. Жорова:

«Следует отметить, что Особый отдел НКВД 33-й армии, после того как И. С. Жоров был задержан в марте 1943 года, довольно активно начал заниматься расследованием деятельности главного хирурга 33-й армии на оккупированной врагом территории, причем на деле с его документами была поставлена пометка: «Обвиняется в измене Родины».

Однако уже ровно через сутки после задержания Жорова органами НКВД (!) поступил чей-то приказ (?) отправить его в Особый отдел НКВД Западного фронта, где он через два дня (невиданная для наших карательных органов любезность!) был отпущен на свободу после заключения, сделанного следователем капитаном госбезопасности Черновым.

На протоколе допроса от 16 марта 1943 года стоит резолюция: «Из-под стражи освободить».

Есть сведения, что причиной столь быстрого прекращения дела в отношении И. С. Жорова стал звонок одного из близких знакомых Исаака Соломоновича, занимавшего очень высокий пост в Наркомате здравоохранения СССР и приближенного к самому «товарищу Сталину» и бывшего хорошим другом «товарища Берии»» [7. С. 696].

Вряд ли бы т. Берия стал выгораживать какого-то знакомого своего знакомого, если тот сам не состоял бы на службе в НКВД. И уж Г. К. Жуков тут совсем не виноват. Тем более что описываемые автором события происходят в то время, когда М. Г. Ефремов был жив и даже не ранен.

Таких предателей могло быть и больше, просто у нас нет о них сведений. Но их действия объясняют те необъяснимые, с точки зрения

---

² Цитируемые в разделе авторы допускают ряд неточностей: окружение группировки М. Г. Ефремова противником состоялось 3 февраля 1942 г. в районе Вязьмы. В боестолкновении с солдатами противника М. Г. Ефремов непосредственно вступил, возглавляя операцию 13–19 апреля 1942 г по прорыву группировки к главным силам Западного фронта, двигаясь в колонне своих войск. Самоубийство генерала, по наиболее разработанной версии, произошло после боя в перелеске между дд. Горнее и Дегтянка. Таким образом, в цитатах следует принимать во внимание только свидетельства о наличии рядом с М. Г. Ефремовым немецких агентов, событийная канва в них изложена недостоверно — *прим. ред.*

здорового смысла, провалы в боевых действиях, которые никак не могли объяснить участники событий, в частности сам Г.К. Жуков, командир кавгруппы генерал П.А. Белов или командир 53-й сд генерал А.Ф. Наумов.

В 1990-х годах свои мемуары опубликовал бывший генерал НКВД, разведчик высочайшего уровня П.А. Судоплатов [12]. Он выступил в ряде телепередач, где лично сообщил, что с февраля 1942 года начал действовать двойной агент по кличке «Макс», через которого велась радиоигра «Монастырь», контролируемая Л.П. Берия. С целью усиления к агенту доверия у немцев, через него, по замыслу одного из руководителей нашего Генштаба С.М. Штеменко, помимо дезинформации, регулярно передавались некоторые совершенно правдивые сведения, и именно — о положении и планах советских войск на ржевском выступе. Часть информации шла также через некоторых офицеров генштаба. Г.К. Жукова об этом в известность не ставили. Он так никогда и не узнал, что немцы регулярно предупреждались о его планах на ржевском направлении. Нам до сих пор неизвестно, какие именно правдивые сведения передал немцам агент «Макс», какую пользу он принес нашей разведке, за что была заплачена такая высокая цена за весь 1942 год на ржевском выступе (с февраля 1942 по 3 марта 1943 г.), поскольку архивы ФСБ до сих пор малодоступны.

О «немецких Штирлицах» в советских штабах, действовавших и в 1942 году, пишет и историк Борис Вадимович Соколов [11], ссылаясь на мемуары генерала Гелена «Служба. 1942–1971», и на книгу бывшего сотрудника британской разведки Э. Кукриджа [6], что в целом подтверждает информацию Судоплатова.

К выводу о нескольких предателях в ближнем окружении М.Г. Ефремова пришел также писатель-историк С.Е. Михеенков [8]. Он же высказывает сомнения в виновности лично Г.К. Жукова в случившемся с 33-й армией. В комментариях к своей книге он делает вывод: *«Трудно теперь обвинять кого бы то ни было в том, что произошло с 33-й армией. Бессмысленно винить штаб Западного фронта и лично Г.К. Жукова. Жуков мыслил масштабами фронта, и судьба одной армии, четырех дивизий, в той ситуации действительно могла стать вопросом тактики, но не стратегии. Надо понимать то время. Бессмысленно винить и генерала Голубева»* [8. С. 308]. Он приводит факт, что в результате прокурорской проверки в том же 1942 году был сделан вывод о том, что *«... никто, кроме командующего 33-й армией, не виновен в том, что его коммуникации противник перехватил»* [8. С. 325].

Из всего вышесказанного можно сделать **выводы**:

1. Необходимо более тщательно изучать открытые документы ЦАМО РФ не только 33-й армии, но и ее соседей, а также мемуарные источники.
2. Пока не рассекречены и не исследованы закрытые фонды архивов (не только ФСБ, но и ЦАМО РФ, РГАСПИ и др.), нельзя делать и широко

тиражировать окончательные выводы о виновности в неудачах 33-й армии и Западного фронта кого-либо и, в частности, Г.К. Жукова, чтобы позже не выяснилось, что это была клевета.

Список сокращений

БК — боекомплект
ВГК — Верховное Главнокомандование
вдбр — воздушно-десантная бригада
гв сд — гвардейская стрелковая дивизия
НКВД — народный комиссариат внутренних дел
ОКВ — Obercommando der Wehrmacht, верховное командование вооруженных сил Германии
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
сд — стрелковая дивизия
стр. дивизия — стрелковая дивизия
ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

Источники и литература

1. *Белобородов А.П.* Всегда в бою. Прорыв на Харбин. — М.: «Дружба народов», 2003.
2. *Белов П.А.* За нами Москва. — М.: Воениздат, 1963.
3. Битва под Москвой. Сборник документов / Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Под общей редакцией генерал-майора Золотарева В.А. — М.: «ТЕРРА», 1997.
4. *Герасимова С.А.* Ржев 42. Позиционная бойня. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2007.
5. Г.К. Жуков в битве под Москвой. Сборник документов/Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, Московское городское объединение архивов, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. — М.: Мосгорархив, 1994.
6. *Кукридж Э.* Гелен: шпион века. — Смоленск: «Русич», 2001.
7. *Мельников В.М.* Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова. — М.: «Яуза», «Эксмо», 2014.
8. *Михеенков С.Е.* Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. 1941–1942. — М.: «Центрполиграф», 2010.
9. *Прусакова Н.А.* События Московской битвы. Образы времени/Музей истории г. Обнинска. — Калининград: «Аксиос», 2015.
10. *Свердлов Ф.Д.* Ошибки Г.К. Жукова (год 1942). — М.: «Монолит», 2002.
11. *Соколов Б.В.* Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. — М.: «Вече», 2000.
12. *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. — М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1997.
13. ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 6.
14. ЦАМО РФ. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 130.
15. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1427.
16. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 204.
17. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 205.
18. ЦАМО РФ. Ф. 213. Оп. 2022. Д. 69.
19. ЦАМО РФ. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 71.
20. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 565.

Героический подвиг воинов Западной группировки войск 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова в феврале-апреле 1942 года

Мельников В. М.

*Межрегиональный благотворительный
общественный фонд «Жить и Помнить», г. Москва*

Одной из драматических страниц в многовековой истории угранской земли является трагедия, постигшая здесь части и соединения ударной группировки 33-й армии, оказавшиеся в окружении юго-восточнее Вязьмы в феврале-апреле 1942 года.

Немного предыстории этих событий.

В два часа ночи 3 февраля 1942 года немецкие войска нанесли решительные удары по флангам 33-й армии в районе Ивановское, Малое Ивановское, Лушихино, Воскресенск, Савино, Захарово, Пинашино и перерезали слабо защищенный коридор, через который 113-я, 338-я, 160-я и 329-я стрелковые дивизии несколько дней назад устремились к Вязьме. Тем самым было положено начало резкому изменению оперативной обстановки на этом участке Западного фронта. 33-я армия оказалось поделенной на две части.

В результате ожесточенного ночного боя, местами переходившего в рукопашную схватку, как об этом свидетельствовал в своих документах неприятель, части 20-й танковой дивизии противника захватили населенные пункты Лушихино и Воскресенск, выбив оттуда подразделения 1290-го сп 113-й сд и 131-го сп 9-й гв. сд, а затем предприняли наступление в направлении д. Савино.

Одновременно с юга было предпринято наступление силами 4-го полка СС под командованием оберштурмбанфюрера СС Г. Шульдта. В ходе ожесточенного боя противник захватил населенный пункт За-

харово и продолжил наступление на Савино. В 11 часов дня 3 февраля 4-й полк СС соединился с подразделениями 20-й танковой дивизии. Вражеское кольцо замкнулось. Вскоре участок, где обозначился перевес сил на стороне немецких войск, был подкреплен частью сил из состава 268-й и 98-й пехотных дивизий противника.

В это время 113-я, 338-я, 160-я и 329-я стрелковые дивизии уже вели боевые действия на дальних подступах к Вязьме, не имея никаких шансов на успех вследствие своей малочисленности и отсутствия танков, авиационной и артиллерийской поддержки. Не говоря уже о том, что оборонявшиеся в районе Вязьмы немецкие части, наоборот, имели явное превосходство в живой силе, танках, артиллерии, занимая к тому же выгодные в тактическом отношении участки местности. Не менее важным был и тот факт, что противник полностью контролировал дорожную сеть в этом районе.

Между тем, событиям, происшедшим в полосе обороны 33-й армии в районе Захарово, ни в штабе Западного фронта, ни в Ставке, поначалу не было придано должного внимания, т.к. глубина обороны противника на этом участке не превышала 1–2 км. К тому времени испугать войска Красной Армии окружением было уже сложно, ибо немалая часть командного и личного состава Действующей армии на своем горьком опыте испытали подобное в первые месяцы войны, а некоторые и не раз. Так что, как говорится, взять наших красноармейцев и командиров «голыми руками» было нельзя: и не такое видели.

Многим казалось, что если хорошо постараться, заслон врага будет сбит без особого труда, однако вскоре отдельные трезвые головы поняли, что обстановка не такая уж простая. Когда это дошло до командования Западного фронта, было уже поздно. На протяжении многих десятилетий советская, а затем российская, историография старались не касаться этих событий. Вследствие чего героический подвиг окруженных соединений 33-й армии был попросту вычеркнут из нашей истории, хотя даже немецкие штабы не раз отмечали в своих документах стойкость, героизм и самоотверженность красноармейцев и командиров ефремовских частей.

В немалой степени подобное замалчивание происшедших событий было обусловлено тем, что в Советском Союзе старались всячески приуменьшать результаты действия противника особенно в первый период Великой Отечественной войны, вместе с тем непомерно возвеличивая роль отдельных полководцев и военачальников Красной Армии, в частности Г.К. Жукова. Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков вне всякого сомнения внес большой вклад в разгром врага в годы войны, однако избежать ошибок ему также не удалось. Одним из явных его просчетов и был не продуманный и абсолютно не обеспеченный

марш-маневр 33-й армии в направлении Вязьмы, стоивший жизни более 20 тысяч ее воинам. Неблагодарное это дело — давать оценку действиям столь выдающегося военачальника, как Жуков. Но еще более неблагородное дело сваливать всю вину в неудачах на людей, которые отдали свою жизнь на алтарь Победы, как это произошло в данном случае с генералом Ефремовым, имя которого было многие годы забыто и в немалой степени по вине Георгия Константиновича.

А ведь ошибка Г.К. Жукова была налицо, если обратиться к азам военной стратегии. В военном деле есть свои законы, многие из которых написаны кровью предыдущих поколений, и их необходимо обязательно выполнять, иначе трагедии не избежать. И эти законы, каждый человек в форме, претендующий на звание «военачальника» или «полководца» обязан знать и неукоснительно ими руководствоваться. Так вот, представленную ниже формулу организации и ведения боевых действий, сформулированную много лет назад К. Клаузевицем в книге «О войне», генерал армии Г.К. Жуков был обязан просто выучить наизусть:

«Нет в стратегии более высокого и простого закона, как: «держат свои силы сосредоточено». Не следует отделять от главной массы какую-либо часть без крайней необходимости. Этого критерия мы держимся твердо и видим в нем надежного руководителя.»

Если сосредоточение сил будет признано за норму, а всякое раздробление и разъединение — за исключение, которое должно быть мотивировано, то не только эта глупость будет совершенно избегнута, но и будет прегражден доступ многим ложным поводам к разделению сил» [4. С. 225; подчеркнуто мной — В.М.].

Для военачальника подобного уровня, как командующий фронтом, этот закон, апробированный кровью миллионов солдат и командиров многих стран мира, должен был быть знакомым и понятным, но генерал Г.К. Жуков проявил полнейшее его игнорирование в тот период времени, а может даже и не знал о нем.

Так или иначе, именно пренебрежение генералом армии Г.К. Жуковым подобным постулатом послужило первопричиной гибели нескольких десятков тысяч красноармейцев и командиров, и не только 33-й армии, но и 43-й и 49-й армий, а также 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантных корпусов. В очередной раз «русский авось» послужил причиной больших потерь личного состава и техники. Однако вернемся к теме нашего исследования.

На протяжении последующих 66 дней части и соединения 33-й армии вели боевые действия с противником, находясь в окружении. Поначалу ефремовцы занимали значительный по площади район обороны, постиравшийся от Дашковки на западе и до д. Замыцкое на востоке.

Однако в ходе ожесточенных и кровопролитных боев противнику постепенно удалось значительно сузить этот район, несмотря на то, что героические бойцы и командиры ефремовских частей нанесли врагу значительные потери в живой силе и технике.

К исходу 11 апреля 1942 года западная группировка войск 33-й армии под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, значительно поредевшая в ходе последних боев, занимала оборону в изгибе р. Угры. Глядя на карту, представляется, что большая роль в организации боевых действий в этом районе должна была принадлежать реке Угре. На этом участке местности, где сражались в последние дни дивизии западной группировки 33-й армии, Угра делает большую петлю. Если в западной части от Знаменки до Пажоги она течет с юга на север, то затем в районе д. Базулино делает поворот и течет с севера на юг, протекая уже в восточной части занимаемого окруженными частями 33-й армии района мимо населенных пунктов Федотково, Пескова, Синяково, Костюково и далее. Река как бы прикрывала окруженную группировку с трех сторон: с западной, северной и восточной.

Но все это было бы в весенне-летне-осенний период времени. Весной, после таяния снегов, и осенью, во время дождей, Угра особенно полноводная. Обрывистые берега в некоторых местах делали ее совсем неприступной. Однако весна 1942 года было запоздалой. Лютой зимой 1941–42 года и в марте ее роль, как барьерного (защитного) рубежа, вообще была никакой, и как препятствие она не имела почти никакого значения. Толщина льда была таковой, что танки запросто могли передвигаться по ней даже в конце марта. В первой декаде апреля лед на реке в некоторых местах был еще настолько прочен, что по нему свободно передвигались не только пешие подразделения, но и отдельные небольшие обозы.

Поэтому, вследствие всего вышесказанного, слабых мест в обороне западной группировки войск 33-й армии было предостаточно, особенно с южного направления, откуда противник в последние дни и предпринял наступление.

Оценив сложившуюся обстановку, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов еще во второй половине 10 апреля отправил в адрес Военного совета Западного фронта шифротелеграмму следующего содержания [5. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 157. Л. 50]:

«Тов. ЖУКОВУ, ХОХЛОВУ.

1. ОБСТАНОВКА СИЛЬНО УХУДИЛАСЬ; ПРОТИВНИК УСИЛЕННО СТРЕМИТСЯ СЖАТЬ НАШЕ КОЛЬЦО.

2. С 13.00 10.04.1942 ГОДА ВРАГ БРОСИЛ НА СЖАТИЕ КОЛЬЦА ТАНКИ И ПЕХОТУ, НАЦЕЛИВ ИХ НА КАЖДЫЙ НАШ УКРЕПРАЙОН.

3. 4 ТАНКА И БОЛЕЕ СОТНИ ПЕХОТЫ НАМИ УНИЧТОЖЕНЫ.

4. ВЕДУ НАПРЯЖЕННЫЕ БОИ, БУДУЧИ ПРИЖАТ ПРОТИВНИКОМ К РЕКЕ УГРА НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ 338 СД. 113 СД ПРОТИВНИК ОТРЕЗАЕТ ОТ РЕКИ УГРЫ... 160 СД ВЕДЕТ БОЙ НА ПРЕЖНИХ РУБЕЖАХ.

5. СТРЕМЛЮСЬ ОРГАНИЗОВАТЬ ОБОРОНУ НА РЕКЕ УГРА.

6. ПО ВАШЕЙ ШИФРОТЕЛЕГРАММЕ БУДЕТ БОЛЕЕ ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ — СОБРАВ ВСЕ СИЛЫ ПРОБИВАТЬСЯ ЧЕРЕЗ ШПЫРЕВО, ЖОЛОВОВО, ДОРКИ И ДЕЙСТВОВАТЬ ДАЛЕЕ НА ФРОНТЕ БОЛЬШОЕ УСТЬЕ — ПАВЛОВО — КОРОЛЕВО.

7. ЭТИМ САМЫМ И БУДЕТ ПОМОГАТЬ 43 И 49 АРМИЯМ СОЕДИНИТЬСЯ С НАМИ.

8. К ЖАБО МЫ НЕ ПРОРВЕМСЯ, ТАК КАК НАС РАЗДЕЛЯЮТ ТАНКИ ВРАГА С ПЕХОТОЙ.

9. ПРОШУ ВАШЕГО СКОРЕЙШЕГО УТВЕРЖДЕНИЯ ПЛАНА, ПОКА ПРОТИВНИК НЕ РАЗГАДАЛ НАШ ЗАМЫСЕЛ.

ЕФРЕМОВ, ВЛАДИМИРОВ».

На что генерал армии Г.К. Жуков вскоре ответил:

«1. ПРОТИВНИК СТРЕМИТСЯ ВАС РАЗДЕЛИТЬ НА ДВЕ ЧАСТИ.

2. ОРГАНИЗУЙТЕ КРЕПКИЙ ЗАСЛОН ВСЕМ, ЧЕМ МОЖЕТЕ...

3. ДОЛОЖИТЕ, НЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНЕЕ ЛИ БУДЕТ ОТВЕСТИ ГРУППУ ЗА РЕКУ УГРА В РАЙОН ФЕДОТКОВО, КУЗНЕЦОВКА, СИЗОВО, ГДЕ, ПРОРЫВАЯСЬ С ВОСТОКА, СЕВЕРА, ЗАПАДА ОТ РЕКИ УГРА, ЖДАТЬ ПОМОЩИ ИЛИ ПРОРЫВАТЬСЯ НАВСТРЕЧУ ГОЛУБЕВУ».

Взвесив все «за» и «против», генерал М. Г. Ефремов телеграфировал в штаб фронта [5. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 159. Л. 51]:

«Тов. ЖУКОВУ, ХОХЛОВУ.

1. ПРИ СОЗДАВШЕЙСЯ КРАЙНЕ ТЯЖЕЛОЙ ОБСТАНОВКЕ ЖДАТЬ БОЛЬШЕ НЕВОЗМОЖНО.

2. ТЯЖЕЛЫЙ ВЫВОД ОЖИДАЕТСЯ, КРАЙНЕ ТЯЖЕЛЫЙ ВЫХОД, НО ЭТО ВСЕ ЖЕ ЛУЧШЕ РАЗГРОМА. ЗА ДВА С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА БОЕВ В ОКРУЖЕНИИ ВОЙСКА СИЛЬНО ОБЕСКРОВЕЛИ...

4. ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД, СЧИТАЮ, ДВИГАТЬСЯ НАВСТРЕЧУ 43 И 49 АРМИЯМ.

5. ЖДУ ВАШЕГО СКОРЕЙШЕГО РЕШЕНИЯ.

М. ЕФРЕМОВ, ВЛАДИМИРОВ.

ДЕР. НАУМЕНКИ».

В первом часу ночи 11 апреля 1942 года командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков отправил в адрес генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова шифротелеграмму [5. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 157. Л. 51]:

«Тов. ЕФРЕМОВУ.

1. ГЛАВНЫЕ СИЛЫ СОБРАТЬ В РАЙОНЕ КРАСНОЕ, ЖОЛОВОВО, ШПЫРЕВО.

2. ОБОРОНУ ПОСТРОИТЬ НА ЗАПАД НА РЕКЕ УГРА, ПРОТИВНИКА ПОПЫТАТЬСЯ ОТБРОСИТЬ НА СЕВЕР ЗА РЕКУ УГРА.

3. ВЕДИТЕ РАЗВЕДКУ И ГОТОВЬТЕ УДАР НА СОЕДИНЕНИЕ С ГОЛУБЕВЫМ И ЗАХАРКИНЫМ.

ЖУКОВ».

Удовлетворенный тем, что Жуков все-таки согласился с его предложением, генерал М.Г. Ефремов отдал распоряжение командирам дивизий о планомерном отводе подчиненных им частей и подразделений в район Красное, Жолобово, Шпырево, откуда и планировалось начать прорыв на соединение с главными силами Западного фронта, действуя в общем направлении на восток. На основании директивы командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова № 619, генерал-лейтенантом был подписан приказ № 027, доведенный до командиров соединений и отдельных частей 12 апреля 1942 года [5. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 59. Л. 125–126]:

«БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 027 КП КОМАНДАРМА 12.04.42 «10» «00».

1. Противник, занимая ПЕСКОВО, БУСЛАВА, БЕЛЯЕВО, ШЕЛОКИ, РЕУТОВО, активными действиями прикрывает свою группировку на р. УГРА с Запада.

2. Во исполнение приказа Главкома № К/217 для одновременного разгрома противника совместно с 43 и 49 АРМИЯМИ и соединения со своими армиями наша группа войск наносит удар в ночь с 12 на 13.04.42 с тыла врагу общим направлением через МАЛ. ВИСЕЛЕВО, МОСЕЕНКИ, СТЕНЕНКИ на БОЛ. УСТЬЕ, КОСАЯ ГОРА, РУСИНОВО.

Главный удар через РОДНЯ, ШУМИХИНА, НОВ. МИХАЙЛОВКА, МОСЕЕНКИ.

3. 338 СД наступать в полосе: справа —/иск./РЕУТОВО,/иск./СТУПНИКИ,/иск./СЛОБОДКА,/иск./АНДРЕЕНКИ, РУСИНОВО; слева —/иск./БЕЛЯЕВО,/иск./РОДНЯ, ШУМИХИНА,/иск./НОВ. МИХАЙЛОВКА,/иск./МОСЕЕНКИ, КОСАЯ ГОРА.

4. 160 СД наступать в полосе: справа — БЕЛЯЕВО, РОДНЯ,/иск./МАЛ. БОСЛАВКА, НОВ. МИХАЙЛОВКА, МОСЕЕНКИ,/иск./КОСАЯ ГОРА; слева — р. УГРА.

5. 113 СД составляя арьергард группы войск прикрывать наступление группы войск.

Действовать методами подвижной обороны — уничтожаяседающего врага, разрушать, минировать пути за собою, устраивать завалы. Противник должен всюду встречать непреодолимые и труднопреодолимые препятствия.

6. В авангарды и боковые отряды выделить лучшие части, снабдив их артиллерий, орудиями ПТО, минометами и саперными частями.

При встрече с противником в затяжные бои не вступать, а немедленно обходить противника по закрытой местности.

Движение совершать главным образом ночами.

Все дороги к основным маршрутам главных сил также минировать, для чего заранее выбросить отборные команды сапер.

При нашем наступлении местный конский состав, обоз и мужчин от 16 до 55 лет забирать с собой.

7. ДИВИЗИЯМ 338 и 160 иметь сильные авангарды, постоянно действовать в полосе своего наступления усиленной разведкой из лучших отборных сил. Организовать сильные боковые отряды. Дивизиям иметь свои аррьергарды на случаи просачивания врага в тыл действующих дивизий и для охраны раненых.

8. Начало общего наступления приказанием Командарма, письменно или лично.

Наступление внезапное — без артиллерийской подготовки.

9. Требую от командиров и комиссаров всех степеней — решительных, смелых и дерзких действий.

Тщательно продумать и отработать все вопросы взаимодействия, организовать четкое управление частями и подразделениями. Каждому командиру до командира дивизии включительно иметь двух заместителей.

10. Мои заместители: первый — генерал ОФРОСИМОВ, второй — полковник ОЛЕХВЕР.

М. ЕФРЕМОВ   А. ВЛАДИМИРОВ   М. ОЛЕХВЕР».

Сосредоточившись в районе д. Шпырево, окруженные части генерала Ефремова в ночь с 13 на 14 апреля 1942 года пошли на прорыв. Перенос времени прорыва из окружения на сутки был согласован с генералом армии Г.К. Жуковым. Причиной этому послужило то, что ряд частей 113-я и 160-я сд не успели во время занять исходное положение, т.к. были связаны боем с противником.

Появившиеся после войны предположения о том, что прорыв частей западной группировки 33-й армии с самого начала превратился в просачивание отдельных групп, абсолютно не соответствуют действительности. Откуда пошла гулять подобная информация по страницам книг и статей — неизвестно, но даже сын генерала Ефремова, Михаил Михайлович, в одной из своих статей, посвященных этим событиям, в своей статье под названием «Под Вязьмой весной 1942 года», напечатанной в военно-историческом журнале в 1992 году, написал:

«С вечера 13 апреля всякая связь с Ефремовым теряется. Части группы разрозненными отрядами с 14 апреля начали пробиваться на восток. Как единое целое ударная группировка генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова прекратила свое существование» [3. С. 17].

В действительности все было иначе. Несмотря на то, что командиры с большим трудом смогли привести смертельно уставших бойцов и младших командиров в порядок, на первом этапе прорыва из окру-

жения, вплоть до 17 апреля, остатки частей и подразделений западной группировки войск 33-й армии сражались с врагом как единый армейский организм, подчиняясь приказам командарма. И только уже после четырехдневных непрерывных боев с противником, в ходе которых окруженная группировка понесла большие потери, она стала действовать небольшими разобщенными отрядами и группами. Но даже в этих непростых условиях группа, которую лично возглавлял генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, до самого последнего момента была наиболее крупной среди всех по численности и действовала не по инерции, а в соответствии с определенным планом и волей командующего армией.

Для того чтобы отвлечь противника от западной группировки войск 33-й армии под командованием генерала М.Г. Ефремова, а также в целях выполнения боевой задачи, поставленной директивой командующего Западного фронта, соединения 43-й и 49-й армии в этот день с раннего утра перешли в наступление. Вновь самые ожесточенные бои шли в районе рощи «Сапог» и у д. Большое Устье. Подразделения 488-го пп 268-й пд, понесла большие потери, были вынуждены отойти к опушке леса южнее д. Городец.

98-я пд противника, усилив наиболее опасные места в своей обороне подразделениями, снятыми с других участков, в том числе и соседних дивизий, смогла удержать занимаемый рубеж. В суточном оперативном донесении группы армий «Центр» за 14 апреля 1942 года положение дел в полосе боевых действий 98-й пд описывалось следующим образом:

«...98 ПД на участке Русиново — северная часть Павлово отразила 6 атак противника (иногда в ближнем бою), нанеся ему большие потери. Наши потери составили 138 человек. Боеспособность частей значительно снизилась из-за больших потерь, усталости личного состава...» [2. С. 915].

Прорваться через дорогу Беляево — Буслава удалось далеко не всем частям окруженной группировки. Тяжелая участь постигла обоз с ранеными и тяжелобольными, который перед выходом вместе с медицинским и обслуживающим персоналом насчитывал 2657 человек. Во время боя погибли около тысячи бойцов и командиров.

Прорвавшаяся через дорогу группа во главе с генералом М.Г. Ефремовым продолжила движение по лесу, и после боя в районе Родни была вынуждена свернуть в Шумихинский лес, где вскоре остановилась на дневку. Группа насчитывала около 2200–2500 человек. Не смогли пройти через дорогу значительная часть 160-й сд во главе с командиром дивизии полковником Н.Н. Якимовым и почти полностью 113-я сд во главе с полковником К.И. Мироновым, которые впоследствии выходили из окружения самостоятельно.

Положение окруженных усугублялось еще и тем, что со второй половины 13 апреля с оперативной группой штаба 33-й армии не было

никакой связи. Причина подобного так и осталась невыясненной, однако есть предположения, что средства связи пришли в негодность в ходе бомбардировки в этот день авиацией противника д. Шпырево, где находился штаб во главе с генералом Ефремовым.

Рано утром 15 апреля 1942 года часть группы генерала Ефремова предприняла наступление в районе населенных пунктов Горнево и Тарасов, однако безуспешно. Из промежуточного донесения штаба 268-й пд за 15 апреля 1942 года:

«...Части 33-й русской армии силой в 500–1000 человек напали в утренние часы на лесной лагерь роты 9-го строительного батальона севернее Горнево, и захватили западную часть населенного пункта Тарасов. В данный момент они находятся в районе севернее, восточнее и юго-восточнее Горнево, и пытаются пробиться дальше в лес юго-западнее Дегтянки...» [1. Т. 315. Р. 1852. Ф. 000221].

Получив доклад о том, что гарнизон Тарасово атакован значительно превосходящими по силам подразделением ефремовцев, командование 268-го артполка противника отрядило для его усиления одно из подразделений с четырьмя пулеметами. Одновременно командование 268-й пд отправило в район Горнево и Тарасова все, что имелось у него на тот момент под рукой, и в конце даже вынуждено было даже привлечь часть сил разведывательного батальона дивизии.

Из донесения штаба 268-й пд о потерях, понесенных ее частями и подразделениями в ходе боя в районе Горнево и Тарасова 15 апреля 1942 года [1. Т. 315. Р. 1852. Ф. 000232]:

«Потери, понесенные 15-го апреля у Горнево и Тарасова.

	Офицеры погибло	Унтер-офицеры и рядовые погибло	ранено
а) Горнево			
9-й строительный батальон	1	22	30
Дивизионная связь	-	7	8
268-й артполк	-	4	4
268-й разведывательный батальон	-	1	2
Саперный батальон	-	1	1
	-----	-----	-----
	1	35	45
б) Тарасов			
268-й артполк	1	25	41
Противотанковый батальон	-	1	4
	-----	-----	-----
	1	26	45
Всего	2	61	90».

Забегаая несколько вперед, следует отметить тот факт, что за весь период прорыва из окружения частей западной группировки войск 33-й армии бой за Горнево и Тарасов оказался самым кровопролитным для обеих сторон. Именно после этого боя в одном из донесений противника сообщалось:

«...необходимо признать, что русские, несмотря на свое отчаянное положение, держатся как солдаты чрезвычайно мужественно...» [Т. 741. R. 19350. F. 0710].

Проведя после этого боя небольшую перегруппировку подчиненных ему частей, генерал Ефремов принял решение с остатками своей группы, не многим более тысячи человек, попытаться выйти к Угре в районе д. Костюково, преодолеть реку и соединиться с главными силами Западного фронта. Предпринятая под утро 16 апреля 1942 года попытка прорваться на противоположный берег реки Угры не увенчалась успехом: Костюково оказалось занято противником, и группа генерала Ефремова, неся потери, была вынуждена отойти в лес западнее Малое Виселево.

На протяжении трех суток с 16 по 18 апреля группа генерала Ефремова, находясь в этом районе, предприняла несколько безуспешных попыток прорваться через дорогу Новая Михайловка — Малое Виселево в направлении д. Жары, где противником был подготовлен оборонительный рубеж. Из промежуточного боевого донесения штаба 268-й пд за 18 апреля:

«...Попытка вражеской группы 33-й русской армии прорваться из леса, что у Ключика, в юго-восточном направлении через линию охранения между Новой Михайловкой и Малым Веселево была сорвана. По словам пленных, эта вражеская группа насчитывает 500 человек. В ней находится командующий 33-й армии» [1. Т. 315. R. 1852. F 000257].

По мнению автора именно в ходе одной из последних попыток пробиться в направлении д. Жары, получил смертельное ранение начальник артиллерии армии генерал-майор П. Н. Оффорсимов, останки которого до сих пор так и не найдены. По всей видимости, он и ряд других командиров и бойцов, погибших в том бою, должны быть захоронены в районе лесной высоты с отм. 197,2, где группа генерала Ефремова провела почти трое суток.

Отведя после очередной неудавшейся попытки прорыва вражеской обороны остатки группы назад в лес, генерал М. Г. Ефремов решил попытаться найти брешь в обороне врага в другом месте. Оценив сложившуюся обстановку, Михаил Григорьевич принял решение вновь попытать счастье в районе д. Горнево.

Преодолев незаметно для врага кобелевский тракт, группа генерала Ефремова совершила марш по лесу в направлении д. Горнево и утром 19 апреля атаковала находившегося там противника. Бой шел целый

день. Группе удалось пробиться в лес, находившийся в районе д. Дегтянки, но там она была окружена плотным кольцом врага. Командиры и красноармейцы сражались с врагом на пределе человеческих возможностей. Люди-герои, они продолжали драться с врагом даже тогда, когда сопротивление было уже просто бессмысленным, прекрасно зная о том, что в винтовке давно нет патронов, а штык утерян в ходе долгих блужданий по лесным тропам. Из вечернего доклада штаба 12-го армейского корпуса в штаб 4-й армии:

«19.4.42. 22.00.

После тяжелого боя, вражеская группа (примерно 200 человек) была уничтожена в лесу юго-западнее Дегтянки. Потери врага: примерно по 130 человек убито и взято в плен...» [1. Т. 314. Р. 501. Ф. 001136].

Получив в последнем бою тяжелое ранение, и не желая попасть в плен к противнику, генерал-лейтенант М. Г. Ефремов застрелился. К счастью, сохранился свидетель последнего боя генерала Ефремова А. Н. Сизов, который впоследствии рассказал о нем сыну командарма М. М. Ефремову, благодаря чему мы имеем правдивую картину тех событий. Впоследствии дополнила его рассказ военфельдшер 160-й сд А. Я. Крылова, находившаяся в этой группе.

Во второй половине дня 20 апреля 1942 года в журнале боевых действий 268-й пд появилась следующая запись:

«...В уничтоженной 19-го апреля силами 268-й пд группе врага в количестве 200 человек, находился и главнокомандующий 33-й армии генерал Ефремов. Генерал, оценив свое положение как безнадежное, застрелился...» [1. Т. 314. Р. 501. Ф. 001138].

Отдавая должное героизму бойцов и командиров, лично командующему 33-й армией генерал-лейтенанту Михаилу Григорьевичу Ефремову, его тело было с почестями захоронено противником 20 апреля 1942 года возле церкви д. Слободка, тогда Знаменского района, Смоленской области (рис. 1, 2).

Так получилось в нашей истории, что вначале о героическом подвиге бойцов и командиров 33-й армии все, как «по команде», забыли, затем появилось много выдумок, не имеющих никакого отношения к трагедии 33-й армии, начиная с расстрела немецкими танками обоза с ранеными, заканчивая сотнями перебежчиков, чего на самом деле не было. На немецких захватчиках и так негде ставить клеймо — они принесли неисчислимое горе нашей Родине, но выдумать всякого рода небывлицы дело недостойное для победителя в этой войне.

Подвиг, совершенный воинами 33-й армии, как и всего нашего народа и его воинов в годы Великой Отечественной войны, абсолютно не нуждается в каких-либо праздничных выдумках и приукрашиваниях. От этого он только приобретает налет никому не нужной сказочности и недосто-

Рис. 1. Тело М. Г. Ефремова перед погребением. 20 апреля 1942 г.

верности, что, в конечном счете, обесценивает его, порождая неверие в события, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. А все потому, что десятилетия после войны в официальных средствах информации, и в первую очередь в периодической печати было очень много явной лжи и лицемерия. А ведь тогда жили миллионы людей, сражавшихся в годы войны в составе Действующей армии, уж они-то знали, как все было на войне: дешевой и недостоверной информацией их было не провести. Поэтому в нашей стране любимыми фильмами и книгами советских людей были «Они сражались за Родину» и «Судьба человека» М. Шолохова, «Живые и мертвые» К. Симонова,

Рис. 2. Фанерный лист — первое надгробие М. Г. Ефремова. 1942 г.

Рис. 3. Двое праправнуков М.Г. Ефремова у его могилы. 2014 г.

отнюдь не пафосные произведения о наших победах. Это были рассказы о тяжелых и суровых буднях войны, чего было намного больше, чем мнимых побед и достижений, оплаченных неимоверной ценой потерь.

Светлая память о подвиге воинов 33-й армии, ее героического командарма генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова всегда будет жить в нашей памяти и в наших сердцах, гарантией этому являются торжественные мероприятия, посвященные 70-й годовщине Великой Победы, прошедшие в этом году по всей стране, и особенно марш «Бессмертного полка». Который наглядно продемонстрировал, что мы, наследники славы наших героических отцов и дедов, помним о Великом Подвиге нашего народа в годы Великой Отечественной войны (рис. 3).

Источники и литература

1. NARA (National Archives and Records Administration — архивное учреждение США).
2. Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. Кн. 2. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
3. *Ефремов М. М.* «Под Вязьмой весной 1942 года» // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. — С. 9–17.
4. Клаузевиц, Карл фон. О войне. — М.: Госвоениздат, 1937.
5. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации).

Западноевропейские виды растений в Калужской области как следы линии фронта 1941–1943 годов

Решетникова Н. М.

Главный ботанический сад им. Н. В. Цицина РАН, г. Москва

Сравнительно недавно А. В. Щербаковым и А. Н. Сенниковым в личных беседах и статьях [2. С. 182–185; 4. С. 198–202] было высказано предположение о связи находок некоторых западных видов с дислокацией немецких войск во время Великой Отечественной войны, так называемом «полемохорном» происхождении видов.

Термин «полемохоры» (заносные растения, оказавшиеся за пределами естественного ареала в результате военных действий) введен в ботаническую науку финскими ботаниками [5. Р. 39–51], которые наблюдали появление заносных растений в местах дислокации подразделений советской армии в Финляндии. Изучение и мониторинг местонахождений полемохоров в Финляндии продолжается по сей день.

Большинство полемохоров заносились диаспорами в составе сена и прочего фуража, необходимого для поддержания конницы и гужевого транспорта. Как писал А. Н. Сенников: «Поскольку заготовка сена оккупационными армиями непосредственно на местах была бы крайне неудобна, а местное население по понятным причинам не желало снабжать оккупантов, провизия для лошадей привозилась в огромном количестве: германской армией из южной Германии и советской армией с центра и востока Европейской России».

Летом 2014 года я изучала флору долин рек Ресса, Пополта и Перекша в Калужской области (Мосальский и Юхновский районы). Они образуют единую речную систему — Перекша впадает в Пополту, а Пополта в Рессу. Вдоль всех этих рек расположены немецкие и русские

окопы времен Великой Отечественной войны. Вблизи окопов мы обнаружили целый ряд редких западноевропейских растений: некоторые из них ранее были предложены к охране в области, а некоторые отмечены впервые.

С целью выяснить возможную связь наличия этих видов с немецкой оккупацией, мы обратились за консультацией к научному сотруднику национального парка «Угра», историку А. С. Коваленко. В районе Рессы (Пополты и Перекши) военные действия происходили в период с октября 1941 г. по март 1943 г. При анализе картографического материала (штабная карта 1943 г. [3]) выяснилось, что линия фронта по большей части проходила по долинам рек или вблизи них. Левый берег в основном был немецкий, правый — наш. Штаб немецкой 260-й пехотной дивизии располагался в стороне — вне долины реки Рессы — в д. Харинки Юхновского района. По словам А. С. Коваленко, немцы — согласно документальным и мемуарным источникам — благоустраивали территорию своих штабов, разбивали газоны и высаживали цветы. По мемуарным источникам (А. В. Щербаков, личное сообщение) в 1941–1942 гг. немцы (которые достаточно широко использовали гужевой транспорт) были снежной зимой отрезаны от своих запасов на советской территории и вынуждены были завозить сено из Европы.

Вместе с учащимися московской школы № 179 Н. А. Лапиной, М. С. Панкиным, Ф. А. Целлариусом и преподавателем Е. И. Кудрявцевой мы предприняли попытку отыскать обозначенную на карте штаба старую дорогу от Рыляк в Харинки (эта деревня в настоящее время не существует) и попробовать найти собранный здесь в 1981 г. Л. Ф. Волосновой *Phyteuma spicatum* — Кольник колосистый, ранее занесенный в Красную книгу Калужской области [1], и, возможно, другие западноевропейские растения. В результате нами на дороге в немецкий штаб отмечено 10 западноевропейских видов (считая Кольник колосистый, который обнаружить все же не удалось): *Festuca filiformis* Roug. — Овсяница нитевидная, *Holcus mollis* L. — Бухарник мягкий, *Lerchenfeldia flexuosa* (L.) Schur. — Лерхенфельдия извилистая, *Phleum hubbardii* Kovats — Тимофеевка, *Carex brizoides* L. — Осока трясуноквидная (рис. 1), *Heraclеum sphondylium* L. — Борщевик обыкновенный, *Pimpinella major* (L.) Huds. — Бедренец большой (рис. 2), *Cruciata laevipes* Oriz — Круциата гладконогая, *Achillea ptarmica* L. — Тысячелистник птармика.

Старая дорога довольно хорошо читается в лесу — она обкопана небольшими валами и канавками (рис. 3). По ней, иногда отклоняясь в «разбитых» местах, проходит современная дорога, по-видимому, лесовозная, она пересекала две вырубки. Все редкие в области запад-

Рис. 1. Осока трясунковидная

Рис. 2. Бедренец большой

Рис. 3. Окопанная бровка старой дороги

ноевропейские виды были найдены только вдоль старой дороги (или там, где колеи совпадали), а у новой колеи не зарегистрированы. При находке каждого редкого вида мы осматривали и лес вокруг. Изучены поляны, участки вне дороги, которые казались перспективными для поиска редких растений — на них найдены довольно редкие в области растения, но все виды с западными ареалами были отмечены только у старой колеи или на старой обочине на небольшом валу.

Еще 9 найдено вблизи окопов Великой Отечественной войны у Пополты, Перекши и Рессы: 3 вида совпадают — Овсянница нитевидная, Лерхенфельдия извилистая и Тимофеевка; а также *Festuca nigrescens* Lam — Овсянница черная, *Helictotrichon pratensis* (L.) Pilger. — Овсец луговой, *Koeleria pyramidata* (Lam.) Beauv. — Келерия пирамидальная, *Hieracium jaccardi* Zahn. — Ястребинка Жаккара, еще 2 вида: *Malva maschata* L. — Мальва мускусная и *Lapsana intermedia* Vieb. — Бородавник промежуточный, возможно, связаны и с парковой культурой.

Всего в 2014 году в долинах рек Ресса, Пополта и Перекша отмечено 15 (!) западноевропейских видов. Интересно, что почти все из них, за исключением двух (Мальвы мускусной и Бородавника промежуточного), довольно невзрачные, хотя растут большими зарослями (6 из них — злаки), поэтому их появление именно с фуражом (сеном) немецких оккупационных войск довольно вероятно. Почти все они в Средней России и на северо-западе зарегистрированы после 1945 года (исключения: 2 вида, обитающие на севере России — Лерхенфельдия извилистая и Тысячелистник птармика), но в Калужской области все появились после Великой Отечественной войны.

Полученные материалы значимо подтверждают высказанное А. Н. Сенниковым и А. В. Щербаковым предположение о роли немецкой оккупации в появлении некоторых растений на территории России и представляют интерес для историков. Многие из этих редких видов в отрыве от основных ареалов были включены в Красную книгу Калужской области [1] или внесены в новые списки охраняемых растений региона — целых 7 (!) видов (Овсянница нитевидная, Бухарник мягкий, Келерия пирамидальная, Лерхенфельдия извилистая, Осока трясуновидная, Кольник колосистый, Тысячелистник птармика). Если их происхождение можно связать с событиями Великой Отечественной войны, то, как заносные виды, они не должны охраняться. Однако их произрастание в регионе представляет собой особый исторический интерес и их следует включить в мониторинговый список растений. Впервые в регионе отмечены Мальва мускусная, Бородавник промежуточный, впервые в Средней России — Овсянница черная и Тимофеевка. Овсянница нитевидная — редкий западный вид, ранее была известна в России в трех точках, найдена в 2014 году в 5 местах.

Необходимо продолжить специальные исследования территорий, где долговременно (в первую очередь летом) проходила линия фронта, и участков, где размещались немецкие штабы или склады. Особое внимание следует уделить участкам сосновых лесов.

Благодарим за организацию работ министерство природных ресурсов, экологии и благоустройства Калужской области, особенно О.А. Но-

викову. Благодарны за помощь в работе и консультации В.П. Есипову, А.С. Коваленко, А.Н. Сенникову, А.В. Щербакову, В.В. Телегановой, а также участникам похода в немецкий штаб — Е.И. Кудрявцевой, Н.А. Лапиной, М.С. Панкину, Ф.А. Целлариусу.

Источники и литература

1. Красная книга Калужской области. — Калуга, 2006.
2. Сенников А.Н. Горькая память земли: растения-полемохоры в Восточной Фенноскандии и Северо-Западной России // Проблемы изучения адвентивной и синантропной флор России и стран ближнего зарубежья: материалы IV Международной научной конференции (Ижевск, 4–7 декабря 2012 г.). — Ижевск, 2012.
3. Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации. Ф. 404–49-я армия. Оп. 9739. Д. 15 (Карта группировки войск противника перед фронтом 49-й армии на 5 марта 1943 года).
4. Щербаков А.В., Киселева Л.Л., Панасенко Н.Н., Решетникова Н.М. Растения — живые следы пребывания группы армий «Центр» на русской земле // Флора и растительность Центрального Черноземья — 2013: материалы межрегиональной научной конференции (г. Курск, 6 апреля, 2013). — Курск, 2013.
5. Mannerkorpi P. Uhtuan taistelurintamalle saapuneista tulokaskasveista // Ann. Bot. Soc. Zool.-Bot. Fenn. Vanamo. 1944. — Vol. 20, Notulae 15.

Перспективы формирования и развития ландшафтного военно-мемориального музея «Угра-фронт»

Новиков В. П.

Национальный парк «Угра», г. Калуга

В границах национального парка (НП) «Угра» имеются уникальные ландшафты, включающие отчетливые следы военных действий периода Великой Отечественной войны — прямые свидетельства, памятники грозных событий 1941–43 гг. Здесь, как нигде в Средней России, хорошо сохранился первичный «рельеф войны», представленный разнообразными фортификационными сооружениями (окопами и траншеями с колючей проволокой, огневыми точками, фрагментами землянок и блиндажей), воронками от снарядов и бомб, остатками полевых аэродромов и рокадных дорог, братскими могилами и урочищами на местах исчезнувших деревень. Неотъемлемой частью этих ландшафтов являются также многочисленные памятные места — участки местности, утратившие в основном первоначальный облик военного времени, но ассоциативно связываемые сегодня с теми или иными событиями той поры, с людьми, в них участвовавшими. Такие места являются как бы косвенными составляющими военно-исторических ландшафтов и представлены как природными (лес, луг, река, овраг и т.п.), так и антропогенными (сады, поля, инженерные сооружения гражданского назначения и др.) объектами. Помимо этого выделяются вторичные элементы рассматриваемых ландшафтов — памятные знаки — различные символические сооружения, мемориалы, созданные на местах былых сражений, а также связанное с ними информационное обеспечение и музейные экспозиции [1].

Наиболее ярко описываемые культурные ландшафты представлены на участке национального парка «Угра» к северо-западу от г. Юх-

нова (рис. 1). Данный участок выступает как единое поле сражений Великой Отечественной войны: от немецкого вторжения осенью 1941 г. до Московского наступления зимой 1941–42 гг. и последовавшей затем стабилизации фронта (до весны 1943 г.) вдоль речного рубежа Ресса–Угра–Воря. Начало военных действий ознаменовалось ожесточенными боями в октябре 1941 г. на переправе через Угру, где немцы были задержаны отрядом И.Г. Старчака и подольскими курсантами. В результате зимнего наступления, 5 марта 1941 г. был освобожден г. Юхнов, и к апрелю главные силы Красной Армии закрепились на правом берегу р. Рессы, а также по левому берегу Угры и Вори. До марта 1943 г. 49-я и 43-я армии продолжали здесь позиционные бои и удерживали пять плацдармов, захваченных на вражеской укрепленной линии «Угра-фронт». К этим плацдармам выходили остатки окруженной под Вязьмой 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. В полосе боев исчезло около 40 деревень. После немецкого отступления, на левом берегу Угры, в районе д. Козловки, до августа 1943 г. располагался командный пункт (КП) Западного фронта, который посетил Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин.

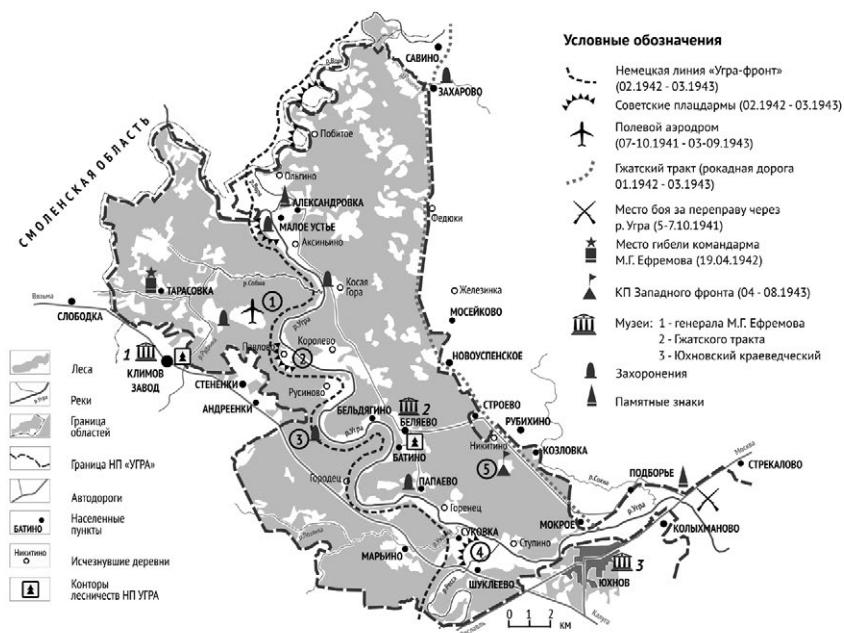

Рис. 1. Схема размещения основных объектов и памятных мест Великой Отечественной войны на юхновском участке НП «Угра».

Цифры в кружках — оборудованные военно-мемориальные тропы: 1 — «Лукановский (Павловский) аэродром», 2 — «Павловский плацдарм», 3 — «Русиновский берег», 4 — «Суковский плацдарм», 5 — «Командный пункт Западного фронта»

До организации национального парка исследования, проводившиеся на рассматриваемой территории под названием «Вахт Памяти», носили преимущественно мемориальный характер, поскольку основной целью поисковых отрядов было перезахоронение останков погибших воинов. В силу этого событийная информация о боевых действиях, как правило, не накапливалась и, за редким исключением, не обобщалась. Собранные военные раритеты в лучшем случае хранились в школьных и заводских музеях, но чаще они «растворялись» в частных коллекциях. В местах проведения подобных раскопок нередко возникали новые захоронения с памятными знаками, не содержащими, к сожалению, никакой исторической информации. На сегодня в границах юхновского участка парка находится 26 захоронений и установлено более 10 памятных знаков (без погребений) [4].

В 2004 г. в национальном парке была принята Программа исследования и мемориализации исторического наследия Великой Отечественной войны. В ходе выполнения этой программы проанализированы опубликованные источники, собраны архивные материалы, позволяющие воссоздать подробную картину и хронологию военных действий в границах парка. Кроме того, накоплено большое количество артефактов военного времени, являющихся незаменимым экспозиционным материалом. Реализуется и основная цель программы — формирование сети экскурсионных маршрутов, которые показывают своеобразие и раскрывают познавательные возможности военно-исторических объектов, предоставляя посетителям парка наглядную информацию по истории Великой Отечественной войны. Главное внимание при этом уделяется подлинным следам военной эпохи, и видимый «рельеф войны» не только сохраняется, но в необходимых случаях частично восстанавливается и реконструируется (рис. 2, 3). Подобные работы осуществляются с достаточной степенью достоверности: на основе архивных документов и воспоминаний ветеранов. Для усиления эффекта восприятия, возможности погружения в реальную историческую среду, на местах боев устанавливаются муляжи вооружения, бетонные «колпаки» ДЗОТов, сооружаются макеты сожженных деревенских изб [3]. Подобные реконструкции несут в себе огромное воспитательное и патриотическое начало, позволяют представить и увидеть жестокий «лик» войны, что невозможно заменить никакими символами и знаками. Поэтому появление последних в местах, сохранивших явные следы войны, представляется совершенно излишним, диссонирующим с историческим ландшафтом.

На сегодня в национальном парке создано и оборудовано для посещения пять военно-мемориальных троп протяженностью от 0,5 до 4 км, где частично восстановлены или реконструированы отдельные объекты военного времени, проведены ландшафтные рубки, сооружены видовые площадки, информационные щиты и указатели [4]. Тропы «Павловский

Рис. 2. Примеры реставрации окопов в НП «Угра»:
а) передовой немецкий окоп на высоком берегу Угры («Русиновский берег»),
б) передний край обороны советских войск на «Павловском плацдарме»

плацдарм» и «Суковский плацдарм» показывают участки советских плацдармов на правом берегу р. Угры на месте полностью (Павлово) или частично (Суковка) исчезнувших деревень. Принципиальное различие между этими тропами состоит в том, что на Павловском плацдарме проведена преимущественно реставрация сохранившегося «рельефа» войны с дополнениями в виде «обшивки» окопов и траншей древесными материалами, восстановленного блиндажа и площадки для орудия, обгоревших срубов деревенских домов и муляжей вооружения. На Суковском плацдарме, целиком спланированном в послевоенные годы под сельскохозяйственные нужды, выполнена историческая реконструкция различных фортификационных сооружений (окопов, огневых точек, деревянно-земляного вала) (рис. 4). На тропе «Русиновский берег» восстановлен фрагмент передового окопа немецкой линии «Угра-фронт», а на противоположном берегу

Рис. 3. Примеры реконструкции фортификационных сооружений в НП «Угра»:
а) деревянно-земляной вал на линии немецкой обороны («Суковский плацдарм»),
б) орудийная площадка с укрытием на «Павловском плацдарме»

Рис. 4. Примеры обустройства военно-мемориальных троп:
 а) видовая площадка и информационный щит на «Суковском плацдарме»,
 б) информационный щит на «Павловском плацдарме»

р. Угры построены заградительные сооружения вдоль бывших позиций войск 49-й армии. На Лукановском (Павловском) аэродроме демонстрируется обширное летное поле (бывшая пашня среди леса) и два расчищенных от деревьев земляных капонира (из 25 обнаруженных) с землянкой для обслуживающего персонала. Наконец, на тропе «КП Западного фронта» посетители могут увидеть подлинные траншеи военного времени, а также реконструированный блиндаж и смонтированные на одной площадке фрагменты «колейной» автодороги и колючих заграждений, окружавших ранее всю территорию командного пункта (2,5 кв. км).

Помимо обустройства военно-мемориальных троп, национальным парком в Юхновском районе заложены традиции новых военных праздников, во время которых, с участием исторических клубов, проводятся реконструкции отдельных эпизодов сражений на Угре (рис. 5). В 2009 г.

Рис. 5. Эпизоды исторических реконструкций (2015 г.):
 а) бой в д. Павлово, б) бой на Павловском плацдарме

в урочище Русиново был проведен российский Детско-юношеский фестиваль патриотической песни, поэзии и исторической реконструкции военного костюма. Периодически по некоторым военно-мемориальным объектам парка устраиваются мото-пробеги, посвященные Дню Победы.

Проводимая национальным парком «Угра» музеефикация военно-исторических ландшафтов и связанная с этим воспитательная работа встречает положительные отклики как у массовой аудитории, так и в среде профессионалов. Парк награжден Почетным знаком Российского государственного военного историко-культурного центра при Правительстве РФ «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации», а его сотрудники — медалями «60 лет Победы», «Патриот России», «За активный поиск», «В память о народном ополчении».

Финансирование всех проводимых работ осуществляется, по мере возможности, за счет средств национального парка. Заметную помощь оказывают волонтерские группы и муниципальные власти. Но основной «прорыв» в деятельности по увековечению событий Великой Отечественной войны на Угре обеспечила благотворительная поддержка парка Международным центром по обогащению урана, позволившая в 2010–13 гг. не только оборудовать три военно-мемориальных тропы, но и издать соответствующие буклеты и сувениры.

В итоге к сегодняшнему дню в национальном парке выполнен значительный объем работ по мемориализации и музеефикации полей сражений 1941–43 гг. [2], что позволяет в ближайшей перспективе рассматривать юхновский участок его территории как полноценный ландшафтный военно-мемориальный музей под названием «Угра-фронт» (терминология оперативных сводок военного времени). Его формирование практически уже началось, — важно определить теперь структуру и дальнейшие направления развития этого музейного комплекса. Представляется, что подобный комплекс будет состоять из некоторого количества экспозиционных площадок, включающих такие объекты, как военно-мемориальные тропы, отдельные памятники военного времени, памятные места и памятные знаки. Эти объекты могут быть связаны тематически с учетом хронологии, характера и содержания боевых действий на территории формируемого музея, а также истории населенных пунктов и всей прифронтовой жизни.

Основные направления развития экспозиционного пространства ландшафтного военно-мемориального музея «Угра-фронт», таким образом, могут быть представлены в виде следующей программы:

1. Расширение и совершенствование системы экскурсионных троп для ключевых мест боевых действий 1941–43 гг.; реставрация и воссоздание исторических копий отдельных объектов военного наследия.

2. Строительство экспозиционного павильона для размещения военных раритетов, найденных на юхновской земле, демонстрации архивных документов и фотографий военного времени (район д. Суковка).
3. Сооружение видовой площадки и натурной экспозиции (с использованием макетов и муляжей) на участке «Красногорского плацдарма» и переправы через р. Угру у бывшей д. Аксиньино (реконструкция боев в апреле 1942 г.).
4. Восстановление утраченного музейного строения на месте командного пункта Западного фронта и экспозиции, связанной с посещением его И.В. Сталиным (в 1949–56 гг. — филиал Центрального музея Советской Армии).
5. Фрагментарное восстановление селитебных территорий в ландшафтах отдельных деревень, уничтоженных войной.
6. Установка памятных знаков, создание мемориалов и культовых сооружений в памятных местах боевой славы.
7. Разработка многодневных туристических маршрутов (пеших, водных, велосипедных) по рубежам военных противостояний, путям отступления 33-й армии, рокадным дорогам и урочищам на местах бывших деревень.
8. Улучшение транспортных коммуникаций, мостовых переходов и подъездов к основным экспозиционным площадкам музея.
9. Проведение различных акций и праздников, связанных с памятными датами периода Великой Отечественной войны.
10. Придание территории ландшафтного музея охранного статуса «достопримечательное место».

В качестве примера можно подробнее рассмотреть отдельные позиции из приведенного списка. По первому направлению в табл. 1 представлен перечень мероприятий для улучшения и развития существующих экскурсионных троп.

Что же касается новых экскурсионных маршрутов, также подразумеваемых в первом пункте рассматриваемой программы, то среди них можно выделить следующие (названия предварительные):

- «Гжатский тракт» — участок бывшего тракта (рокадной дороги 1942–43 гг.) между дд. Новоуспенское (где немцами была разрушена церковь для ремонта дороги) и Мосейково, с выходом на урочище Железинка (место бывшей деревни), где сохранился бетонный оголовок ДЗОТа.
- «Бывшая деревня Горнее» — урочище, прилегающее к мемориалу на месте гибели генерала М.Г. Ефремова. Сохранились фундаменты домов деревни, ямы от землянок военного времени, фрагменты полей и сада, остатки мельничной плотины

Совершенствование существующих военно-мемориальных троп

Название тропы	Содержание работ *
«Русиновский берег»	— Увеличение протяженности тропы за счет восстановления траншеи 2-й линии немецкой обороны. — Строительство офицерского блиндажа (с воссозданием интерьера) на правом берегу р. Сижи.
«Павловский плацдарм»	— Оборудование родника и подходов к нему из окопов воюющих сторон в северной части плацдарма (со стороны р. Угры). — Восстановление передового окопа первоначальной линии немецкой обороны (вдоль кромки высокой террасы р. Угры). — Частичное восстановление «паутиных» окопов, траншей и укрытий в центральной части плацдарма. — Оборудование места переправы через р. Угру (причал, лебедка, лодка с металлической обшивкой бортов).
«Суковский плацдарм»	— Формирование дорожно-тропиночной сети вдоль «линии фронта» и в сторону смотровой площадки на поле. — Разрубка ландшафтных «окон» в молодом сосняке на поле, в т. ч. в створе восстановленных немецких укреплений. — Установка памятного знака на месте бывшей школы д. Суковка, где совершил подвиг Герой Советского Союза П. Д. Хренов. — Строительство подземного бункера в тылу немецкой обороны, на левом берегу р. Ужайки.
«Лукановский аэродром»	— Установка макета самолета в натуральную величину (с маскировочной сетью) в одном из расчищенных капониров в северной части аэродрома. — Частичная расчистка группы капониров в южной части аэродрома и оборудование пешеходной тропы для их осмотра. — Оформление взлетно-посадочной полосы и стартовых площадок для самолетов.
«КП Западного фронта»	— Замена устаревшего оборудования тропы; сооружение наблюдательной вышки и стрелковых ячеек в прилегающем окопе. — Строительство офицерского блиндажа (с оформлением интерьера).

* По каждому новому объекту предусматривается установка дополнительных информационных щитов и указателей.

на р. Собже. Через урочище проходит старая дорога к «Кобелевскому» броду на р. Угре.

- «Русиновские городища» — два сближенных городища раннего железного века на высоком берегу р. Угры, в 3 км вниз по течению от бывшей д. Русиново. Оборонительные рвы и валы городища использованы в фортификационной системе немецкой линии «Угра-фронт» — демонстрация преемственности функции древних и современных укреплений.
- «Место боев за переправу» — участок левого берега р. Угры, прилегающий к Варшавскому шоссе, где 5–7 октября 1941 г. бойцы десантной группы майора И. Г. Старчака и курсанты Подольских пехотного и артиллерийских училищ задержали наступление

немцев на Москву. 8 октября Герой Советского Союза А.Г. Рогов направил горящий самолет на скопление немецкой техники у переправы. Объект соседствует с памятными знаками, посвященными этим событиям; информация о них может быть размещена на фермах старого моста через Угру.

Наконец, вкратце следует перечислить отдельные объекты военного наследия, заслуживающие оборудования в качестве новых мест экскурсионного посещения на территории ландшафтного музея:

Полевой аэродром у д. Кувшиново — входит в число аэродромов, построенных вокруг г. Юхнова сразу после начала войны. С июля по октябрь 1941 г. на них базировался авиаполк тяжелых бомбардировщиков Красной Армии.

Необходима установка памятного знака.

Наблюдательные пункты частей 49-й армии — по данным архивных документов, располагались на левом берегу р. Угры у бывших деревень Косая Гора, Королево, Батино, Папаево и др.

Желательна реконструкция одной-двух наблюдательных вышек и бревенчатых укрытий.

Городища «Александровка» и «Косая гора» — рвы и валы мысовых городищ раннего железного века использовались советскими войсками в полевой фортификации 1942–43 гг. В них размещались сохранившиеся до настоящего времени окопы, ходы сообщения, огневые точки.

Желательна частичная реконструкция и установка информационных щитов.

Противотанковые рвы — имеются вблизи д. Шуклеево и в урочище Ольгино на берегах рек Ресса и Воря.

Необходима установка информационных щитов.

Лесоперерабатывающие пункты — остатки бетонных конструкций для крепления пилорам в районе д. Слободка и в урочище Дюкино. На этих пунктах в 1941–43 гг. перерабатывался заготовленный для отправки в Германию лес.

Желательны небольшие расчистки и установка информационных щитов.

Следующее направление, отмеченное в мероприятиях по развитию военно-мемориального музея «Угра-фронт» — строительство экспозиционного павильона, где могли бы быть представлены артефакты, обнаруженные на местах боев: фрагменты крупного вооружения (пушек, танков), мин и снарядов, стрелкового оружия, касок и обмундирования, а также хозяйственно-бытовой утвари (фляжки, котелки и пр.). Другую часть экспозиции планируется посвятить информационным материалам и архивным документам, рассказывающим об основных

событиях 1941–43 гг. Эскизный проект павильона уже готов — это заглубленное в землю здание, внешне напоминающее военный объект с узкими оконцами-амбразурами (рис. 6). Полезная площадь данного сооружения складывается из наличия небольшого открытого двора и внутреннего помещения размером свыше 36 кв. м.

Экспозиционный павильон предполагается разместить на восточной окраине д. Суковки (рис. 7), на бывшей линии фронта (переднем крае) одноименного плацдарма, ныне обозначенной большими деревянными «ежами». В силу того, что данный плацдарм практически не сохранил следов военных действий (за исключением немецких окопов и подземных укрытий в его залесённой части), кажется оправданным в процессе музеефикации этого объекта прибегнуть к традиционным способам увековечения «памяти места». Речь идет о возможности сооружения в самой высокой точке рельефа скульптурного памятника-мемориала, хорошо видимого с разных сторон.

Аналогичный подход, связанный с памятным местом переправы через Угру, можно использовать в районе бывшей д. Аксиньино, откуда наносились главные удары Красной Армии при захвате Красногорского плацдарма в апреле 1942 г. На фундаменте ранее существовавшей церкви Николая Чудотворца (сооружена в 1711 г.) можно было бы устроить

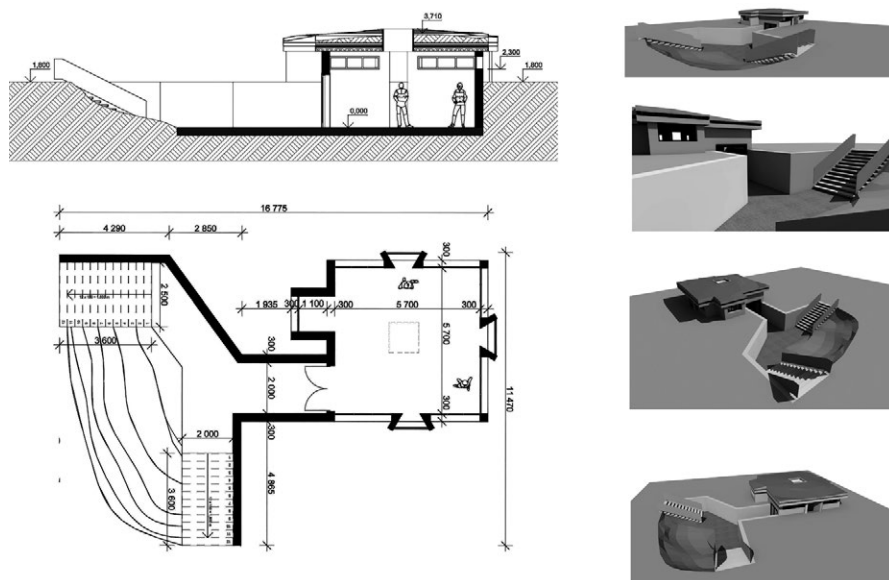

Рис. 6. Эскизный проект экспозиционного павильона на «Суковском плацдарме» (архитектор А.А. Щетинина)

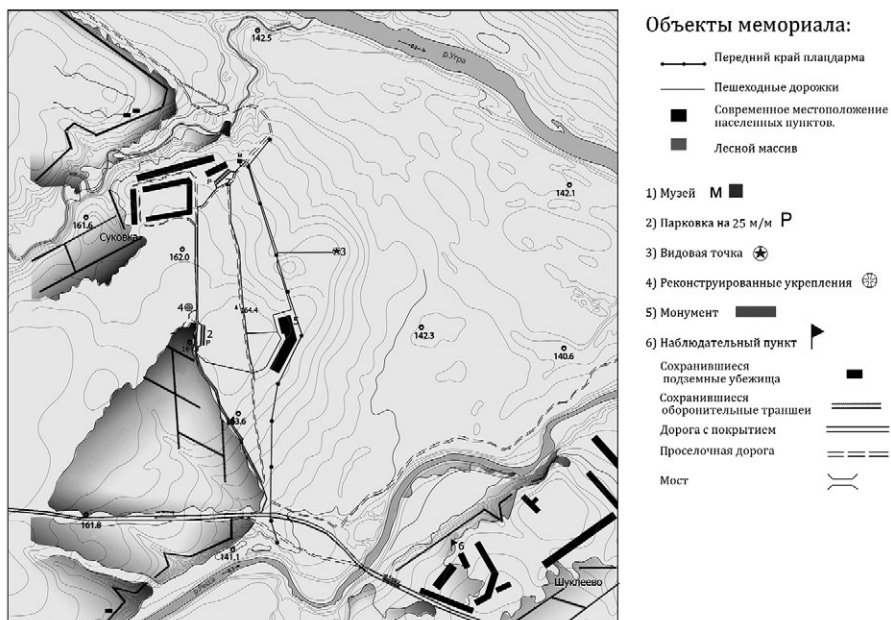

Рис. 7. Эскизный проект планировки мемориала на «Суковском плацдарме» (архитектор А.А. Щетинина)

небольшую часовню и оборудовать обзорную площадку с видом на правый берег реки. Сам участок «Красногорского плацдарма», к сожалению, не доступен для непосредственного посещения, т.к. он входит в заповедную зону национального парка. В то же время, с учетом имеющихся подробных описаний ожесточенных боев в данном месте [5], можно предложить музефикацию этого плацдарма с использованием «декораций» — легких и простых в исполнении макетов реально существовавших объектов: понтонной переправы, танков, огнеметов, пулеметов, а также условного обозначения мест расположения бывших деревень Красная Горка, Красный Октябрь, Большой Устье и «линии фронта», окончательно установившейся здесь только 29 апреля (хотя весь Западный фронт перешел к обороне еще 20 апреля, когда официально закончилась Московская битва). Советским войскам не удалось выполнить основную задачу — прорваться навстречу окруженным частям 33-й армии, но отдельные группы окруженцев впоследствии сумели выйти к данному плацдарму.

На тропе «Командный пункт Западного фронта» предстоит возвести недавно утраченный деревянный дом (оставшийся из 18-ти в составе КП), в котором в 1949–56 гг. размещался музей, посвященный приезду И.В. Сталина. Вождь провел здесь всего одну ночь, с 3 на 4 августа

1943 г., в спартанских условиях — собственно это и демонстрировал бывший музей: походная кровать, стол, табуреты, шкаф с шинелью. Основа для подобной реконструкции имеется — старое фото музея и архивные чертежи саперной части, возводившей КП.

Как и многое другое из перечня основных мероприятий по развитию ландшафтного музея, строительные объекты требуют специального проектирования и определенных финансовых затрат на их возведение. Поэтому на сегодня важно определить возможные источники такого финансирования. Но, с учетом нынешней экономической ситуации, на быстрое продвижение программы рассчитывать не приходится. В силу этого на первый план выдвигается задача максимального сохранения уникального историко-культурного наследия описываемой территории от неблагоприятных природных факторов и вмешательства человеческой деятельности.

Список литературы

1. Новиков В. П. Память Земли. Ландшафт как свидетельство и как объект мемориализации // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. — М., 2013. — С. 157–169.

2. Новиков В. П. Некоторые итоги работы национального парка «Угра» по сохранению, восстановлению и музеефикации культурных ландшафтов // Природа и история Поугорья. Вып. VII. — Калуга, 2013. — С. 227–235.

3. Новиков В. П., Коваленко А. С. Музеефикация ландшафтов полей сражений Великой Отечественной войны (1941–43 гг.) в национальном парке «Угра» // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Вып. XIV. — Калуга, 2012. — С. 349–352.

4. Памятники истории и культуры национального парка «Угра». 2-е изд. / Под ред. В. П. Новикова. — Калуга, 2014. — С. 202–215 (Коваленко А. С. Великая Отечественная война. Военские захоронения и памятники).

5. Садовников С. И. Поиск, ставший судьбой. — М., 2003. — С. 81–143.

О достоверности военно-инженерных реконструкций

Коваленко А. С.

Национальный парк «Угра», г. Калуга

Западную половину Юхновского района Калужской области в марте 1942 — марте 1943 гг. пересекала линия фронта, по линии рек Воря, Угра, Ресса. В первые два месяца советские войска вели бои за преодоление данной водной преграды, затем — затяжные позиционные бои на захваченных плацдармах и по всему рубежу. Весь период боевых действий, до отступления немцев, воюющие стороны развивали систему оборонительных укреплений. В наши дни берега трёх этих рек покрывает лабиринт траншей — сотни километров, и тысячи провалов грунта на местах укрытий. В памятных местах боевых действий национальный парк «Угра» с 2005 года создаёт экскурсионные маршруты, для оформления которых использует реконструкции военно-инженерных сооружений.

При создании реконструкций приходится сочетать три принципа, порой противоречащие один другому — достоверность, эффективность, а также целесообразность с точки зрения технических разработчиков и исполнителей. В музейном деле вообще, достоверность соблюдается до определённой степени, абсолютно точное воспроизведение реконструируемого прообраза просто не требуется. Например, в Брянской области действуют экспозиции в музее «Партизанская поляна» и природном заказнике «Трубчевский партизанский лес». Большие землянки, сконструированные по воспоминаниям очевидцев, несколько лет назад выглядели так, будто они действительно построены бойцами из подручного лесоматериала — не совсем аккуратно. Ныне на одной из экспозиций сама поляна замощена камнем, а землянка повторно построена

с использованием тщательно оструганных на станке, стандартных пиломатериалов — это можно признать уместным для мемориала, призванного пробуждать торжественное и возвышенное настроение. При Центральном музее Великой Отечественной войны в г. Москве имеется экспозиция с таким же названием — «Партизанская поляна», оборудованная по данным наставления для диверсионных частей НКВД. При этом опоры землянок выполнены из бетона, а для имитации деревянной поверхности обёрнуты листами шпона или оргалита. Все поверхности покрыты лаком, сверкают хромированные шляпки гвоздей — конструкцию и габариты сооружений это отображать не мешает. Национальный парк «Угра» в оформлении мемориала «Суковский плацдарм» использовал реконструкцию укрепления немецких войск — бревенчатый вал (рис. 1), но в целях художественной выразительности не стал воспроизводить маскировку. Рядом установлен длинный маскировочный забор — каркас из жердей, на котором в оригинале должны были закрепляться молодые деревья с листвой и хвоей, а в реконструкции, по причине недолговечности природных материалов — табельная маскировочная сеть.

Основной козырь национального парка состоит в том, что реконструкции размещаются непосредственно на месте таких же сооружений военного времени и встроены в систему подлинных оборонительных траншей. Эти два обстоятельства любым реконструкциям придают солидности, но, с другой стороны, повышают требования к их экстерьерному и интерьерному облику — понятно, что в национальном парке, на подлинном поле боя необходимо точнее воспроизводить оригинал, чем в городском музее или в архитектурной композиции мемориала. Насколько же возможно приблизиться к абсолютной достоверности?

Рис. 1. Реконструкция укреплений на линии обороны немецко-фашистских войск

В сети Интернет [23–25] доступен ряд изданий — наставлений и пособий по военно-инженерному делу, содержащих чертежи. В советском военном ведомстве наставления, имевшие статус официального норматива и адресованные бойцам стрелковых, инженерных и прочих частей, издавались в 1939 (с переизданием в 1942-м), 1943 (с грифом «Проект»), 1946, 1951 гг. В последнем из перечисленных [7] на второй странице сделана отметка: с его выходом утрачивают силу предшествующие издания, включая проект 1943 г. Следующее наставление вышло в 1956 г. и, как современный документ, уже подразумевало широкую механизацию военно-инженерных работ, с вытекающими отсюда изменениями многих конструкций. Пособия по фортификации немецко-фашистских войск, составленные на основе разведывательных материалов и изучения укреплений противника в освобождённых районах, были выпущены в 1942 (дважды), 1944, 1945 гг. Вышедшая последней в этом ряду книга полковника В. Н. Ястребова [22], служившего начальником технического отдела штаба инженерных войск Западного фронта, содержит прямые отсылки к немецким укреплениям, расположенным в районе г. Юхнова, на рр. Угре и Рессе. Наряду с непосредственным использованием наставлений, при проведении советской стороной фортификационных работ на берегах этих рек имели место случаи специальной подготовки проектной, чертёжной документации в штабах инженерных войск Западного фронта, 49-й армии, а также инженерами дивизий и полков. Чертежи сооружений противника составляла инженерная и общевойсковая разведка. Сохранившиеся в Центральном архиве Министерства Обороны документы эти часто сопровождаются картами крупного масштаба (от 1: 50 000), в силу чего не подлежат рассекречиванию. Однако чертежи и рукописные карты-схемы укреплений можно выявить в архивных делах, содержащих переписку по текущим вопросам, а также в официальных историях войсковых формирований. Пример — чертежи построек командного пункта Западного фронта 1943 г. (экскурсионный объект национального парка), в районе д. Козловки Юхновского района. Эти документы приложены к составленным в том же году по указанию командования историям 150-го инженерно-сапёрного батальона и вышестоящей 11-й инженерно-минной бригады [21. Д. 2, 26]; причём облик землянки и блиндажа фронтального штаба сильно разнится с типовыми образцами из наставлений, предназначавшимися для рядовых бойцов.

Можно ли выявить для реконструкции непосредственные чертежи «тех самых» сооружений или приходится равняться на общие установки наставлений и пособий — в обоих случаях соблюдение чертежа не гарантирует точного воспроизведения прообраза. Дело в том, что на практике чертежи зачастую не соблюдались. 28 ноября 1941 г., когда

вышедшие впоследствии на рубеж р. Угры войска сдерживали немецкий натиск на ближних подступах к Москве, Ставка Верховного Главнокомандования издала приказ № 0150, за подписью И. В. Сталина и начальника Генерального штаба маршала Б. М. Шапошникова. Приказ был посвящён улучшению боевого использования инженерных сил и средств; однако в преамбуле характеризовал недостаточную постановку военно-инженерной подготовки в Красной Армии вообще: «Общевойсковые командиры, за немногими исключениями, недооценивают инженерную службу, сами знают её плохо и не учат подчиненных инженерному делу. В результате, в значительной части полков и дивизий не знают элементарных правил и приемов самоокапывания и инженерного оборудования позиций, не умеют правильно отрыть окоп или выполнить работу по устройству заграждений, при занятии рубежа не создают оборудованных в инженерном отношении позиций и не организуют заграждений местности как в предполье, так и в глубине своих позиций. Помощь и руководство в этом деле со стороны инженерных начальников не организуется должным образом» [11. С. 26–27]. На рубеж Угры советские войска вышли в марте 1942 г.; а в августе месяце, после полугода оборонительного строительства, командование Западного фронта сочло необходимым установить стандарты. В районе дислокации фронтового штаба (тогда — близ ст. Обнинское) были построены эталонные образцы разных сооружений, начиная от простейших траншей; было предписано соорудить эталоны и при штабе каждой дивизии (три таких штаба находились на территории Беляевского лесничества национального парка «Угра»). Штабом инженерных войск фронта были изданы и разосланы по армиям и дивизиям альбомы чертежей [4. С. 102–106]. Прошло ещё почти полгода и, несмотря на всё сделанное, 8 января в 49-й армии, занимавшей позиции на рр. Угре и Рессе, пришлось составить приказ по поводу несоблюдения стандартов при строительстве укрытий — произошло несколько обрушений с человеческими жертвами. Выходом из положения было названо усиление конструкций с помощью металлических сжимов и деревянных распорок, что ещё сильнее увело облик сооружений от стандартного [16. Д. 17. Л. 8].

Реконструкторам необходимо также учитывать достаточно обычное явление, когда расположенное на одном и том же месте сооружение несколько раз переделывалось. Окапываться первыми начали немцы: командование их 4-й армии решило оборудовать рубеж по Угре, как оптимальной позиции для обороны, ещё до перехода советских войск в наступление под Москвой (т. е. до 5 декабря 1941 г.) [3. С. 115; 10. С. 288]. Всю зиму, отчаянно сдерживая натиск «красных», немцы в своём тылу укрепляли правый берег Угры, чтобы с этого рубежа отступить уже не пришлось. В советских источниках при характеристике

обороны противника часто используется термин «снежно-деревянные сооружения»: с использованием снега и льда в качестве защитной толщи немцы строили дзоты, оборонительные валы, траншеи и блиндажи. С установлением тёплого времени года обе воюющие стороны развернули оборонительные работы в оттаявшем грунте. Обе значительно активизировали отрывку траншейной сети и оборудование укрытий в преддверии осени с её похолоданием и дождями, обещавшими, помимо прочего, обвалы намокшего грунта. Для усиления конструкции укрытий и огневых точек не ленились снять засыпку и перекрытия с уже готовой постройки. Осень оказалась затяжной: земля подмёрзла не сильно, снежный покров установился поздно, — и стороны продолжали пробивать всё новые окопы, достраивать и перестраивать укрытия вплоть до отступления немцев весной 1943 г. Периодически переносить огневые позиции, оборудовать запасные и ложные сооружения если не всегда было правилом, то хотя бы признавалось таковым.

На протяжении всего года, пока велись оборонительные работы, в советских низовых подразделениях, погружённых в многочисленные хлопоты и опасности фронтовой жизни, повторялись случаи экономии времени и сил за счёт качества укреплений. На протяжении всего года командование 49-й армии и занимавших наш водный рубеж дивизий — 217-й, 194-й, 18-й гвардейской, 42-й, 338-й, 164-й — производило проверки, материалы которых отложились в переписке перечисленных войсковых формирований [см., например: 12. Д. 3; 13. Оп. 9711. Д. 57; Оп. 9751. Д. 423; 15. Д. 19, 26; 16. Д. 17; 18. Д. 4, 8; 19. Д. 41, 43]. На одних участках меньше, на других больше — везде фиксировалось отставание от заданных темпов строительства. Например, в полосе 194-й стрелковой дивизии: 21 мая мелкие окопы не позволяли приподняться даже на колено [12. Д. 3. Л. 110], 23 июля на участке одной из рот ходы сообщения имелись только «в полурост» [18. Д. 4. Л. 61], 19 сентября на плацдарме за Угрой, вокруг д. Павлово (экскурсионный объект национального парка) не было «ни одного грамотно поставленного ДЗОТа» [15. Д. 19. Л. 185]. Звучали нарекания в связи с невыполнением плана по «одеванию крутостей» — то есть закреплению стенок траншей жердями или другим лесоматериалом (рис. 2). Однообразной критике подвергались укрытия: сооружения для ведения огня, блиндажи для защиты от огневого воздействия, жилые землянки — низкие и тесные, тёмные и душные, отсутствуют двери и полы, не открыты водоотводные канавки и колодцы, не сделаны пирамиды для оружия. Один из приказов по этой проблеме, гласящий: «Условия для отдыха личного состава всё ещё не созданы», — был разослан по частям 49-й армии 10 февраля 1943 г. [16. Д. 17. Л. 55], когда стоять на угорском рубеже оставалось меньше месяца. Особое внимание проверяющих, разумеется, привлекало

Рис. 2. Реконструкция одежды подлинной траншеи (фото В.П. Новикова)

обеспечение обзора и обстрела — имели место решения о переносе уже оборудованной огневой позиции из-за небольшой ошибки в размещении на местности, о перестройке дзотов из-за слишком маленькой или слишком большой амбразуры (в последнем случае — для повышения защищённости стрелка). Армейское и дивизионное командование неоднократно оглашало требование привести фортификацию в соответствие с нормами, однако при следующей проверке обнаруживало, что подчинённые справились не вполне. В целом берег признавался подготовленным к обороне, но устранять какие-то отклонения приходилось то там, то здесь.

Поскольку уход за экспозициями требует периодического скашивания травы, уместно вспомнить, что высокая трава в 1942 г. учитывалась в качестве помехи для ведения огня. Командующий 49-й армией генерал-лейтенант И.Г. Захаркин отдавал приказания: удалить траву в секторах обстрела [см., например: 15. Д. 19. Л. 61, 66]. 3 июля на такой приказ было направлено донесение из 217-й стрелковой дивизии: на левом берегу выкос производится; относительно Павловского плацдарма же, где противник находится в нескольких десятках метров — дивизионный инженер занимается поиском решения [19. Д. 41. Л. 268]. 27 июля проверка плацдарма установила: нейтральная полоса остаётся покрыта высокой травой, благодаря чему солдаты противника сумели подползти и снять наши мины [19. Д. 43. Л. 49–50]. 20 ноября был отдан приказ по сходной проблеме: перестроить дзоты, подняв амбразуры

на 60 см для превышения уровня будущего снежного покрова [15. Д. 19. Л. 265, 270]. Последний из-за тёплой погоды долго не мог установиться, в чём можно предполагать причину неаккуратности в исполнении данного приказа. На упомянутом уже плацдарме в районе д. Суковки, когда снег всё-таки выпал, обзор из амбразур оказался перекрыт. 9 января противник воспользовался слабостью наблюдения и совершил нападение на советские траншеи, выведшее из строя 27 наших бойцов. 16 января с плацдарма в штаб 18-й гвардейской дивизии было доложено: амбразуры подняты, обзор и обстрел восстановлены [15. Д. 26. Л. 132–157, 170].

О фортификационных работах противника сведений меньше, но и на его берегу в облике сооружений можно отметить большую пестроту. Осмотр снежно-деревянных укреплений на освобождённой в начале 1942 г. территории показал чрезвычайно разнообразие немецкой фортификации и затруднительность в определении какого-либо стандарта [8. С. 20–71, 86–89]. Интенсивно проводившаяся с августа 1942 г. инженерная разведка отметила наличие у немцев дзотов, каждый из которых оказался индивидуальным в силу сочетания различных габаритов, конструкции (стойчатой или срубной), количества амбразур (1–3) и их ориентации [13. Оп. 9745. Д. 11. Л. 60–85]. Любопытно отметить, что общевойсковые разведчики в ходе своих вылазок могли пройти до 200 м по траншеям противника и побывать внутри его дзота, так и не встретив часовых. После отступления врага командующий инженерными войсками Западного фронта генерал-лейтенант И. П. Галицкий организовал обследование немецких укреплений. Его подчинённым был вышеупомянутый В. Н. Ястребов, в книге которого вывод о разноликости снежно-деревянных сооружений повторён и в отношении дерево-земляных.

В итоге можно заключить, что для абсолютно достоверного размещения реконструкций разных сооружений, бытовавших в 1942 г. на берегах Угры, имеется немало архивных графических источников. Кроме того, важнейшим ориентиром служат сами памятники — траншеи и провалы на местах укрытий. В отношении же внешнего вида этих сооружений технические разработчики и исполнители реконструкций имеют широкую свободу рук, во-первых, потому что нормы и стандарты на практике соблюдались слабо, во-вторых, поскольку сооружения неоднократно перестраивались. Если детали внешнего вида установить невозможно, любую реконструкцию можно считать приемлемой, лишь бы она отображала основные, общие черты объекта и была практичной с технической точки зрения.

Данный вывод не освобождает от необходимости исследований по вопросу, какие черты следует отнести к категории основных. Совет-

ские и немецкие войска применяли в целом сходные типы сооружений, с некоторыми вариациями в деталях.

Два типа оборонительных траншей фигурируют в советских предвоенных наставлениях: траншея глубиной 1,1 м с бруствером высотой 0,3 м, для движения пригнувшись и стрельбы стоя, и траншея глубиной 1,5 м с бруствером высотой 0,4 м для движения в рост и стрельбы со ступеньки. Военная практика постоянно порождала третий вид траншей, который был включён в проект наставления 1943 г.: глубиной 0,6 м и бруствером в 0,3 м, для движения ползком (на четвереньках, строго говоря) и стрельбы с колена. Участок траншеи первого типа был реконструирован на немецких позициях в районе урочища Русиново (экскурсионная тропа национального парка «Русиновский берег»). Впоследствии выяснилось, что реконструированная глубина совпадает с подлинной — последняя была установлена в ходе исследования расположенного поблизости древнего городища. Фрагмент немецкой траншеи XX века был расширен и превращён в археологический раскоп, на стенке которого чётко видна линия, служившая дном траншеи до частичного обвала стенок (рис. 3 [1]). Тыловая немецкая траншея на том же участке была намного глубже, она до сих пор способна укрыть взрослого человека. Советская разведка отметила наличие у противника ходов сообщения, пригодных для гужевого и автомобильного движения, подводящих к самому переднему краю [13. Оп. 9745. Д. 11. Л. 63]; В.Н. Ястребов добавляет: это исключительный случай, зафиксированный только под Юхновом. Подобный глубокий ров, очевидно предназначенный для проезда техники, проходит на советской стороне р. Рессы над высоким берегом. В истории занимавшей данную позицию 18-й гвардейской стрелковой дивизии отмечено применение «кочующих орудий», переезжавших после нескольких выстрелов. Однажды для разрушения немецкого дзота за Рессой понадобилось подкатить к переднему краю тяжёлую гаубицу [6. С. 64].

Рис. 3. Отображение первоначальной глубины траншеи на стенке археологического раскопа

Одевание крутостей траншей на реконструированных отрезках (жердями, плетнём, хворостом, досками) может вызвать скепсис — ведь лабиринт подлинных траншей протянулся на сотни километров. Но оно действительно имело место, по крайней мере, на отдельных участках; закреплённые стенки командиры представляли подчинённым в качестве нормы. А вот соблюдению следующего шага при обустройстве траншей — обмазке их одежды глиной или грязью в противопожарных целях — никаких подтверждений не выявлено. На берегах Угры, где грунты представлены преимущественно чистым песком, липкую грязь понадобилось бы черпать со дна реки. Рядом с Павловским плацдармом расположена д. Андреевки, жители которой в предвоенное время жили гончарным ремеслом. Выразительный пример: глину им приходилось брать в нескольких километрах от деревни, переправляясь через Угру, и спускаться для добычи этого ископаемого на верёвках в яму, сопоставимую с шахтой [2].

В оборудовании огневых позиций сочетались открытые ячейки и площадки, перекрытые ячейки и дзоты. Например, 16 сентября на участке одного из полков 18-й гвардейской дивизии было 288 закрытых пулемётных сооружений, 204 перекрытых стрелковых ячеек, 160 одинарных и 130 парных открытых стрелковых ячеек [15. Д. 19. Л. 174]. Каждая из последних — примитивный окопчик — находилась на ответственности командиров подразделений, заносилась в отчётную документацию. Немецкие дзоты разведка характеризовала как примитивные и немногочисленные [см., например: 13. Оп. 9745. Д. 11. Л. 63, 74, 84]; решающую роль играло тщательное приспособление огневых позиций к условиям местности — как резюмировала инженерная разведсводка 49-й армии от 25 сентября 1942 г.: «Сила обороны противника достигнута правильным расположением огневых точек, обеспечивающих обстрел заграждений и огневую связь между собой, хорошо развитой системой ходов сообщения и траншей, дающих возможность широко маневрировать живой силой и огневыми средствами» [13. Оп. 9745. Д. 11. Л. 70]. 6 октября командующим артиллерией 49-й армии было отмечено, что в результате артиллерийских дуэлей противник стал отказываться от строительства дзотов и использовать преимущественно открытые окопы [13. Оп. 9751. Д. 423. Л. 66]. С приближением зимы строительство закрытых огневых сооружений приобрело несколько больший вес. В аналитическом обзоре от 14 февраля 1943 г., составленном офицером Генерального штаба при штабе 18-й гвардейской дивизии майором Д. Кулюлиным, немецкая оборона на рубеже р. Рессы характеризуется следующим образом: «Система огня построена, преимущественно, из ДЗОТов вдоль флангов и косопрямая с открытых площадок, в ночное время автоматическое

оружие зачастую выносятся в открытые площадки, обращено особое внимание на прострел зеркала реки продольным огнём и подступов к реке с нашей стороны» [15. Д. 20. Л. 6 об].

Наряду с широким использованием сторонами проволочных заграждений стандартных типов, наподобие «трёхрядной проволочной сети» или «спирали Бруно», можно отметить повышенное значение деревянных рогаток и ежей (рис. 4–5 [7]). Рогатки, по инструкции предназначенные для закрытия проходов в стационарных заборах из колючей проволоки, на Угре перекрывали низменные участки берега на отрезках протяжённостью 150 и более метров [см., например: 13. Оп. 9711. Д. 79. Л. 5 об; Оп. 9745. Д. 11. Л. 60, 79; 14. Д. 1. Л. 68; 17. Д. 56; 20. Д. 73. Л. 34 а]. Вероятно, изготовление множества рогаток предпочиталось установке стационарного забора как менее опасная работа. Ежи положено было размещать на бруствере траншеи по 5–6 штук и, в случае прорыва врага, сбрасывать на дно для перекрытия движения. На нашем же рубеже противники выставляли в полях и лугах сотни ежей, к которым прикреплялись мины. Более известные публике противотанковые ежи были использованы немцами на Русиновском берегу — запирали устье оврага [13. Оп. 9745. Д. 11. Л. 84].

Типичной чертой немецких укрытий для людей считались окна, выполненные по образцу подвальных — ниже уровня земли, с проникновением света через приямок. Советские наставления не предусматривали снабжения солдатских укрытий окнами, но последние всё же устраивались. Вышеупомянутый приказ по поводу случаев обрушения называет окна одной из причин ослабления конструкции. Во фронтовом штабе близ д. Козловки каждая из 53-х землянок для проживания и работы офицеров имела 4 окна — в стене длиной 6,3 м два окна занимали по 1,3 м (рис. 6 [21. Д. 26. Л. 14]).

История оборонительного строительства на берегах Угры содержит об укрепленных рубежах такие сведения, которые невозможно установить по типовым инструкциям. Воспроизведение подобного рода деталей, неожиданных для публики, весьма существенно с точки зре-

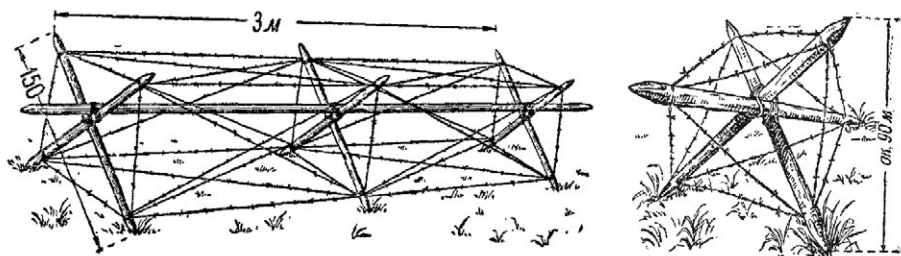

Рис. 4–5. Рогатка и проволочный ёж

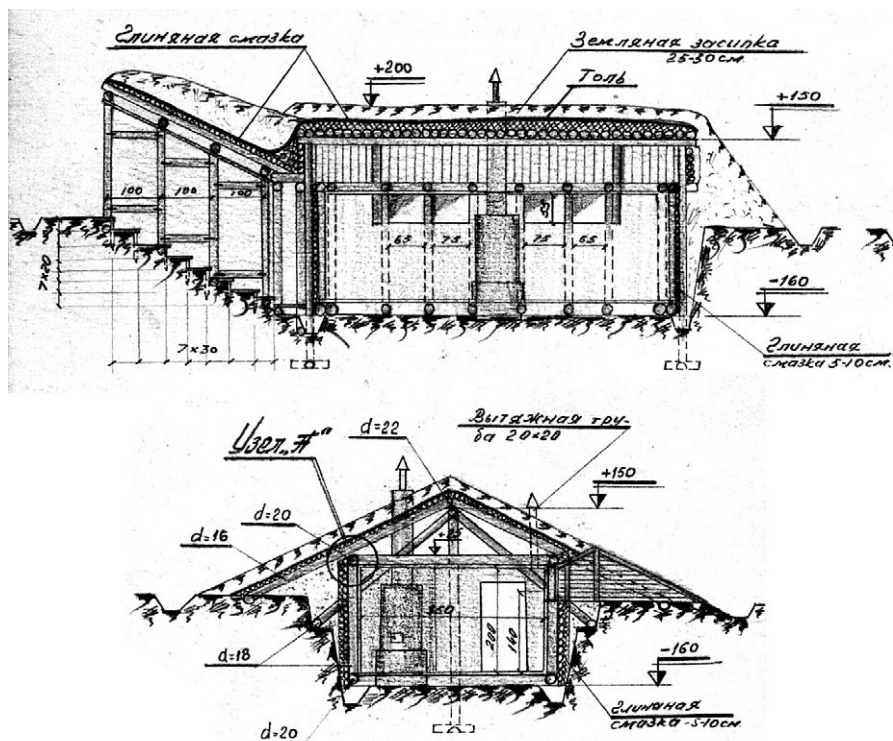

Рис. 6. Землянка с окнами

ния не только достоверности, но и экспозиционной выразительности. Не менее важным, чем реконструкции, слагаемым экспозиционного пространства является пейзаж (топография, военно-тактические свойства местности) [см. об этом: 5; 9. С. 202–220]. Степень достоверности реконструкций может варьироваться в большую или меньшую сторону — в любом случае они остаются лишь косметическими штрихами на подлинном поле боя, среди подлинных укреплений. Эта подлинность и является источником наиболее глубоких впечатлений.

Источники и литература

1. Архив национального парка «Угра». Отчёт о научно-исследовательских работах: «Массалитина Г.А., Болдин И.В. Археологические работы на городище Русиново I Юхновского района Калужской области. 2008 г.»
2. Архив национального парка «Угра». Материалы письменного опроса участников Великой Отечественной войны, 2010 г. Анкета Костышевой А.Я.
3. Блюментрит Г. Московская битва // Роковые решения вермахта. — Ростов-на-Дону, 1999.
4. Галицкий И.П. Дорогу открывали сапёры. — М., 1983.

5. *Коваленко А. С.* Локальные эпизоды Великой Отечественной войны на рубеже Угра-фронт // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. — Калуга, 2015. Вып. 16. (В печати).

6. *Лобанов В. Б.* Восемнадцатая гвардейская. — Калининград, 1975.

7. Наставление по военно-инженерному делу для всех родов войск Советской Армии. — М., 1951.

8. Оборона и полевые фортификационные сооружения немецкой армии. — М., 1942.

9. Памятники истории и культуры национального парка «Угра». — Калуга, 2015. Изд. 2-е.

10. Разгром немецких войск под Москвой. — М., 2006.

11. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. — М., 1947. № 5.

12. ЦАМО РФ. Ф. 158-й отдельный сапёрный батальон 194-й стрелковой дивизии. Оп. 14902 сс.

13. ЦАМО РФ. Ф. 404-49-я армия.

14. ЦАМО РФ. Ф. 755-й стрелковый полк 217-й стрелковой дивизии. Оп. 7983.

15. ЦАМО РФ. Ф. 1086-18-я гвардейская стрелковая дивизия. Оп. 1.

16. ЦАМО РФ. Ф. 1140-42-я стрелковая дивизия. Оп. 1.

17. ЦАМО РФ. Ф. 1402-164-я стрелковая дивизия. Оп. 1.

18. ЦАМО РФ. Ф. 1451-194-я стрелковая дивизия. Оп. 1.

19. ЦАМО РФ. Ф. 1486-217-я стрелковая дивизия. Оп. 1.

20. ЦАМО РФ. Ф. 1655-338-я стрелковая дивизия. Оп. 1.

21. ЦАМО РФ. Ф. 30332-11-я инженерно-минная бригада. Оп. 1.

22. *Ястребов В. Н.* Немецкие полевые оборонительные рубежи (Западный фронт 1942/43 г.) Опубликовано на сайте vn-parabellum.com.

23. rufort.info (интернет-ресурс).

24. vn-parabellum.com (интернет-ресурс).

25. www.kaponir.ru (интернет-ресурс).

Сведения об авторах

Бирюкова Маргарита Анатольевна — краевед, член Союза российских писателей; rittabiruikova@mail.ru.

Грин Галина Ярославовна — ведущий методист Центрального музея Великой Отечественной войны; greengalina@mail.ru.

Жажина Наталья Николаевна — заслуженный учитель РФ Товарковской средней общеобразовательной школы № 2; gagina.natalya@mail.ru.

Коваленко Александр Сергеевич — научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Угра», kovalenko@parkugra.ru.

Массалитина Галина Александровна — ведущий научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Угра», кандидат исторических наук; parkugra_nauka@mail.ru.

Мельников Владимир Михайлович — президент Межрегионального благотворительного общественного фонда «Жить и Помнить», кандидат исторических наук; v.melnikov57@mail.ru.

Новиков Валерий Петрович — главный научный сотрудник ФГБУ «Национальный парк «Угра», кандидат геолого-минералогических наук; vp_novikov@mail.ru.

Покасов Владимир Прокопьевич — историк; v.pokasov@mail.ru.

Решетникова Наталья Михайловна — научный сотрудник Главного ботанического сада им. Н.В. Цицина РАН, кандидат биологических наук; n.m.reshet@yandex.ru.

Рябов Сергей Алексеевич — ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, кандидат военных наук; wprg@yandex.ru.

Рябцев Александр Семёнович — доцент Тульского филиала Московского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат исторических наук; ryabtsev.14@mail.ru.

Сухоруков Сергей Арсеньевич — генеральный директор ЗАО «Эмсотех», доктор электротехники, член-корреспондент Академии электротехнических наук; emcotec@kaluga.net.

Чернов Владимир Александрович — краевед; greengalina@mail.ru.

Министерство природных ресурсов
и экологии Российской Федерации

ФГБУ «Национальный парк «Угра»

г. Калуга, Пригородное лесничество, д. За

тел./факс: (4842) 277-024, 277-027

e-mail: parkugra@kaluga.ru

www.parkugra.ru

Российские рубежи: реки Угра и Жиздра в истории военных противостояний

Подписано в печать 15.10.2015.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «ПТ Сериф». Тираж 300 экз.

Центр печати «Хотпринт»

г. Калуга, ул. Тульская, 44

тел. (4842) 40-07-46

www.print40.com